

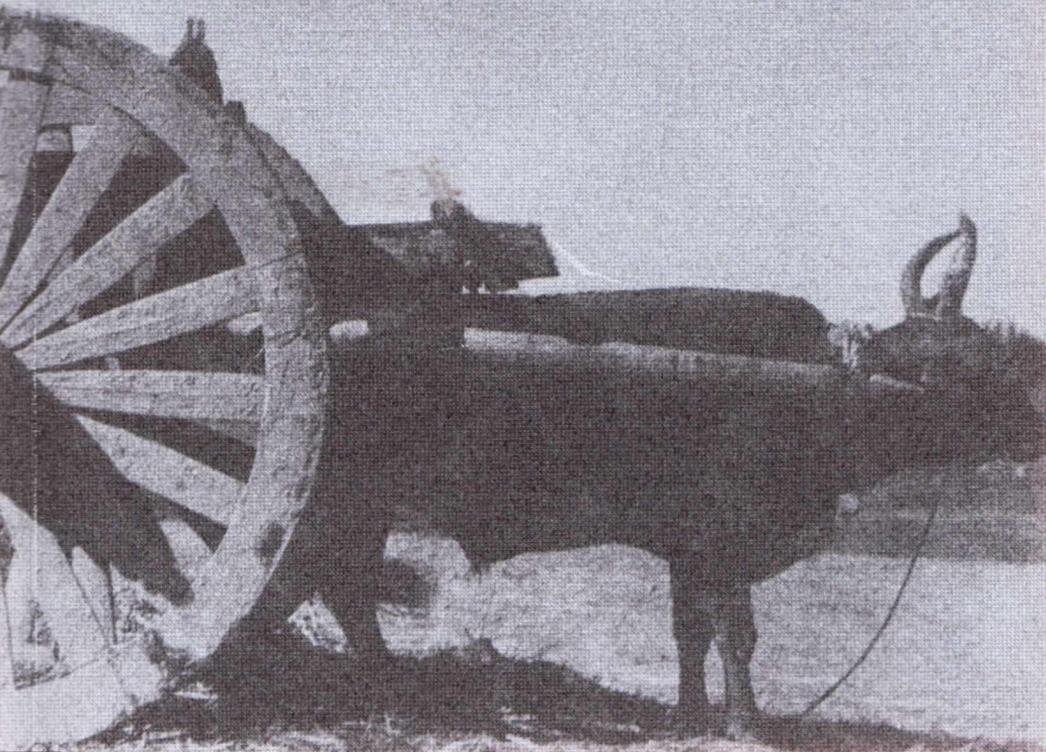
63.5
к-93

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

КАРАКАЛПАКСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КАРАКАЛПАКСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

КУРБАНОВА З.И.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА КАРАКАЛПАКСТАНА: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

63.5

к-93

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

КАРАКАЛПАКСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КАРАКАЛПАКСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

КУРБАНОВА З.И.

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА
КАРАКАЛПАКСТАНА:
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ,
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

«ИЛИМ»
Нукус – 2020

187362

Ответственные редакторы:

Заслуженный деятель науки Республики Каракалпакстан,
кандидат исторических наук **Есбергенов Х.**

кандидат исторических наук **Карлыбаев М.А.**

Рецензенты:

К.и.н. Бекмуратова А.Т.,
PhD Давлетияров М.М.

Становлению этнографической науки в Каракалпакстане предшествовал длительный период накопления знаний. Его формирование в самостоятельное направление гуманитарного исследования относится к середине XX в. Наибольший вклад в сбор сведений о культуре и быте этого народа внесли русские исследователи – географы, геологи, ботаники, а также путешественники, купцы, чиновники государственных ведомств и ученые, которые прибыли в край в составе различных экспедиций. Значительным событием в истории становления этнографической науки Каракалпакстана явилась Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, которая способствовала появлению в Каракалпакстане первых региональных кадров-этнографов. Исследования быта и культуры каракалпакского народа, выводы, полученные ими в процессе работы, стали основой развития, собственно, каракалпакстанской этнографической науки.

ВВЕДЕНИЕ

Преобразовательные процессы, происходящие сегодня в нашей республике, самым непосредственным образом затрагивают все сферы нашей жизни. Перемены в общественной жизни обостряют интерес не только к текущим событиям, но и к прошлому. Оживление народных традиций и обычаев, которые на протяжении многовековой истории этносов всегда выступали связующим звеном в преемственности поколений и определяли особенности и своеобразие их национального быта и культуры стали атрибутами национального возрождения. Большая роль в реализации проблем национального возрождения отводится этнографической науке. Именно она способна показать обществу глубину и потенциал его интеллектуальных способностей, нравственных устоев.

Внимание к науке, развитию и укреплению научного потенциала республики, усилению роли науки в социально-экономическом развитии страны особенно ощутимо в последние годы. Определен ряд важных мер по развитию и укреплению научного потенциала страны. Так в Послании Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису отмечается: «Наука и просвещение имеют первостепенное значение для повышения интеллектуального и духовного потенциала не только молодежи, но и всего нашего общества... Там, где развивается наука, наблюдаются регресс, отсталость общества во всех сферах. Стремление овладеть современными знаниями, быть просвещенными и обладать высокой культурой должно стать для всех нас жизненной потребностью»¹.

Между тем до настоящего времени историками не создано обобщающей работы по истории развития отечественной этнографической мысли, тогда как создание подобного исследования даст возможность ученым оценить достижения своих предшественников, выявить узкие места, определить приоритетные направления этнографических изысканий. В этом смысле изучение становления и истории развития этнографии в Каракалпакистане представляется актуальной научно-исследовательской задачей.

В предшествующие годы этнографами было создано довольно большое количество трудов. Многие из них и по сей день, являются настольными книгами ученых. На сегодняшний день необходимым и важным представляется обобщение по возможности большого объема литературы этнографического

¹ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису // Газета «Народное слово» 20 января 2020 года № 19.

характера; так как это дает нам возможность определить приоритеты этнографических исследований, наметить узловые направления и скоординировать развитие научной мысли в перспективе.

Становление этнографической науки Каракалпакстана пришлось на первую половину XX столетия. Однако формированию ее в самостоятельную науку предшествовал продолжительный период накопления этнографических сведений. Эти сведения содержались в многочисленных сообщениях путешественников, дипломатических миссий, первых исследователей края, в период с XVIII до первой четверти XX века, когда этнографическое изучение каракалпакского народа приобрело систематический и профессиональный характер.

Сведения об историческом прошлом каракалпакского народа, в том числе этнографические, встречаются в песнях, родословных, героических поэмах, а также произведениях народных поэтов и писателей². Дошедшие до нас памятники устного народного творчества и произведения каракалпакской литературы содержат порой ценную информацию и интересные детали, дающие возможность дополнить имеющиеся знания о культуре народа, прояснить некоторые забытые страницы истории.

Особую значимость в этой обширной области занимают произведения классиков каракалпакской литературы Бердаха, Ажинияза, Кунходжи, отражающие реальную жизнь народа, его обычаи, традиции, различные исторические события. Наибольший интерес представляет «Шежире» – произведение, содержащее любопытные сведения о происхождении каракалпакского народа и поэтому служащий прекрасным источником для изучения родоплеменной структуры каракалпаков, что, несомненно, является одной из важных проблем современной каракалпакстанской этнографической науки³.

Историографический обзор источников, содержащих сведения о каракалпаках XVIII в., произведен в небольшой по объему, но весьма содержательной статье Т.А. Жданко⁴. Лапидарные сведения этнографического плана, содержатся в литературе XIX – начала XX века, представленной в основной своей массе отчетами и записками путешественников и ученых, побывавших в краю⁵.

2 Кырк кыз // Каракалпак фольклоры. Нөкис, 1980. Т. VI; Алпамыс // Каракалпак фольклоры. Нөкис, 1981. Т. VII; Қоблан // Каракалпак фольклоры. Нөкис, 1981. Т. VIII; Бердақ. Таңламалы шығармалары. Нөкис, 1956; Әжинияз (Таңламалы шығармалары). Нөкис, 1994.

3 Камалов С.К. «Шежире» Бердаха, как источник по истории каракалпакского народа // Вестник ККО АН РУз. 2008. № 2, 3.

4 Жданко Т.А. Сведения о каракалпаках в России XVIII в. // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 261-275.

5 Данилевский Г.И. Описание Хивинского ханства // РГО. кн. V. СПб, 1851; Кун А.Л. Заметки о Хивинском хан-стве // Туркестанские ведомости, 1873. № 46; Риза-Кули Мирза. Краткий очерк Аму-Дарьинского отдела. СПб, 1875; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. СПб, 1887; Каульбарс А.В. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям // ЗИРГО, 1881; Россикова А.Е. По Аму-Дарье от Петро-Александровска до Нукуса // Русский вестник. СПб, 1902.

Период становления и развития этнографических знаний в Каракалпакстане можно условно разделить на несколько этапов: 1) 1900–1940 гг.; 2) 1945–1980 гг.; 3) с 1990 г. по сегодняшний день.

Первый этап, начавшийся после октябрьских событий 1917 года, повлек за собой создание качественно новой для условий Каракалпакстана советской системы научно-исследовательских учреждений. Это обстоятельство стало существенным моментом, показывающим серьезный сдвиг в исследовании каракалпаков, изучение которых приобретает более целенаправленный характер. В этот период были созданы работы, представляющие собой как специальные исследования, так и труды общего характера, содержащие некоторые этнографические данные⁶. Большая часть этих работ были созданы на основе материалов экспедиций⁷; в их числе необходимо отметить полевые материалы по этнографии каракалпаков, собранные этнографической экспедицией Института языка и литературы Каракалпакстана под руководством профессора А.А. Соколова.

Богатым источником для изучения обычаев, верований и семейного уклада каракалпакского народа стала работа У. Кусекеева, которая до сих пор представляет ценность не только подробным описанием свадебной обрядности каракалпаков, но и тем, что в ней нашли отражение социальный строй, древние формы семьи, отношение народа к бракосочетанию⁸.

Углубившись в изучение источников по истории каракалпаков, историк-востоковед П.П. Иванов публикует «Очерки истории каракалпаков»⁹, актуальность которых для изучения этногенеза каракалпаков и их исторического прошлого в XVII–XIX вв. ощущается и ныне.

Историческая этнография каракалпаков интересовала С.П. Толстова. Особенно привлекали его вопросы ранних этапов их этногенеза. Археологическая разведка Хорезмской экспедиции, охватившая до начала 1940-х годов территорию обитания каракалпаков в XVI–XVIII вв. в низовьях Сырдарьи и дельте Жанадарьи, обнаружила следы их своеобразного древнего типа хозяйства и полуседлого быта, и эти материалы позволили С.П. Толстову создать концепцию основных этапов этногенеза каракалпаков, которую он впервые изложил в 1942 году¹⁰.

6 Материалы по районированию Средней Азии. Книга 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Часть 2. Хорезм. Ташкент, 1926.

7 Малов С.Е. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966. С.5-6; Соколов А.А. Основные этапы истории каракалпаков (по данным народных преданий каракалпаков и других памятников «живой» старины). Турткуль, 1934 // РФФБ ККО АН РУ, Р – 23а. Инв. № 80029; Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Труды первой конференции по изучению производительных сил ККАССР. Т. II. Л., 1934.

8 Кусекеев У. Этнография ККАССР. Турткуль, 1934 // РФФБ ККО АН РУз. Инв. № 932.

9 Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков // ТИВ АН СССР. Т. VII. М.- Л., 1935. С. 9-89; его же: Каракалпаки // СЭ. 1940. Вып. IV. С. 23-54.

10 Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // СЭ. 1947. Вып. VI-VIII. С. 303-305.

Второй этап характеризовался становлением научной проблематики этнографии, формированием кадров профессиональных исследователей из среды местных национальностей. В 1945–1980 годы расширяется и углубляется проблематика исследований собственно исследовательской базы. В этот же период начинает работу Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (ХАЭЭ). Исследования участников ХАЭЭ, основанные не только на письменных источниках, но и на материале археологических раскопок, составили основное ядро научных трудов этого периода. Ведущим мотивом работ участников отряда стала мысль о том, что формирование каракалпакского народа происходило в результате слияния местных этносов с другими этническими компонентами на протяжении длительных исторических процессов¹¹.

Первыми академическими исследованиями этнической истории каракалпакского народа стали работы А.С. Морозовой¹². К сожалению, большая часть ее научного наследия осталась не опубликованной. Ее интересы были сосредоточены на исследовании истории и культуры каракалпакского народа. Рукописи исследовательницы хранятся в рукописных фондах фундаментальной библиотеки Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (ККНИИГН ККОАНРУз.), а также Фундаментальной библиотеки Академии наук Республики Узбекистан.

Ряд трудов был создан участниками ХАЭЭ, занимавшимися сбором полевого материала по разным аспектам традиционной культуры. С 1945 года в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции организуются этнографические отряды под руководством Т.А. Жданко.

Среди ее работ выделяется монография, в которой на основе письменных источников и полевых этнографических исследований была изучена и проанализирована родоплеменная структура каракалпаков XIX – начала XX веков. Кроме того, в работе нашли отражение этнические процессы, общественный строй, формы семьи и брака¹³.

Ряд публикаций этого периода явились подведением итога работ, проделанных в районах Каракалпакстана, а также определением их значимости в изучении этногенеза, истории культуры каракалпакского народа, освещении преобразований, происходящих в быту населения, в результате которых сформировалась самобытная и своеобразная культура¹⁴.

11 Толстов С.П. К вопросу о происхождении каракалпакского народа // КСИЭ. 1947, № II. С. 69.

12 Морозова А.С. Материалы по этнографии ногайцев Северного Кавказа. 1946; ее же: Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века (к вопросу этногенеза) // Диссертация на соиск... канд. ист. наук, Ташкент, 1954. С. 38-56.

13 Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.- Л., 1950. С.11-36.

14 Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С.461-566; ее же: Изучение истории каракалпаков за годы советской власти // КСИЭ. М., 1950, № XI. С.112-114; Толстов С.П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. 1937-1956 гг. // СЭ. 1957. № 4. С. 31-35. и др.

Историками Я.М. Досумовым, С.К. Камаловым разрабатывались проблемы развития науки, изменений в культурной жизни, однако вопрос о развитии этнографической науки остался не освещенным, вероятно в силу того, что этнографическая наука Каракалпастана в этот период переживала еще процесс своего становления¹⁵.

Научные интересы Б.В. Андрианова сосредоточились на разработке вопросов этнической территории как одного из наиболее значимых аспектов изучения истории культуры народов Приаралья. Принимая во внимание совместное переселение и расселение каракалпаков и узбеков, а также наличие одноименных этнонимов у этих близких народов, ученый приходит к мнению о единстве их этногенеза, этнического состава и традиционной бытовой культуры, возникших на основе территориального единства и сходных типов хозяйства¹⁶.

Небольшая по объему, но достаточно глубокая статья Ю.В. Кнорозова представляет собой исследование одного из памятников хорезмской агиологии – мазара Шамун-наби¹⁷. Статья представляет несомненный интерес, так как, помимо оригинальной интерпретации легенд и ритуала паломничества, ученый поднимает ряд существенных вопросов домусульманских верований. Тематическим продолжением этого исследования стала другая работа ученого, основанная на материалах, собранных в 1950-е годы в Каракалпастане. В статье дано описание одного из последних, по мнению Кнорозова, шаманских зикров в Мазлумхан сулу¹⁸.

Работы Г.П. Снесарева преследовали цель показать важность изучения комплекса домусульманских верований и обрядов, ставших реликтами и продолжающих бытовать в Средней Азии. Обращение к этой проблематике диктовалось не только недостаточной изученностью, но и необходимостью разобраться в явлениях, его слагающих, установить, к каким формам или элементам ранних верований они восходят¹⁹.

Большое внимание участниками этнографических отрядов уделялось изучению материальной культуры. Формы традиционной одежды народов Средней Азии стали объектом изучения Н.П. Лобачевой. Ее работы по изучению традиционной каракалпакской одежды были созданы на базе полевых исследований и разнохарактерных исторических материалов²⁰. Исследования Лобачевой охва-

15 Досумов Я.М. Перспективы развития науки в Каракалпастане // Вестник КК ФАН УзССР. 1961. № 1. С. 3-5; Камалов С.К. О развитии исторической науки в Советской Каракалпакии // ОНУ. 1967. № 11. С. 39-43; его же: Хорезмская экспедиция и развитие исторической науки в Каракалпакии // Вестник КК ФАН УзССР. 1978. № 2. С.57-61.

16 Андрианов Б.В. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII-XIX вв.) // ТХАЭЭ. Т.III. М., 1958. С. 45-52.

17 Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун наби (некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // СЭ. 1949. № 2. С.86-97.

18 Кнорозов Ю.В. Шаманский зикр в подземелье Мазлумхан сулу // ЭО. 1994. № 6. С. 91-96.

19 Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

20 Лобачева Н.П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты) //

тывают период развития одежды конца XIX – начала XX веков, то есть периода, ставшего для среднеазиатско-казахстанского региона временем больших политических и социально-экономических перемен, отразившихся на традиционных видах одежды. Ряд гипотез и методологических вопросов, сформулированных ею, придали новый импульс развитию исследований в данном направлении. Однако полный комплекс традиционного каракалпакского костюма не стал объектом всестороннего анализа, изучению подверглись лишь отдельные элементы народной одежды.

Этнической истории локальных групп каракалпаков, обитавших за пределами Хорезмского оазиса, степени их ассимиляции со стороны узбекского населения посвящен ряд работ Л.С. Толстовой²¹. Основной акцент в работах этнографа делается на анализ степени культурного влияния численно преобладающих соседних народов, приведших к утрате каракалпаками, находящимися в инонациональной среде, в отрыве от основной массы каракалпакского народа, многих этнических особенностей.

К.Л. Задыхиной были составлены этнические карты Кунградского и Кипчакского районов, с обозначением мест расселения наиболее крупных и компактных племенных и родовых групп узбеков (главным образом конгратов и кипчаков), а также соседних с ними народов – казахов, каракалпаков, туркмен и др.²². Ею был обоснован вывод о том, что одни из них, например конграты, частично обитали в Хорезме и до прихода в низовья Амударьи дештикипчакских узбеков, а другие, к примеру, канглы, кипчаки, и до монгольского завоевания²³.

Историко-этнографические материалы по ирригации и земледелию узбеков южного Хорезма составили сферу интересов М.В. Сазоновой²⁴. Под ее руководством экспедиционный отряд собрал большое количество сведений о традиционном водопользовании, существовавшем еще недавно «джабды» – общинах водопользователей, объединявших родственников и соседей²⁵.

СЭ. 1965. № 6. С.37-50; *её же*: Из истории каракалпакского женского костюма (К проблемам историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1984. № 4; Лобачева Н.П. К истории среднеазиатского костюма: каракалпакский кимешек // Итоги полевых исследований ИЭА. М. 2000; Лобачева Н.П. Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатско-казахстанского региона // СЭС. 2006. Вып. V. С. 47-94.

21 Толстова Л.С. Каракалпаки Ферганской долины (историко-этнографический очерк). Нукус, 1959; *её же*: Кара-калпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – нач. XX вв. Нукус – Ташкент, 1963; *её же*: Этнографическая группа «митан» в составе узбеков Самаркандской области (к вопросу этногенеза) // Вестник КК ФАН УзССР. 1966. № 4. С.54-59.

22 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С. 339, 340.

23 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. С. 326.

24 Сазонова М.В. К этнографии узбеков южного Хорезма (Полевые исследования южноузбекского этнографического отряда ХАЭЭ в 1946-1948 гг.) // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С.253-260.

25 Сазонова М.В. К этнографии узбеков южного Хорезма. С. 259, рис. 3; *её же*: Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. Л., 1978. С. 12-25, 38.

Интересные материалы по туркменам широко публиковались в научных отчетах и статьях Г.П. Васильевой²⁶. По окончании работ отряда эти сведения были обобщены, дополнены, результатом чего явилось издание монографии, посвященной современной жизни туркмен Хорезма. Крупное историко-этнографическое исследование, содержащее обстоятельный исторический очерк об историко-культурных традициях народа, характеризует преобразования, происходящие в быте туркмен²⁷.

Оценивая роль этнографических отрядов ХАЭЭ в изучении проблем этнографии региона, Т.А. Жданко отмечает огромный вклад ее участников в развитие науки: «Многие из опубликованных участниками этих изысканий трудов содержат новые положения и выводы, выходящие за пределы региональной этнографической проблематики и имеют общетеоретическое научное значение»²⁸.

Свою лепту в изучение народов Каракалпакстана внесли региональные исследователи. Истории каракалпаков XVIII–XIX вв. посвящена монография С.К. Камалова. Хотя работа освещает вопросы политических и хозяйственных взаимоотношений каракалпаков указанного периода, в ней имеются интересные для этнографов сведения о традиционном хозяйстве, одежде, пище, культуре²⁹.

Исследование казахов низовьев Амударьи, основанное на сопоставлении хозяйства и материальной культуры казахов с окружающими народами, содержится в работе У.Х. Шалекенова³⁰. В ходе исследования им было выявлено взаимовлияние этих народов, хозяйственные контакты между каракалпакским и казахским населением на нижней и средней Сырдарье, на Жанадарье и в низовьях Амударьи. Работа стала своеобразным импульсом к дальнейшим исследованиям. Продолжателем исследования казахов низовьев Амударьи стала А.Е. Бижанова, сосредоточившаяся на изучении их семейной обрядности.

Ценные сообщения этнографического характера содержатся в мемуарах К. Айымбетова, где наряду с художественными произведениями, содержится информация о хозяйственной деятельности каракалпаков (зимовка, летовка), их жилище, ремеслах и промыслах³¹.

Изучением вопросов семейно-бытового уклада каракалпаков, а также изменений происходящих в семейном быту, занимались А.Т. Бекмуратова³²,

26 Васильева Г.П. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. // ТХАЭЭ. Т.1. М., 1952. С. 427-460; ее же. К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма // МХЭ. Вып.7. М., 1971. С. 138-164 и др.

27 Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969.

28 Жданко Т.А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // ЭО. 1997. № 2. С. 29.

29 Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII- XIX вв. Ташкент, 1968.

30 Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966

31 Айымбетов К. Халк даналыгы. Өткен күнлерден елеслер. Нөкис, 1988.

32 Бекмуратова А.Т. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1969. С. 18-20.

Х. Есбергенов и Т. Атамуратов³³. Эти работы отличаются использованием большого количества полевого материала.

Аналізу терминов родства, взаимоотношений между родственниками у каракалпаков посвящена работа А.Т. Бекмуратовой³⁴. Рассматривая систему терминов родства и свойства каракалпаков, она акцентирует внимание на том, что большинство из них имеют групповое значение, охватывают широкий круг родственников по отцовской и материнской линиям³⁵.

Внимание искусствоведа А. Алламурадова было сосредоточено на исследовании орнаментального искусства каракалпакского народа. Так, изучая мотивы орнаментов на одежде, ученый предположил, что в украшении традиционного платья *көк көйлек* отразились обрядовые, религиозные, художественные традиции народа разного времени и генезиса. Алламурадов делает вывод, что *көк көйлек* не имеет аналогий у близких и родственных народов³⁶.

Монография К.Т. Утепова анализирует вопросы развития исторической науки в Каракалпакистане, подробно освещая процесс ее становления в 1920-е – 1930-е годы³⁷. В работе показана динамика формирования источниковой и литературной базы, охарактеризованы современное состояние и задачи историографии республики. Несмотря на обилие в монографии идеологизированной фразеологии, она, несомненно, имеет определенный источниковедческий интерес. К сожалению, этнографические исследования в республике освещены в ней скудно; относительно подробно показан только период 1920–1940-х годов.

В поле зрения каракалпакских этнографов попали также традиционные ремесла и промыслы. Так, сбором материала по данной проблеме на протяжении ряда лет занимался А. Утемисов³⁸. Ранее интересы Утемисова были сосредоточены на изучении быта, обычаев и обрядов рыбаков, отмечена давность занятия каракалпаками рыболовным промыслом³⁹.

Итогом изучения традиционных форм материальной культуры каракалпаков: жилища, пищи, одежды – явилась коллективная монография «Этнография каракалпаков». Работа по сей день является, пожалуй, единственным специальным исследованием по этнографии каракалпакского народа. В ней, помимо исследования вопросов материальной культуры, нашли отражение этнокультурные связи предков каракалпаков с местными племенами и народами Средней Азии, Казахстана, Поволжья, которые представляют значительный интерес для науч-

33 Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразования в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975. С.153-154.

34 Бекмуратова А.Т. Терминология родства у каракалпаков // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 27-40.

35 Бекмуратова А.Т. Терминология родства у каракалпаков. С. 35-39.

36 Алламурадов А. Каракалпакская народная вышивка. Нукус, 1977. С. 16-18.

37 Утепов К.Т. Великий Октябрь, становление и развитие исторической науки в Каракалпакистане. Нукус, 1988 С. 27-48.

38 Утемисов А. Қарақалпақлардың өнер-кәсіптері. Нөкіс, 1991.

39 Утемисов А. Қарақалпақстан балықшылары. Нөкіс, 1979.

ного понимания основных этапов, черт и особенностей развития материальной и духовной культуры каракалпаков в XIX – начале XX вв.⁴⁰. Что касается вопросов развития традиционных ремесел и промыслов, прикладного искусства, то они оказались недостаточно освещенными.

Фольклор с самого начала становления этнографической науки привлекал внимание ученых. Так, Х. Есбергенов и Ж. Хошниязов, рассматривая фольклорные произведения в качестве этнографического источника⁴¹, приходят к выводу, что фольклор представляет собой богатейший источник для изучения истории, культуры и быта народа. В нем наиболее ярко отражено историко-культурное прошлое предков каракалпаков, в частности их уклад жизни, семейные отношения, верования, обряды, мировоззрение и т.д.

Отдельные аспекты этнографии каракалпаков, главным образом, вопросы изучения истории костюма нашли отражение в сборниках, посвященных костюму народов Средней Азии⁴². Наибольший интерес для нас представляет статья, с подробной характеристикой одного из элементов традиционного костюма каракалпаков – головных накидок⁴³.

Работы третьего этапа составляют, в основной массе, исследования, опубликованные начиная с 1990-х годов, т.е. за более тридцатилетний период времени. Литература этого периода связана с современностью Каракалпакстана, постановкой перед этнографами новых социально-научных задач.

Сюда вошли труды этнографов Каракалпакстана Х. Есбергенова⁴⁴, Р. Баллиевой⁴⁵, Р. Камаловой⁴⁶, Н. Тлеубергеновой⁴⁷, Т. Есбергеновой⁴⁸, З. Курбановой⁴⁹, С.

40 Этнография каракалпаков XIX – нач. XX века (материалы и исследования). Ташкент, 1980.

41 Есбергенов Х., Хошниязов Ж. Этнографические мотивы в каракалпакском фольклоре. Ташкент, 1988

42 Костюм народов Средней Азии. М., 1979; Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.

43 Лобачева Н.П. Каракалпакские головные накидки // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 169-181.

44 Есбергенов Х. Кумай в зооморфном облике // Вестник ККО АН РУ. 1997. № 1-2. С. 124-127; его же: Генезис некоторых сюжетов каракалпакской версии эпоса «Алпамыс» // Вестник ККО АН РУ. 2000. № 3. С. 76-78; его же: Қонырат (тарийхый хам мәдений естеликлер). Нөкис, 1993; его же: Саукеле // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 2. С. 100-102 и др.

45 Баллиева Р. Этнокультурные особенности природопользования народов Приаралья (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

46 Камалова Р.С. Традиционные верования каракалпаков, связанные с рождением ребенка в XIX – начале XX вв. // Вестник ККО АН РУз. 1993. № 2. С. 100-104; ее же: Социально-нравственные аспекты в традиционной свадьбе каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 2. С. 89-94.

47 Тлеубергенова Н.А. Этнокультурные аспекты юрты // Вестник ККО АН РУз. 1995. № 2. С. 104-109; ее же: A propos del habitations karakalpaks // Karakalpaks et autres gens del Aral. 2002. Рр. 227-238.

48 Есбергенова Т.Х. Об истоках традиционного трудового воспитания детей у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 3. С. 85-89; ее же: Традиционные формы трудового воспитания детей у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 4. С. 140-144.

49 Kurbanova Z. Les premiers etudes ethnographiques des Karakalpaks // Cahiers d'Asie Centrale. Karakalpaks et autres gens de L'Aral. Entre ravages et Desert. 2002. № 10. С. 217-226; Курбанова

Есбергеновой⁵⁰, М. Давлетиярова⁵¹, М. Утебаева⁵², К. Турекеева⁵³. В этих работах рассмотрены различные аспекты этнографии каракалпакского народа; их подробный анализ произведен во второй главе книги.

Помимо изучения каракалпаков, в сферу интересов региональных исследователей попали и другие этнические группы: казахи, уральские казаки (уральцы)⁵⁴.

Привлекались к анализу работы археологов В.Н. Ягодина, Г. Ходжаниязова⁵⁵, историков С.К. Камалова⁵⁶, М.А. Карлыбаева⁵⁷, в которых содержались те или иные этнографические сведения.

Продолжаются публиковаться материалы, собранные в полевые сезоны ХАЭЭ. Так, в материалах полевых исследований института этнологи и антропологии была опубликована работа Н.П. Лобачевой⁵⁸, освещающая тему паломничества, в которой был подробно описан ритуал, зафиксированный исследовательницей в 1956 г. в составе Узбекского этнографического отряда.

- 3.И. Из истории этнографического изучения Каракалпакстана (Каракалпакский этнографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции) // Вестник ККО АН РУз. 2008. № 4. С. 36-41; *её же*: Традиционные верования и представления каракалпаков, связанные с одеждой и украшениями // Вестник антропологии. 2016. № 3. С. 63-72 и др.
- 50 Есбергенова С.Х. Бык в культовой практике каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 4-5. С.64-68; *её же*: Конь в верованиях и эпосах народов Приаралья // ОНУ. 2000. № 2. С. 40-44.
- 51 Давлетияров М.М. Традиционные социальные институты каракалпаков. Нукус, 2019.
- 52 Утебаев М.Б. Правила поведения молодой невесты у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2010. № 3.С.37-40; *её же*: Из изучения традиционного этикета гостеприимства у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2011. № 3.С. 35-39.
- 53 Турекеев К.Ж. Традиция почитания духов предков в современных представлениях каракалпаков // Вестник ан-тропологии. 2019. № 4. С. 149-161.
- 54 Бижанова А.Е. Традиции и инновации в свадебной обрядности казахов низовья Амударьи // Вестник ККО АН РУз. 1998. № 4.С. 97-98; *её же*: Образцы народных обрядов песен казахов низовьев реки Амударьи (конец XIX - начало XX вв.) // Вопросы истории Казахстана. Алматы. 2000. С. 59-69; Калбанова Е.Е. Традиционное жилище уральских казаков низовьев Амударьи // Вестник ККО АН РУз. 1998. № 2.С. 142-144; *её же*: Les Cosaques del Oural au Karakalpakstan // Karakalpak et autres gens del Aral. 2002. Pp. 239-248.
- 55 Ягодина В.Н. Об этническом определении кердерской культуры и её роли в этногенезе каракалпаков // ККФАН УзССР, 1971. №3. С. 69-74; *её же*: Кердерская Умай // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 2. С. 88-94; Хожанияз улы Ғайратдин, Жумабай улы Оңғарбай. Каракалпакстандагы мухаддес орынлар. Нөкис, 1994; Ходжаниязов Г.Х. Калмак-кала - центр каракалпаков (XVII-XIX вв.) // Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Археология Приаралья. Вып. VII. Ташкент, 2008. С. 93-106; *её же*: Каракалпаки в Приаральском микрорайоне в XVI-XVII вв. // Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Археология Приаралья. Вып. VII. Ташкент, 2008. С. 159-262.
- 56 Камалов С.К. Каракалпаклардың халық болып қәлиплесіуі хәм оның мәмлекетлигинің тарийхынан. Нөкис, 2001.
- 57 Карлыбаев М.А. Медресе в Каракалпакии XIX – начала XX веков. Нукус. 2002; *её же*: Некоторые данные зарубежной историографии по истории каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2007. № 2. С. 62-65; Вестник ККО АН РУз. 2008. № 2. С. 80-85.
- 58 Лобачева Н.П. Этнографический экскурс из экспедиционного прошлого (Лечение бесплодия на мазаре Султан бобо в Хорезме. К характеристике народного ислама) // Полевые исследования института этнологии и антропологии РАН. М, 2004. С. 128-132.

В другой своей поздней работе Н.П. Лобачева сформулировала тезис о том, что ключевые моменты этногенетической истории народа находят отражение в традиционной культуре современности, и каждый этнический пласт в этногенезе среднеазиатско-казахстанских народов имеет подтверждение в материальной и духовной культуре народов⁵⁹.

Сотрудник Российского этнографического музея (РЭМ) Е.Л. Кубель опубликовала ряд статей, посвященных изучению традиционного костюма каракалпаков из собрания музея⁶⁰.

В сфере внимания российских исследователей вновь оказывается тема уральских казаков. Итогом экспедиций в Каракалпакистане и Казахстане стала статья, посвященная выявлению степени сохранности традиционной культуры уральцев, рассмотрению процессов их социокультурной адаптации в иноэтнической среде и влияния на эти процессы конфессионального фактора⁶¹.

В ряде статей искусствоведа З. Алиевой найдено отражение неотъемлемая часть традиционного костюма – ювелирные украшения. На материале женских украшений автор выявляет художественные особенности и символику ювелирного искусства каракалпаков XIX – начала XX вв⁶².

Своего рода обобщением имеющихся этнографических сведений стала работа Дэвида и Сью Ричардсон⁶³. Несмотря на то, что авторы не являются специалистами в данной области, ими была обобщена вся имеющаяся литература, содержащая сведения о каракалпаках. Книга английских авторов богато иллюстрирована и является, пожалуй, первой работой, посвященной каракалпакам, опубликованной за рубежом.

В 2014 г. увидел свет красочный альбом, посвященный традиционному костюму. Составители альбома включили в него не только традиционные виды одежды из коллекций музеев республики, но и образцы одежды, созданные современными дизайнерами. Составители не стремились произвести каких-либо научных открытий в области изучения костюма. Данная работа создана в первую очередь для популяризации традиционной одежды, т.к. в нее вошли музейные экземпляры, но, помимо этого, она служит неким пособием для дизай-

59 Лобачева Н.П. Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатско-Казахстанского региона (по материалам середины XX в.) // СЭС. Т. V. М., 2006. С.47-94.

60 Кубель Е.Л. Каракалпакский костюм в контексте этнокультурных процессов XX- начала XXI в. (на примере безрукавки) // Феномен социализации в этнической культуре. Материалы одиннадцатых Санкт-Петербургских чтений. Санкт-Петербург, 2012. С. 436-441.

61 Агеева Е.А., Данилко Е.С. Казаки-уральцы-этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2016. № 249.

62 Алиева З.Ж. К вопросу классификации женских ювелирных украшений каракалпаков //Сб. НИИ искусствознания «Санъатшунос». Ташкент, 1998, с. 44-50; ее же: Ритуальные ювелирные украшения каракалпаков XIX – начала XX в. (в комплексе народного женского костюма) // SANAT, Ташкент, 2003, № 2, с. 12-15.

63 Richardson David and Sue. Qaraqalpaqs of the Aral Delta. 2012.

неров и модельеров, обратившихся к возрождению традиционных видов одежды или использующих элементы народной одежды в современном дизайне⁶⁴.

Этнографический альбом, подготовленный И.А. Аржанцевой на основе материалов из архива Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, включил в себя материалы, собранные Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в период ее работы. Ценность работ заключается в публикации фотографий, отрывков из полевых дневников, отчетов участников экспедиции, восстанавливающих память о некогда масштабной экспедиции, внесшей огромный вклад в исследование региона⁶⁵.

В процессе работы над данным исследованием были использованы архивные материалы. Изучены и проанализированы документы, находящиеся в фондах Центрального государственного архива Республики Каракалпакстан. Это ф.12, оп.1, д.5-24; оп. 3, д. 5-513; ф. 26, оп.1, д. 292; ф. 322, оп.1, д.207, содержащие данные о природе Каракалпакстана, типах хозяйства, демографических процессах, кустарной промышленности; о состоянии народного образования, быте и культуре населения. Эти данные формируют широкую источниковую основу для раскрытия общей картины социальной политики в Каракалпакстане в 1918–1930 годы.

64 Карлыбаев М., Курбанова З. Каракалпакский костюм. Нукус, 2014.

65 Аржанцева И.А. Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск, 2016.

СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ КАРАКАЛПАКСТАНА

Потрясения, произошедшие в общественной жизни в результате событий 1917 года, не могли не оказать влияния на состояние и задачи гуманитарных наук, в том числе этнографии. На первый план была выдвинута задача глубокого и всестороннего изучения особенностей хозяйственной и общественной жизни, культуры и быта народов вновь образованных республик. В развитии науки это был период, когда отсутствовало четкое определение предмета этнографии, рамки же этнографических исследований, главным образом, были сосредоточены преимущественно на изучении «прошлых времен», внимание немногочисленных тогда этнографов не нацеливалось на современность.

В 1920–1930-е годы период, когда проблемам развития науки, в том числе этнографии, стало уделяться большое внимание. В 1920-х годах наблюдается рост научных учреждений, расширяется научно-исследовательская и издательская работа, организуются экспедиции, разворачивается широкая подготовка научных кадров. Но, несмотря на столь бурную деятельность, работы этих лет носят преимущественно собирательный характер. Полученные материалы фрагментарно подвергались научному анализу, часть трудов осталась неопубликованной. Однако труды, которые увидели свет, составили основу последующих фундаментальных исследований по изучению народов Средней Азии, в том числе каракалпаков. Работы же ученых, которые будут рассмотрены в настоящей главе, имеют большое значение в становлении этнографической науки Каракалпастана. Сведения, собранные ими, позволили выяснить родоплеменной состав каракалпаков, изучение которого являлось необходимой предпосылкой для сбора и анализа материалов по их исторической этнографии, хозяйственным традициям, социальному строю, общественному быту.

Углубленное и систематическое научное исследование культурных традиций и этнографических особенностей материальной и духовной культуры и быта каракалпаков начинается с 1940-х годов. В этот период в изучении того или иного вопроса общественной науки начал использоваться комплексный подход.

С.П. Толстов, подчеркивая необходимость такого подхода в решении проблем этногенеза народов населяющих современный Хорезм и Приаралье писал: «В результате работ экспедиции оказалось возможным решительно пересмотреть традиционные представления о хозяйственном быте средневековых тюркских племен Приаралья и по-новому поставить проблемы их происхождения, внося свой вклад в решение вопроса об этногенезе туркмен и каракалпаков... Эта комплексность исследования дала нам возможность протянуть прочные нити исторической преемственности от культуры древних народов и племен Приаралья – через Средневековье – к современным народам Средней Азии, вскрыв самобытные истоки их богатой и яркой культуры...»⁶⁶. В связи с этим возникло единство наук – археологии, антропологии, этнографии.

С 1937 г. начинает работу Хорезмская экспедиция под руководством С.П. Толстова, которая занималась изучением этногенеза и этнической культуры местного населения. Работы экспедиции проводились на территории Каракалпакии, Хорезмской области Узбекистана и Ташаузской области Туркменистана. Деятельность этой экспедиции способствовала развитию науки в Каракалпакистане.

Одной из важных задач этнографических работ Хорезмской экспедиции явилось составление систематического этнографического описания населения Хорезма и Каракалпакии – узбеков, каракалпаков, туркмен.

Начало этнографического исследования каракалпацкого народа

Этнографические исследования Каракалпакии и каракалпаков впервые стали проводиться в 1920-е годы. Именно в этот период начинается изучение культурного наследия народа. С установлением на территории Каракалпакии нового строя, правительством стали предприниматься мероприятия по переустройству хозяйства, быта и культуры народа, всего уклада жизни, что требовало серьезного и всестороннего изучения расселения и численности народа, особенностей его социального строя. Но в целом проводимая в те годы этнографическая работа еще не могла характеризовать состояние этой отрасли знаний, как науку. Это объясняется тем, что, во-первых, этнография, как и историческая наука в целом, переживала процесс своего организационного и структурного оформления; во-вторых, отсутствовали квалифицированные региональные кадры – историки и этнографы. Перечисленные обстоятельства и предопределили основные тенденции развития этнографической работы.

В свете поставленных перед правительством задач наиболее актуальной явилась изучение расселения и численности народа. С этой целью в 1924 г. была проведена перепись населения Каракалпакии, в результате которой собраны статистические материалы с данными об административном делении. Согласно переписным сведениям, левобережная часть Каракалпакии в это время была раз-

⁶⁶ Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945-1948) // ТХАЭЭ. 1952. Т. I. С. 12, 13.

делена на два округа: Кунградский (5 волостей) и Ходжейлийский (6 волостей). Кунградский округ в 1924 г. включал в себя более мелкие территориальные объединения – 58 аксакальств⁶⁷, из которых узбекские составляли 37, каракалпакские – 11, казахские – 10. На одно аксакальство в среднем приходилось 312 душ⁶⁸. Центр округа город Ходжейли был расположен на канале Суэнли в 167 км от Хивы и 177 км от Турткуля. Город имел 1811 жителей, состоял из 420 домов, расположенных на некотором расстоянии друг от друга и окруженных садами; в городе имелось 16 мечетей: 14 узбекских и по 1 каракалпакской и татарской⁶⁹.

В 1926 г. в Чимбайском и Кунградском округах Каракалпакской Автономной области работала этнографическая экспедиция по исследованию быта коренного населения, организованная этнографо-археологическим музеем 1-го Московского государственного университета. В ней принимали участие студенты Дэвлет Арташир, Баскаков Николай и Иванов Алексей, с интересом изучавшие каракалпакскую этнографию. Основной задачей экспедиции был сбор материалов по вопросам хозяйства, а также широкое изучение культуры и быта каракалпакского народа⁷⁰. В расчете на то, что исследования экспедиции дадут хорошие результаты, на ее материальное обеспечение было отпущено 750 рублей из средств Плановой комиссии, в основном на издательские расходы. Участников экспедиции обязали представить Планкому КАО копии всех материалов (описания, анализы, рисунки и т.п.), которые планировалось собрать за время работы⁷¹.

В воспоминаниях ученого-фольклориста, краеведа К. Айымбетова приводятся интересные сведения об участниках названной этнографической экспедиции: «Эти студенты (А. Дэвлет, Н. Баскаков, А. Иванов – З.К.), чтобы вплотную вжиться в народ, приобрели на Чимбайском базаре традиционные сапоги, *шапан* и *шөгирме*, сняв с себя европейскую одежду, переоделись в нее. Здесь нет ничего удивительного, в те времена в аулах европейская одежда была диковинкой, и если бы они не переоделись в традиционную одежду, сбор материалов для них составил бы большую трудность»⁷². (Рис. 1)

Важным событием явилась организация в 1926 г. в Москве Акционерного общества научно-художественного народоведения «Этномир», деятельность которого охватила всю территорию бывшей РСФСР⁷³. Акционерное общество

67 Аксакальство сельское общество, состоящее из одного или нескольких мелких, ближайших друг к другу селений с общей землей и водными ресурсами. См. в книге: Положение об управлении Туркестанского края. Ташкент, 1911. С. 25.

68 Материалы по районированию Средней Азии. Книга 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Часть 2. Хорезм. Ташкент, 1926. С. 51-55.

69 Материалы по районированию Средней Азии, с. 55-60.

70 Центральный Государственный Архив Республики Каракалпакстан (далее ЦГА РК), ф.12, оп. 3, д. 15, л. 1052.

71 ЦГА РК, ф.12, оп. 3, д. 15, л. 1053.

72 Айымбетов К. Халык даналыгы. Нөкис, 1988. С. 416.

73 Там же, ф.12. оп. 3. д. 193. л. 7, 9.

имело утвержденный устав, план работы. Со всех членов данного общества взимался взнос. Каракалпакская Автономная область, внеся в октябре 1926 г. взнос в сумме 1062 руб., также стала пайщиком «Этномира»⁷⁴. Согласно плану работ Общества, на территории Каракалпакстана было предусмотрено произвести следующие виды работ: кино съемки географического, этнографического характера, хозяйственной и политической жизни республики, природы, быта, обрядов и обычаев народа, разработку естественных богатств и прочее. Кроме съемок фильма в деятельность Акционерного общества входили работы в сфере театра: фиксация песен, плясок, музыки и музыкальных инструментов, характерных обычаев, обрядов⁷⁵. Имеются сведения о выполнении первого пункта намеченных работ. В 1929 г. Н. Баскаковым был снят этнографический фильм, посвященный традиционной культуре населения Чимбайского и Ходжейлийского районов⁷⁶. В 1930 г. на Всеказахском Краеведческом съезде в Алма-Ате был продемонстрирован фильм «Каракалпакстания»⁷⁷. Можно предположить, что речь идет об одном и том же фильме.

Большинство материалов, собранных Н. Баскаковым и А. Дэвлетом, составляли фольклорные тексты, сведения о родоплеменных отношениях, семейном быте, материальной культуре. Эти сведения представляли собой одно из первых специально этнографических исследований народа, что значительно повышает их научную ценность.

В 1927–1928 гг. в Каракалпакии, в составе Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР под руководством И.И. Зарубина (экспедиция работала в промежуток времени 1927–1929 гг. – З.К.), работает Г.К. Шульц, интересы которого сосредоточились на сборе сведений о численности народа, его быте, некоторых вопросах хозяйства. Большое внимание он уделил изучению традиционного жилища – юрты, характеристике ее убранства и конструкции⁷⁸. Помимо этого, Г. Шульц предпринял сбор коллекции предметов традиционной культуры каракалпаков для МАЭ, до этого не представленных ни в одном из музеев страны⁷⁹.

В 1928–1929 гг. в изучении этнографии каракалпаков наряду с профессорско-преподавательским составом приняли участие и студенты Туркестанского государственного университета, в числе которых была А.С. Морозова. В этот же период начинают формироваться ее научные интересы, сосредоточенные на этнографии каракалпакского народа. Результаты исследований А.С. Морозовой того периода составили ее дипломную работу «Материалы для изучения языка и

74 Там же, ф. 12, оп. 3, д. 160, л. 459.

75 Там же, ф. 12, оп. 3, д. 193, л. 4.

76 Архив Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан, ф. 1, оп. 160, д. 425, л. 24-25.

77 Там же, ф. 26, оп. 1, д. 292, л. 118.

78 Шульц Г. Каракалпаки дельты Амударьи // Этнограф-исследователь. 1928. № 2-3. С. 35-41.

79 Прищепова В.А. Семен Архипович Белькин и социалистическое строительство в Каракалпакии // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 182.

быта каракалпаков». Свои исследования этнографии каракалпаков она продолжила после окончания Восточного факультета Среднеазиатского государственного университета.

В 1932 г. в Чимбайском и Караузякском районах Каракалпакской автономной области работал отряд по изучению человека, сформированный Институтом по изучению народов СССР Комплексной Каракалпакской экспедиции АН СССР в составе этнографа С.А. Белькина, экономиста С.И. Федорова и врача Э.И. Левицкой. Полевые фотографии и записи, произведенные С.А. Белькиным касающиеся вопросов внутренней политики и состояния экономики Каракалпакии 1930-х годов, обобщены в статье В.А. Прищеповой⁸⁰.

Совместная работа А.С. Морозовой и П.П. Иванова, в которой затрагиваются вопросы этногенеза, языка, антропологического состава, истории XVIII–XIX вв., практически оставила не затронутой разработку проблемы происхождения каракалпаков. Вопрос о древнейших этапах их этногенеза по-прежнему не ставился. Наиболее интересными в работе представляются сведения об одежде, украшениях, кухонной и столовой утвари, медицине и гигиене, религии, народном творчестве, музыке, литературе и искусстве. В целом работу можно характеризовать как этнографически-справочную⁸¹.

Углубившись в исследование этногенеза каракалпаков, А.С. Морозова приступает к тщательному изучению архивных источников и литературных материалов, дополняет их полевыми этнографическими данными по другим тюркоязычным народам. На основе анализа данных фольклора и письменных источников исследовательница приходит к выводу о том, что из тюркских народов, наиболее близкими каракалпакам по культуре являются ногайцы Северного Кавказа⁸². Узловым моментом в работе А.С. Морозовой стало сравнение родового состава ногайцев и каракалпаков, в результате чего были выявлены совпадения в названиях крупных родоплеменных объединений: *конырат*, *ктай*, *кунчак*, *кенегес* и *мангыт*. Отсутствует у ногайцев только два племенных названия каракалпаков – *кият* и *муйтен*.

Анализируя особенности жилища ногайцев, она отмечала, что юрта занимала главное место в их жизни. Различали два вида юрт: большие *терме* и маленькие *отав*. *Отав* отличался от *терме* не только меньшим размером, но и более круглой формой купола, в то время как *терме* имел конусообразную форму купола и наибольшее распространение получил у кара-ногайцев. *Отав*, как и у каракалпаков (у каракалпаков *отаў*- З.К.), являлся частью приданого невесты, при перевозке размещался на арбе уже в установленном виде⁸³.

80 Прищепова В.А. Семен Архипович Белькин и социалистическое строительство в Каракалпакии. С. 181-192.

81 Иванов П.П., Морозова А.С. Каракалпаки. Ленинград-Ташкент, 1941-1944 // РФФБ ККО АН РУ Инв. № 20.

82 Морозова А.С. Материалы по этнографии ногайцев Северного Кавказа. 1946. (рукопись).

83 Морозова А.С. Материалы по этнографии ногайцев Северного Кавказа. С.1-6.

Описывая традиционную одежду ногайцев, А.С. Морозова отмечает, что их круглые барашковые шапки носили название *борк*. Такая же шапка существовала у каракалпаков. Старики-каракалпаки помнят этот термин, хотя название распространенного современного головного убора *кураш*⁸⁴. Головной убор под названием *бэрик*, изготовленный из черной овчины шерстью наружу и напоминающий по форме низкий усеченный конус основанием кверху, а изнутри имеющий войлочную основу и подкладку из ткани, как отмечают каракалпакские этнографы, бытовал у каракалпаков вплоть до 1930-х годов. Он также именовался *кураш* и *шөгирме*⁸⁵. Описывая головные уборы ногайских женщин, Морозова отмечает, что среди них встречаются напоминающие головной убор каракалпакских женщин *сәўкеле*⁸⁶.

Имеются аналогии в терминах, обозначающих средства передвижения. Бытовавшая у ногайцев свадебная арба, на которой перевозили невесту в дом будущего мужа, называлась *күйме*. Этот термин был знаком каракалпакам, в частности, встречается в произведении известного каракалпакского поэта Ажинияза, с разницей в том, что у Ажинияза речь идет об арбе лишь как средстве передвижения.

Менеш: Қөшкенде қызларыңыз не минеди?

Әжинияз: Қөшкенде көленкелі бар құймеси⁸⁷

Менеш: На чем ездят девушки при кочевке?

Ажинияз: Девушки ездят на прохладной күйме.

По мнению А.С. Морозовой, сходства, отмеченные между ногайцами и каракалпаками, определяют этнокультурные связи между ними с древнейших времен. В формировании ногайцев и каракалпаков, судя по этнонимам, принимали участие древние ираноязычные, тюркские, затем монгольские племена, обитавшие на просторах Прииртышья, северо-западной Монголии, Дешти-Кипчака, Средней Азии, Северного Кавказа. Это подтверждается племенными и родовыми названиями, быгующими у ногайцев и каракалпаков и в настоящее время. Среди множества племен и родов, вокруг которых консолидировались другие, можно назвать такие как *уйгур*, *уйсун*, *найман*, *кереит*, *кипчак*, *дурмен*, *катаган*, *кынырат*, *мангыт*, *кенегес*, *канглы*, *асы*, *булгары* и другие, история которых уходит в глубокую древность.

Значительный материал, накопленный А.С. Морозовой за время исследований, обобщен в кандидатской диссертации «Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века (к вопросу этногенеза)»⁸⁸. Остановимся более подробно

84 Морозова А.С. Материалы по этнографии ногайцев Северного Кавказа. С. 11.

85 Есбергенов Х.Е., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975. С. 82.

86 Морозова А.С. Материалы по этнографии ногайцев Северного Кавказа. С.1-6.

87 Әжинияз. (Таңламалы шығармалары). Нөкис, 1994. С. 108.

88 Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века (к вопросу этногенеза).

на анализе данной работы. Отмечая важность этнографической науки в изучении этногенеза, этнической истории народа, определении специфики его традиционно-бытовой культуры, А.С. Морозова уделяет внимание вопросу происхождения каракалпакского народа, однако в своих суждениях ограничивается мнениями Т.А. Жданко, С.П. Толстова и П.П. Иванова, не развивая эту проблему.

Обращается она в работе и к изучению родового состава каракалпаков, подвергнув тщательному анализу многочисленные источники и литературу, а также предания, содержащие в себе сведения о родовом составе каракалпаков.

Соглашаясь со многими выводами исследовательницы и признавая ее огромную заслугу в сборе фондовых, полевых, литературных материалов, все же нужно отметить, что некоторые выводы А.С. Морозовой нуждаются в корректировке. Складывается впечатление, что каракалпаки переселились на нынешнюю территорию после распада Ногайского союза (XVI в.) с Каспийско-Черноморских степей⁸⁹. Подобная постановка проблемы нашла развитие в работах Л.С. Толстовой, которая, анализируя легенды и предания народов Южного Приаралья, находит направленность этнокультурных связей с северо-западным Ираном, Мургабом, Балхом (Бактрия) и Северным Кавказом⁹⁰.

Более поздние исследования связывают этногенез и этническую историю каракалпаков с территорией Приаралья. Ученые считают, что древнейшими субстратными составляющими в процессе формирования каракалпакского народа явились населявшие Южное Приаралье массагетские племена. Так, по мнению С.П. Толстова, со второй половины I-тысячелетия до нашей эры от племенных союзов «массагетов болот и островов» начинается процесс этногенеза каракалпаков⁹¹. А из этих племен большую роль в формировании основы каракалпаков сыграли племена апасиаков. Они занимались земледелием, скотоводством и ремеслами.

Т.А. Жанко в своих работах неоднократно указывала на тесные связи в Средней Азии кочевников и земледельцев, а также историческую роль полукочевников: «Полукочевники и полусосевшее население с древнейших времен, еще с эпохи бронзы, традиционно вели комплексное хозяйство, скотоводческо-земледельческое, а в некоторых районах, таких как дельты Амударьи и Сырдарьи, еще и рыболовецкое. Этот хозяйственно-культурный тип был выделен С.П. Толстым еще по археологическим материалам, а наши этнографические исследования убедительно доказывают, что характерными его представителями являются каракалпаки, как и многие их предки – племена древности и средневековья»⁹².

Диссертация на соиск. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1954 // РФФБ АН РУ. Инв. № РД-247.

89 Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века. С. 38-56.

90 Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. М. 1984. С. 238

91 Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // СЭ, сб. ст. VI-VII. М.-Л., 1947, с. 303.

92 С.Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // СЭ. 1994. № 1. С. 133.

С данной территорией связывает этногенез каракалпаков и Б. Ахмедов: «В древнейшие времена предки современных узбеков, казахов и каракалпаков жили там, где они и сейчас находятся»⁹³. Этой же точки зрения придерживается С. Камалов⁹⁴.

В процессе этногенеза каракалпаков, безусловно, большую роль сыграла кердерская культура, население которой было смешанным. Как подчеркивает археолог Л.М. Левина, «Кердерская культура... представляет собой механическое соединение двух культурных комплексов: хорезмийского (афригидского времени) и комплекса Джетыасар III (с примесью небольшого числа элементов, характерных для среднесырдарьинских культур), что очевидно, отражает этническую пестроту данного района в тот период»⁹⁵. Часть населения, как и этнические каракалпаки позднее, вела полукочевое комплексное хозяйство с не ирригационными формами земледелия с большим удельным весом рыболовства и охоты. Существовали большие поселения, имевшие стационарное ядро, вокруг которого располагались переносные жилища полукочевого населения, частично зимовавшего у больших кердерских поселений (Курганча, Куюк-кала). Плато Устюрт использовалось населением Кердера для организации отгонного скотоводства в качестве охотничьей территории для организации массовой охоты на диких копытных с применением заградительных сооружений.

Территорию Кердера археологи очерчивают в пределах Приаральской дельты Амударьи и части плато Устюрт. К памятникам кердерской культуры относятся: комплекс Крантау, городище Ток-кала, поселение Куюк-кала, поселение Курганча, городища Хайван-кала, Дары-кала, Багдат, Кырк-жигит, могильник Порлытау, стоянки Акжарма 1-2, Советкудук, сигнальные башни, Североустюртская система стреловидных планировок, святилище №1 могильника Дуана, стреловидные планировки Жарынкудук-14, Жарынкудук-6, южная часть комплекса Жарынкудук-8, святилище 1 в комплексе археологических памятников Жарынкудук-10 и святилище Сумбетимер Алан Куркреук⁹⁶.

Тожество типов хозяйства кердерцев и поздних каракалпаков (XIX в.) указывает на роль кердерцев в этногенезе каракалпаков. Как и каракалпаки в XIX в. население левобережного Кердера использовало в полной мере экологические условия региона. Благодаря ежегодным регулярным разливам Амударьи, затопливающим пойменные пастбища и заполнявшим озера и разливы, ежегодно возобновлялись заросли камыша, который население Кердера косило на сено, использовало как подножный корм для крупного рогатого скота, как материал для строительства жилищ, загонов для скота, утепления юрт. Эти условия спо-

93 Ахмедов Б. Б. *Ўзбек улуси*. Тошкент. 1992. С. 130.

94 Жданко Т.А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. // ТХАЭЭ. Т. III. М., 1958, с. 407.

95 Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. Т. VII. М., 1971. С. 76-77.

96 Ягодин В.Н. Приаральский микрорайон в VII-начале XIV вв. С. 129.

способствовали пастбищному содержанию крупного рогатого скота – традиционной отрасли скотоводства населения Кердера и позднейших каракалпаков⁹⁷.

Анализируя хозяйство каракалпаков, А.С. Морозова выделяет «четыре хозяйственных и культурно-бытовых комплекса, сложившихся в ходе исторического развития народа и обуславливающих своеобразные особенности их быта: I комплекс – северные аулы рыболовецко-промыслового и скотоводческо-земледельческого направления хозяйства, II комплекс – северо-восточные и северо-западные аулы скотоводческо-земледельческого направления хозяйства, III комплекс – центральные правобережные районы поливного земледелия, IV комплекс – южные районы с трудноинтенсивным земледельческим хозяйством»⁹⁸. Первый и второй комплексы расселились по родоплеменным признакам, третий и четвертый комплексы поселения определялись устройством ирригационной сети. На землях самотечного орошения, где посевные земли представляли крупные массивы, каракалпаки жили большими селениями, причем население аулов принадлежало к разным родовым группам. А на землях, орошаемых местными водоподъемными машинами «чигирями», селились небольшими аулами в 5–10 дворов, состоящими из родственных семей, или одиночными хуторами, разбросанными друг от друга на расстоянии 2–3 км. Принципы поселения каракалпаков основывались, главным образом, на родоплеменной принадлежности и на единстве пользования находящейся вблизи ирригационной сети.

В результате изучения традиционного жилища было выявлено их разнообразие. Наиболее древний вид жилища – юрта – бытовала у каракалпаков с древности, но в изучаемый период она уже имела значение сезонного жилья, продолжающего бытовать в силу социально-экономических причин, заставляющих прибегать к транспортабельному жилищу при частых вынужденных переселениях.

Строительство стационарного жилища в виде своеобразных домов-дворов с использованием техники пахсового строительства имело у каракалпаков давнюю традицию. Как отмечает А. Морозова, стационарное жилище каракалпаков по планировке и технике строительства мало отличается от жилищ узбеков Хорезмского оазиса. Отличия состояли лишь в меньшей высоте каракалпакских домов и более скромной отделке⁹⁹.

Отдельная глава, посвященная традиционной одежде каракалпаков, дает возможность на основе анализа функций и названий проследить этнические аспекты. А.С. Морозова, учитывая устные и литературные свидетельства, предполагает, что плоские круглые шапки типа *кураш*, *шөгирме* получили исключительно широкое распространение у амударьинских каракалпаков в течение последнего столетия. До середины XIX в. часть населения носила войлочные

97 Ягодин В.Н. Приаральский микрорайон в VII-начале XIV вв. С. 136.

98 Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века. С. 46-57.

99 Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века. С. 90.

и меховые шапки, которые назывались *борк* или *тельпек*¹⁰⁰. Х. Есбергенев вносит некоторые уточнения, отмечая, что термин *борик* использовался наравне с терминами *шөгирме* и *кураш*¹⁰¹. Исследователь С. Агаджанов предполагает, что термин *борик*, являвшийся наиболее распространенным головным убором огузов XII–XIII вв., имел более широкое значение и обозначал головной убор из бараньей шкуры, козьего меха и других мехов¹⁰², то есть это был термин, обозначающий любую меховую шапку.

В работе производится попытка решения вопроса о происхождении этнонима «каракалпак», который по сей день остается нерешенным.

По мнению А.С. Морозовой, одним из видов древней женской одежды является головной убор *кйймешек* – составная часть костюмного комплекса замужней женщины. Функции *кйймешек* заключались в том, что он, с одной стороны, являлся верхней выходной одеждой замужней женщины, с другой – ритуальным свадебным нарядом, скрывающим волосы невесты. Другим элементом костюма женщины, имеющим древние корни, она называет головной убор *сәүкеле*, который, согласно сведениям, надевали на невесту в день свадьбы. В нем она находилась на свадебном торжестве, во время обряда открывания лица *бет ашар*. Подробный анализ этого головного убора, его функции, этапы эволюции А.С. Морозова осветила в специальной статье¹⁰³.

Подытоживая свои исследования по традиционной каракалпакской одежде, она приходит к выводу о том, что формы национальной одежды в той или иной степени показывают исторический ход формирования народа, внутренние процессы его развития, этнокультурные взаимоотношения с соседями¹⁰⁴.

В целом традиционный костюм каракалпаков был описан как единый комплекс, однако некоторые элементы одежды остались вне поля зрения исследовательницы. Особенности детской одежды, придаваемые ему охранные свойства, как, впрочем, и у более поздних исследователей традиционного костюма, практически остались не описанными. Вызывают некоторую путаницу названия девичьих головных уборов, приводимых ею¹⁰⁵. Исследовательница не затрагивала вопросы половозрастной дифференциации и социальных особенностей одежды.

В разделе, посвященном анализу пищи каракалпаков начала XX в., рассматривается их животноводческое и земледельческое происхождения, социальные, ритуальные аспекты режима и характера питания. Большая часть сведений по пище, обобщенных Морозовой, вошли в одноименный раздел «Этно-

100 Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века. С. 115.

101 Этнография каракалпаков XIX – нач. XX веков. Ташкент, 1980. С. 75-76.

102 Агаджанов С. Огузские племена IX–XIII вв. (историко-этнографический очерк) // Страны и народы Востока. М., 1971. С. 188.

103 Морозова А.С. Каракалпакский женский шлемовидный убор «саукеле» // Труды ТашГУ. Т. VI. Вып. 200. Археология Средней Азии. Ташкент, 1963. С. 134-138.

104 Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века. С. 166-167.

105 Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века. С. 147.

графии каракалпаков» (Ташкент, 1980), где они были дополнены описанием утвари для приготовления пищи, хранения и переработки продуктов, некоторыми блюдами и способами их приготовления.

В результате исследования, произведенного А.С. Морозовой, были получены важные данные, заключающиеся в выявлении длительного сохранения устойчивых особенностей и реликтов не только в области хозяйства, но и в области бытовой культуры народа. Такие элементы материальной культуры, как жилище, пища и одежда, являются в некоторых случаях устойчивыми культурными признаками, которые сохраняют на протяжении многих столетий следы национального своеобразия, говорящего о происхождении народа.

В числе разного рода экспедиций, осуществлявших свою деятельность на территории Каракалпакстана в 1920–1930-е годы нужно назвать исследования быта каракалпакских кустарей Обществом изучения Казахстана А.Л. Мелкова¹⁰⁶. Хотя в планы экспедиции входила фиксация на фотопленку и обследование кустарных промыслов, А.Л. Мелков намного расширил круг вопросов, охватив практически все сферы жизни каракалпаков того времени. Были произведены снимки ирригационных сооружений, проведения *қазу*, сельскохозяйственных работ; имеются кадры, запечатлевшие рыболовецкие хозяйства, лодки, рыболовецкий инвентарь и многое другое¹⁰⁷. (Рис. 1–5). Эти кадры стали одними из первых фотодокументов, запечатлевших жизнь каракалпакского народа, особенности быта, ирригации, рыболовства и стали важным источником его этнографического изучения¹⁰⁸.

В июне–сентябре 1930 г. Центральным комитетом нового казахского алфавита в КАО был командирован С.Е. Малов. Его экспедиция носила лингвистический характер, ее главной целью было изучение и выявление особенностей каракалпакского языка¹⁰⁹. Однако, как отмечает Н.А. Баскаков, «Первые поездки в 1926–1930 гг. преследовали в большей степени этнографические, чем диалектические цели»¹¹⁰. Участники экспедиции обогатили уже имеющиеся сведения о каракалпаках, собрав предметы материальной культуры каракалпаков. Собранный материал – одежда, украшения, музыкальные инструменты – составил основу коллекции краеведческого музея. Однако главной целью ученых было изучение наречий, оставшихся до тех пор вне поля зрения интересов тюркологов. Ее реализация стала несомненной заслугой участников экспедиции.

Научно-исследовательские экспедиции, проведенные в Каракалпакстане в конце 1920-х и начале 1930-х годов, обнаружили богатые природные и хозяйственные ресурсы. Их исследование могло быть более эффективным на базе науч-

106 ЦГА РК, ф.26, оп.1, д.216, л. 3.

107 Мелков А.Л. Каракалпакская экспедиция Общества изучения Казахстана. 1928–1929 гг. Фотоальбом // РФФБ ККО АН РУ. Инв. № Р-270.

108 Курбанова З.И. Фотоальбом А.Л. Мелкова, как источник изучения этнографии каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2000. № 2. С. 52–53.

109 Малов С.Е. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966. С.5–6.

110 Баскаков Н.А. Каракалпакский язык (материалы по диалектологии). М., 1951.

ных учреждений, постоянно действующих на территории этих районов. Так, в октябре 1929 г. Президиум АН СССР, на общем собрании, заслушав доклад А.В. Ферсмана об итогах экспертной деятельности Академии наук, постановил заметить экспедиционные исследования стационарными научными учреждениями, связанными непосредственно с Академией наук¹¹¹.

Придавая особую важность формированию научно-исследовательского института, правительство Автономной республики приняло меры по широкой организации научно-исследовательской работы в Каракалпакистане. В 1931 г. протоколом № 37 от 12 августа 1931 г. открывается Каракалпакинский комплексный научно-исследовательский институт (далее ККНИИ)¹¹². Институт был укомплектован как приезжими учеными, так и местными кадрами, начавшими свою исследовательскую деятельность после 1933 года: К. Айымбетовым, Ж. Урумбаевым, Т. Бекимбетовым.

В ноябре-декабре 1933 г. ККНИИ организует экспедицию под руководством профессора А.А. Соколова, в которой приняли участие сотрудники ККНИИ К. Айымбетов, О. Кожуров, У. Кусекеев. Собранные сведения охватили широкий спектр вопросов: исторические легенды и предания, этнографические материалы, характеризующие семейно-бытовые отношения, старинные обычаи, верования и обряды каракалпаков. Экспедиционные работы проводились на территории Караузякского и Чимбайского районов. Материалы экспедиции осветили отдельные вопросы происхождения каракалпаков, которые распространились на основные вехи истории не только собственно каракалпаков, но и их исторических прапредков — печенегов и черных клобуков. Углубляясь в исследования проблем этногенеза, Соколов склоняется к выводу о том, что прародина тюркского этноса (в том числе каракалпаков) не в пределах Алтайской горной системы и прилегающих к последней степей теперешней Монголии, а на юго-западе (Передняя Азия, Закавказье, Кавказ)¹¹³. Гипотезу о том, что этногенез каракалпаков происходил на территории Передней Азии, Соколов рассматривает на примере родового деления «мүйтен». Анализируя их переселение, деление, и желая показать мировоззрение каракалпацкого народа того времени, он приводит отрывок из «Шежире» неизвестного автора. Нужно отдать должное проницательности ученого, акцентировавшего внимание на данном сложном вопросе. По мнению Л.С. Толстовой, этногенез мүйтен (мүйтен — З.К), по всей вероятности, значительно отличается от хода формирования других составных частей каракалпацкого народа. Анализ этногенетических преданий мүйтен, их родового состава свидетельствуют о широких восточноевропейских и кавказских связях в их этногенезе¹¹⁴. Это дает

111 Утепов К.Т. Великий Октябрь, становление и развитие исторической науки в Каракалпакистане. Нукус, 1988. С. 33.

112 Камалов С.К. Штабу советской науки — 250 лет // Вестник ККФАН УзССР. 1974. № 3. С. 48.

113 Соколов А.А. Основные этапы истории каракалпаков. С. 7-17.

114 Толстова Л.С. Уточнение вопросов этногенеза каракалпаков // Вестник КК ФАН УзССР. 1963. № 2. С.55-66.

исследовательнице возможность выдвинуть ряд интересных гипотез. Изучив ряд этногенетических преданий амударьинских мюйтенов и проанализировав их родоплеменной состав, она пришла к выводу, что «мюйтены не были аборигенным населением Приаралья. Их этногенетические предания ведут к Кавказу. Наиболее ранние места обитания мюйтенов, по легендам, – это Аравия, Грузия, Черное море, где они объединились с каракалпаками»¹¹⁵. В конечном итоге она приходит к выводу, что процесс оформления этой этнической группы в I тыс. н.э. происходил в степях Причерноморья, на Северном Кавказе, в Нижнем и Среднем Поволжье. Здесь перед нами проходят последовательно такие народы древности, как сарматы, авары, хазары, болгары, вошедшие в той или иной мере в состав будущих мюйтенов. Об этом же свидетельствует анализ географических терминов, встречающихся в преданиях¹¹⁶.

Отметим, что выводы, сделанные Толстовой, касаются только племени мюитен, и переносить идею переднеазиатских корней на весь каракалпакский народ, на наш взгляд, не совсем корректно.

Исследование Соколова составило первую часть материалов, собранных во время экспедиционных работ. Вторая часть состояла из произведений фольклора каракалпаков, собранных К. Айымбетовым и О. Кожуровым.

Третья часть – этнографическая, в нее вошли материалы, собранные У. Кусекевым. Работа содержит ценные сведения по этнографии каракалпаков. В ней охвачены практически все основные проблемы этнографии каракалпакского народа. Им приводятся фрагментарные сведения о возникновении городов (Кунград, Тахтакупыр), административном делении, некоторых исторических событиях, дается характеристика отдельных этнонимов¹¹⁷. Наибольший интерес представляют описания жилища, убранства юрты с указанием стоимости каждого предмета на тот период, названия женской и мужской одежды; сведения о религиозных верованиях и представлениях, шаманстве, обрядах, записанных со слов информантов. Так, например, Кусекеев приводит свидетельства о некоторых верованиях, связанных с теротеизмом: птица *сүймурык*, которая имела две головы: человеческую и птичью и обладала речью; лебедь, являвшийся священной птицей, охота на которого была строго запрещена. Магическими свойствами наделялись птичьи перья: так, каракалпаки к детским головным уборам прикрепляли перья филина. Отдельный раздел составляют вопросы народной медицины, с описанием способов лечения укусов змей и различных болезней.

Несмотря на множество работ, посвященных свадебной обрядности каракалпаков, этот вопрос полностью не исследован. В трудах ученых XIX в. нет ни одного цельного сообщения, в котором конкретно и четко анализировалась бы свадебная обрядность. В советский период эта интересная тема стала изучаться

115 Толстова Л.С. Уточнение вопросов этногенеза каракалпаков. С. 59.

116 Толстова Л.С. Уточнение вопросов этногенеза каракалпаков. С. 63.

117 Кусекеев У. Этнография ККАССР. Турткуль, 1934. С. 1-23 // РФФБ ККО АН РУ. Инв. № 932.

уже со времени первых этнографических экспедиций в Каракалпакию. Она начинает привлекать все больше внимания как со стороны научно-теоретической, так как в ней сохраняются множество реликтов древних верований и обрядов, так и научно-практической. Одним из первых ученых, подробно описавших свадебную обрядность каракалпаков, стал У. Кусекеев. Он отмечает у каракалпаков несколько форм заключения брака. Основные из них: сговор о браке не родившихся детей *аклай куда*, сговор о браке несовершеннолетних детей *жаслай куда* и сговор о браке совершеннолетних детей (с точки зрения традиционных брачных норм). Кроме того, у каракалпаков бытовал обряд похищения девушки *алын қашыў*, который осуществлялся как с согласия девушки, так и без него. Имели место древние по своему происхождению формы заключения брака, как брак по обычаям левирата *басын шатыў* и сорората *балдызга үйленуў*. Вдова должна была выйти замуж за одного из братьев умершего мужа, или ближайшего родственника, в крайнем случае, даже дальнего. Если родственники мужа были женаты, то вдова становилась второй или третьей женой. Обычай левирата был широко распространен у всех народов Средней Азии и Казахстана. Он долгое время сохранялся в патриархально-родовой семейной общине, не заинтересованной в уходе вдовы и разделе имущества семьи. По традиционным народным понятиям, отпускать вдову к ее родителям считалось позором.

Другой древней формой заключения брака, существовавшей на тот период в семейном быту каракалпаков, был обычай сорората – выдачи замуж за вдовца младшей сестры его жены.

Обряды, проводимые как в доме невесты *хаўжар*, так и в доме жениха *айтымал*, *бет ашар*, изобиловали фольклором. Подробно отражен обряд сговора о составе и размере калыма, который исчислялся в основном количеством голов рогатого скота и лошадей¹¹⁸.

Благодаря глубокому интересу У. Кусекеева к изучению истории и культуры народа, им был собран ценнейший материал по традиционно-бытовой культуре каракалпаков. К сожалению, научная деятельность У. Кусекеева была прервана в самом ее начале. В 1937 году он был репрессирован.

Ряд исследований, касающихся истории каракалпаков в период с XVI по XIX в., был опубликован П.П. Ивановым (ученый безвременно ушел из жизни в 1942 г. во время блокады Ленинграда). Его статьи и книги «Очерк истории каракалпаков» (1935), «Новые данные о каракалпаках» (1937), «Каракалпаки (историко-этнографический очерк)» (1940) – написаны на высоком теоретическом уровне, основаны на первоисточниках и составляют ценнейший вклад в историографию Каракалпакии.

Проводился сбор материалов по быту и культуре каракалпаков Центральным художественным музеем Узбекистана (ныне Государственный музей искусств Узбекистана). Исторический музей (ныне Государственный музей истории

118 Кусекеев У. Этнография ККАССР. Турткуль, 1934. С. 78-81.

Узбекистана) сформировал коллекцию старинной каракалпакской национальной одежды. К сожалению, работа музеев ограничивалась сбором коллекций, описаний и научного анализа которых не производилось. В 1935 г. сбором и систематизацией памятников истории культуры народов Каракалпакстана занимался Краеведческий музей (ныне Государственный музей истории и культуры Республики Каракалпакстан). К сожалению, часть этнографических коллекций, собранных работниками музея, пострадала во время его эвакуации в связи с наводнением Турткуля в 1944–1945 гг.

Итак, основной формой этнографического изучения Каракалпакстана в 1920-е – 1930-е годы были специальные этнографические экспедиции, полевые исследования. Целью этих экспедиций в первую очередь было определение расселения народов, составление этнографической карты Центральной Азии и на ее основе осуществление так называемого национально-государственного размежевания в регионе.

Этот период был достаточно насыщенным и плодотворным. Заложенные в эти годы основы экспедиционной работы впоследствии сыграли большую роль в развитии и углублении этнографических знаний.

ККНИИ за время своего существования (1931–1936 гг.) провел полезную научную работу в исследовании истории, культуры, экономики Каракалпакстана. Секция истории и экономики произвела кропотливую работу по сбору архивных материалов, а также по организации единой библиотеки. Подсекцией этнографии и педагогики института (социально-культурная секция) был выпущен «Каракалпакский терминологический словарь» по делопроизводству на латинском алфавите, подготовкой которого занимались А.А. Соколов и К. Айымбетов.

К сожалению, существование института было непродолжительным. В марте 1936 г. по решению Совета Народных комиссаров комплексный институт был разделен на ряд секторов, что означало его расформирование. В постановлении областного комитета ВКП (б) и СНК ККАССР говорилось о том, что в целях организации двух республиканских зональных станций (хлопководческой и животноводческой), а также из-за отсутствия научных кадров для ведения в них исследований, расформировать научно-исследовательский институт¹¹⁹.

Существенным моментом исследовательских работ 1930-х годов, в отличие от предыдущего десятилетия, когда исследования в основном велись отдельными учеными, стал их экспедиционный характер. Нужно все же отметить, что для этого периода было характерно отсутствие системы научной работы как таковой, а также соответствующей базы для ее организации. Стоит обратить внимание и на тот факт, что сведения, собранные в этот период, не могли полностью отражать социальное положение и религиозные представления народа. В

¹¹⁹ АЖК РК, ф.1, оп.4, д. 76, л. 3.

целом, работа этих лет характеризовалась тем, что при проведении исследований ученые стремились проникнуть в суть исследуемых проблем, осмыслить изучаемые вопросы и явления, тогда как в предшествующие годы изучение Каракалпакстана осуществлялось, главным образом, с целью выявления и освоения его природных ресурсов.

Вклад участников ХАЭЭ в этнографическое изучение народов Каракалпакстана.

В апреле 1933 г. Постановление Президиума АН СССР № 10/3 «В целях организации руководства и конкретной помощи ККАССР в проведении культурной революции» учреждает Каракалпакскую комиссию, в которую вошли академики С.Ф. Ольденбург, А.С. Самойлович, член-корреспондент АН СССР С.Г. Томсинский и др.¹²⁰. При содействии этой комиссии в г. Турткуле в 1935 г. был открыт историко-краеведческий музей, создана научная библиотека Комплексного научно-исследовательского института. В круг интересов Каракалпакской комиссии входила организация изучения и охраны памятников материальной культуры низовьев Амударьи. Очевидно, создание в 1937 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, руководимой С.П. Толстовым, явилось также результатом деятельности Каракалпакской комиссии. В 1948 г. выходит в свет монография С.П. Толстова «Древний Хорезм», подводившая итог довоенным исследованиям Хорезмской экспедиции. Эта книга дает наиболее яркое представление о С.П. Толстова как о продолжателе традиций анучинской школы, последователи которой опирались на широкий круг источников – археологических, этнографических, антропологических, лингвистических и др. Комплексный подход к решению крупных проблем истории – одна из главных черт исследовательской деятельности С.П. Толстова, впоследствии именно этот принцип был положен в основу работ ХАЭЭ.

С.П. Толстов глубоко интересовался исторической этнографией каракалпаков. В особенности его привлекали вопросы ранних этапов их этногенеза. Археологические разведки Хорезмской экспедиции, проведенные до начала Второй мировой войны, охватили помимо южных Кызылкумов и территорию обитания каракалпаков в XVI–XVIII вв. в низовьях и дельте Сырдарьи, где были обнаружены следы их своеобразного очень древнего типа хозяйства. Эти материалы, наряду с накопившимися новыми данными истории, этнографии и лингвистики, позволили Толстову создать концепцию основных этапов этногенеза каракалпаков, которую он изложил впервые в 1942 г.¹²¹ В 1945 г. на выездной сессии Академии наук Узбекистана в Нукусе Толстов выступил с большим докладом о

120 Камалов С.К. О документах каракалпакской комиссии АН СССР // Вестник ККФАН УзССР. 1975. № 4. С. 48-49.

121 Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. Сессия Комиссии по этногенезу и этно-графии при Отделении истории и философии АН СССР по вопросам этногенеза Средней Азии, 27-29 августа 1942. Ташкент. Тез. докл. // СЭ. Сб. Вып. VI-VII. М.-Л., 1947. С. 303-305.

происхождении каракалпакского народа¹²². Согласно концепции ученого, история предков каракалпаков представляется как движение частей древних приаральских и урало-эмбенских племен по замкнутой линии вокруг Аральского моря со значительным отклонением на северо-запад, сопровождаемое как вхождением частей этих племен в состав разнообразных народностей, обитающих на этой линии (украинцы, южные группы русских, различные группы европейских татар, ногайцы, башкиры, казахи, узбеки), так и впитыванием в состав прото-каракалпакского этнического ядра разнообразных элементов, подхваченных в процессе этого движения¹²³.

Круг вопросов, затронутых в работах С.П. Толстова выходит далеко за рамки собственно хорезмийских проблем. Основные темы исследований – периодизация истории и реконструкция основ общественного строя, хозяйства и культуры древнего Хорезма – рассматривались ученым на широком фоне истории народов всей Центральной Азии и стран Востока в целом. Некоторые вопросы истории вышли за рамки хорезмийской проблематики, перейдя в интересные экскурсы, привлекающие читателя глубиной анализа разнообразных источников, оригинальностью сопоставлений, огромной эрудицией автора¹²⁴.

Организованная им в 1937 г. Хорезмская экспедиция лишь в первые годы ограничивалась археологическими работами; на следующем этапе своих изысканий (с 1945 г.) она становится комплексной археолого-этнографической. С.П. Толстов придавал большое значение расширению этнографических исследований. «Важно отметить, – писал он, – что археологические работы развивались в неразрывной связи с работой этнографических отрядов экспедиции». Эта комплексность исследования дает возможность протянуть прочные нити исторической преемственности от культуры древних народов и племен Приаралья через средневековые к современным народам Средней Азии, вскрыв самобытные истоки их яркой культуры. Почти все этнографы участвовали в археологических работах – раскопках и разведках памятников разных эпох; в свою очередь, многие археологи работали совместно с этнографами, участвуя в изучении традиционных форм хозяйства, материальной культуры (жилища, одежда, украшения), прикладного искусства и т.д.¹²⁵

Экспедиционная база ХАЭЭ находилась в Каракалпакии. Хотя экспедиция проводила широкое обследование областей Хорезма, основным объектом изучения стал Каракалпакстан. Это способствовало развитию археологической

¹²² Толстов С.П. К вопросу о происхождении каракалпакского народа // КСИЭ. Вып. II. М.-Л., 1947. С. 69-73.

¹²³ Толстов С.П. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. С. 75.

¹²⁴ Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948; его же: По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962 и др.

¹²⁵ Жданко Т.А. Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1980. С. 21 – 22.

и этнографической наук в республике, а традиции совместной работы способствовали плодотворности научного исследования.

Деятельность ХАЭЭ, состав участников, география исследований неоднократно становились объектом исследования. Т.А. Жданко в одной из поздних работ дает подробный анализ деятельности ее отрядов¹²⁶. В целом, работы участников отрядов ХАЭЭ в значительной степени способствовали популяризации этнографических знаний.

Каракалпакский этнографический отряд

Каракалпакский этнографический отряд, организованный в 1945 г. под руководством Т.А. Жданко, за время своего существования проделал огромную работу в изучении истории и этнографии каракалпакского народа¹²⁷. Перед ним, как и перед узбекскими и туркменскими отрядами, о которых речь пойдет ниже, была поставлена задача в течение ближайших лет провести систематическое обследование населения оазиса; уточнить расселение локальных групп и составить детальные этнические карты; во всех местах обитания народа собрать историко-этнографический материал, всесторонне характеризующий его традиционную культуру и быт; выявить его этнографический облик, сложившийся в исторических и экологических условиях Хорезма; провести исследование современного быта, происходящих в нем преобразовательных процессов.

В состав отряда в 1945 г., помимо Т.А. Жданко, входили тогда еще студентки Н.П. Лобачева, Н.Н. Гроздова, Л.Ф. Моногорова. Такой состав отряда не остался не замеченным местным населением: как вспоминает Т.А. Жданко, «Мой каракалпакский отряд в селениях республики знали, называли «отряд „кызлар”» – отряд девушек»¹²⁸.

Отрядом изучались и анализировались сведения об общественно-бытовом укладе каракалпаков в XIX – начале XX вв. Было составлено 13 схем-записей номенклатуры родства, через которые прослеживаются различные периоды истории народа, характеризующие основные этапы формирования родоплеменных групп, взаимоотношений между ними. Собраны сведения о свадебной обрядности каракалпаков, свидетельствующие об их своеобразии и красочности.

Изучение материальной культуры, сосредоточилось на таких проблемах, как виды жилища – усадьба, юрта и дом, строительная техника, производство стройматериалов, средства передвижения и их виды. Значительный материал был собран по одежде и ювелирным украшениям каракалпаков¹²⁹ (Рис. 6).

126 Жданко Т.А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // ЭО. 1997. № 1. С. 70-85; ЭО. № 2. С. 15-33.

127 Курбанова З.И. Из истории этнографического изучения Каракалпакстана (Каракалпакский этнографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции) // Вестник ККО АН РУз. 2008. № 4. С. 36-41.

128 С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // ЭО. 1994, № 1. С. 126.

129 Жданко Т.А. Этнографическая разведка в Чимбайском районе ККАССР // КСИЭ. М., 1947. Вып. II. С. 5-16.

Наряду с изучением традиций и новаций в быту, каракалпакским этнографическим отрядом с 1945 по 1948 гг. изучались общественный строй каракалпакского народа в XIX – начале XX вв., а также родовая структура каракалпаков. Сохранение устойчивого родоплеменного деления, по мнению Т.А. Жданко, было весьма существенной чертой, отличавшей быт каракалпаков в начале XX в. Исследовательница отмечает, что традиционная принадлежность к определенному роду и племени, имела значение не только в семейных отношениях, но иногда и в хозяйственно-политической жизни, отразившись, например, на типе расселения, системе управления каракалпаками в пределах существовавшего до 1920 г. Хивинского ханства¹³⁰. Изучение системы каракалпакских племен и родов приобретают особую важность и в связи с тем, что она представляет собой оригинальный исторический источник.

Отрядом были собраны сведения о принципах расселения народа, об истории отдельных племен и родов, которые состояли из фиксации их генеалогии, легенд о происхождении, преданий; сведений о взаимоотношениях с другими племенами и родами, характере управления, обложения налогами, землепользовании, семейно-брачных отношениях.

Помимо изучения этнической истории, быта, культуры каракалпакского народа, сфера интересов отряда распространялась на изучение мелких этнических групп, проживающих на территории Каракалпакии: уральцев и корейцев. Отряд по изучению русского старожильского населения дельты Амударьи (уральцев) проводил свои исследования в уральском поселке, расположенном около г. Нукус. Руководила отрядом Е.Э. Бломквист. Результатом изучения исторических и социальных корней, характерных особенностей материальной и духовной культуры уральцев Средней Азии – потомков высланных в 1870-е годы – стала публикация работы «Этнографическая работа среди уральцев»¹³¹.

В 1959 г. в составе Каракалпакского отряда, развернувшего свои работы в северных районах республики, под руководством Р.Ш. Джарылгасиновой производился сбор материалов по этнографии корейцев, проживавших в совхозе «Раушан» Кунградского района¹³² (Рис.7).

Большая заслуга в развитии этнографической мысли в республике принадлежит Т.А. Жданко (Рис. 8). Материалы, собранные ею за время работы в ХАЭЭ, обобщены в фундаментальной монографии «Очерки исторической этнографии каракалпаков»¹³³, которой предшествовала вышедшая за год до этого статья, посвященная проблеме изучения родовой структуры¹³⁴. Этнической

¹³⁰ Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков // ТИЭ. Новая серия. Т. IX. М.-Л., 1950. С. 8.

¹³¹ Бломквист Е.Э. Этнографическая работа среди «уральцев» // КСИЭ. 1947. № 3. С. 49–54.

¹³² Аржанцева И.А. Хорезм. История открытий и исследований. С. 233–234.

¹³³ Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков.

¹³⁴ Жданко Т.А. Родоплеменная структура и расселение каракалпаков низовьев Амударьи в XIX – нач. XX вв. // КСИЭ. М., 1949. Вып. VI. С. 58–63.

территорией каракалпаков исследовательница определила Приаралье и низовья Амударьи и Сырдарьи, народы которой издавна владели своеобразными техническими приемами орошения и осушения неустойчивых островных и дельтовых земельных угодий. Каракалпаки вели оседлый и частично полукочевой образ жизни, занимались в освоенных ими местностях земледелием, на пустынных и полупустынных пространствах дельты – скотоводством, а на многочисленных речных протоках, озерах и у морского побережья – рыболовством. Т.А. Жданко отмечает их раздробленность на множество мелких родоплеменных групп, представлявших собой территориальные общины с чрезвычайно устойчивыми родовыми традициями. Вместе с тем, они имели единое этническое сознание. В работе нашли отражение исторические события, экономические, политические, культурные связи каракалпаков с соседними народами.

Анализируя общественный строй каракалпаков, Т.А. Жданко отмечает его особенности, заключавшиеся в сохранении таких видов взаимопомощи, как *саўын, көмек* и др. Но значительный интерес, – пишет она, – «представляют явления, связанные с такими характерными чертами каракалпакской родовой структуры, как сохранение экзогамии, соответствие административной системы управления каракалпаками основным звеньям родоплеменной структуры и наличие дуальной организации общества в структуре арысов, племен и родов у каракалпаков»¹³⁵.

Подробно останавливаясь на экзогамии, Т.А. Жданко отмечает ее неограниченный характер, не зависящий от числа поколений, отделявших по отцовской линии кровного родства юношу и девушку. Достаточно было им принадлежать к одному и тому же роду, чтобы брак считался безусловно невозможным. В то же время допускался брак между самыми близкими родственниками по материнской линии, например, женитьба на двоюродной сестре – дочери брата матери, принадлежавшей к другому роду. Возможными также считались такие браки между *бөле* – детьми родных сестер, разумеется, в том случае, если мужья последних не принадлежали к одному и тому же роду¹³⁶. Традиция заключения браков между *бөле* в последнее время подверглась определенной трансформации. Подобные браки, как показывает практика, нежелательны, их количество значительно сократилось, связано это с неодобрительным отношением населения к заключению браков между близкими родственниками¹³⁷.

Подводя итоги, Т.А. Жданко отмечает, что «будучи непосредственно связанным, с родоплеменным делением, этот древний обычай был одним из основных факторов, определявших семейно-брачные отношения и, распространяясь на все слои населения, являлся существенной чертой социально-бытового уклада каракалпаков в начале XX века»¹³⁸.

135 Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. С. 70.

136 Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. С. 70-71.

137 Давлетияров М. Традиционные социальные институты каракалпаков. С. 54-55.

138 Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. С. 73.

В вопросах этногенеза Т.А. Жданко, полемизируя со многими учеными, отмечает, что до известной степени правильное отождествление каракалпаков с «черными клобуками» базировалось у большинства авторов лишь на формальном сходстве семантики этих этнонимов. Мнение тех авторов, которые отождествляли каракалпаков с ногайцами и настойчиво искали «родину» каракалпаков в Поволжье, Восточной Европе (Ховорс, Вамбери), она подвергает критике, и разделяет взгляды ученых, высказавших мысль о связи каракалпакского этногенеза со среднеазиатскими народами. Жданко приводит слова Н.А. Аристова о том, что «едва ли можно сомневаться, что тюркские племена, которые составили этот народ (каракалпаков – З.К.), вышли на Волгу из азиатских степей»¹³⁹. Она соглашается с мнением С.П. Толстова о том, что основой процесса формирования народов в Приаралье, в том числе каракалпаков, явились древние массагетские племена, в первую очередь племя апасиаков.

В своих выводах она еще раз подчеркивает, что «этнический состав каракалпаков образован различными древними племенами и народностями Приаралья», и что общественный строй и конкретно родоплеменная структура любого народа, в том числе каракалпаков, меняется в результате изменения социально-экономического уровня общества¹⁴⁰.

Несмотря на то, что монография Т. Жданко представляет собой крупный систематический труд, все же сложный процесс этногенеза каракалпаков прослежен не на всех этапах с достаточной глубиной и полнотой. Актуальным остается проведение специальных исследований, направленных на выявление места и роли древних и средневековых племен Приуралья, Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья в формировании каракалпакского народа. Отмечает она и неразработанность вопроса о древнейших этапах этногенеза каракалпаков, об актуальности которого упоминал еще П.П. Иванов в своем обзоре русской и иностранной литературы XIX в., содержащей гипотезы о происхождении каракалпаков¹⁴¹. К сожалению, проблема не только древнейших этапов этногенеза, но и его средневекового периода остается и ныне одной из малоработанных.

Сфера интересов Т.А. Жданко была достаточно широка. Обратившись к изучению орнамента в этнических исследованиях, она отмечает, что, как и другие формы искусства, орнаментальное творчество находится в тесной связи с историей формирования народа и его культуры, отражает развитие специфических этнических черт культуры данного народа на разных исторических этапах¹⁴². «Самые названия элементов узора показывают, как в нем отражаются мотивы хозяйственной жизни, природного окружения, быта, верований. Вместе со

¹³⁹ Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. С. 97-98.

¹⁴⁰ Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С.461-566.

¹⁴¹ Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков. М.-Л., 1935. С. 9-42.

¹⁴² Жданко Т.А. Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков // СЭ. 1955. № 4.

С. 56 – 69; ее же: Народное орнаментальное искусство каракалпаков // Материалы к исследованию по этнографии каракалпаков // ТХАЭЭ. Т. III. М., 1958. С. 373 - 410.

всей культурой народа орнамент развивается, видоизменяется, но это не может служить опровержением глубокой традиционности многих его форм, переживающих века и тысячелетия» — пишет Т.А. Жданко¹⁴³. Вывод, к которому приходит она в результате исследования орнамента, заключается в необходимости использования орнамента в исторических трудах в качестве научного источника для изучения этногенеза народов Средней Азии. Это поможет восстановить культурное наследие, историю становления самобытной национальной культуры каждого из народов Средней Азии и разработать сложную проблему их этногенеза.

В своем подробном историко-этнографическом исследовании орнаментального искусства каракалпаков Т.А. Жданко выявляет, что особенно распространены у каракалпаков узоры, типичные для огузских племен и в изобилии встречающиеся на керамических изделиях из развалин огузских городов в низовьях Сыр-Дарьи и у берегов Арала, а также в Ташаузской области Туркмении, на памятнике Куня-Уаз, гибель которого С. П. Толстов датирует XI в. и связывает с приходом сюда с Сыр-Дарьи сельджукских завоевателей — огузов¹⁴⁴. Сопоставление же каракалпакского узора с южносибирским, в частности, с алтайским, по ее мнению, имеет сходство столь очевидное, что его нельзя считать случайным. «Этнографические материалы по Алтаю и по Башкирии дают все более явственные доказательства значительных связей тюркских племен Алтая в разные исторические эпохи с населением Приаралья и Урала», — пишет она¹⁴⁵.

Т.А. Жданко вполне резонно предполагает, что головной убор типа *саукеле* был широко распространен в степях Приаралья и что генезис его связан с боевыми шлемами воинов сако-массагетских и сармато-аланских племен, в среде которых, как известно, были чрезвычайно сильны традиции матриархата и нередко, наравне с мужчинами, предводителями и правителями были женщины¹⁴⁶.

Важность использования произведений фольклора в изучении этногенеза, этнического состава, традиционно-бытовой культуры в восстановлении исторических судеб народа отмечалась неоднократно. Обращалась к этой теме и Т.А. Жданко. Богатое эпическое наследие каракалпаков «Алпамыс», «Коблан», «Маспатша», «Кырк кыз», представляют наибольший интерес для историков и этнографов. Зачастую в них характеризуются самые архаические этапы создания эпосов. Это, прежде всего, основа сюжета эпоса «Кырк кыз» — тема девушек-богатырш во главе с предводительницей Гулайым и ее женской дружине, борющейся с джунгарами и персидским Надир-шахом. Известно, что сюжет

143 Жданко Т.А. Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков. С. 66.

144 Жданко Т.А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. С. 407.

145 Жданко Т.А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. С. 408.

146 Жданко Т.А. О близости некоторых исторических традиций каракалпаков и башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 161-163.

женщин-воинов не чужд и другим эпическим произведениям каракалпаков¹⁴⁷. Как полагает Т.А. Жданко, этот сюжет своими корнями восходит к отдаленным периодам, он зафиксирован древними авторами в произведениях, освещающих жизнь среднеазиатских племен и народов еще в I тысячелетии до н.э.¹⁴⁸.

В 1945 г. в этнографическое изучение каракалпаков совместно с московскими учеными-этнографами участниками ХАЭЭ включается А.С. Морозова. В этот период ею собираются новые материалы, проверяются уже существующие факты, собранные исследователями в предшествующие годы. Итогом ее работы стала публикация статей, посвященных отдельным вопросам культуры каракалпаков¹⁴⁹.

Вопросы истории ирригации Хорезма освещены в фундаментальной монографии академика Академии наук Узбекистана Я.Г. Гулямова. В работе рассмотрена история развития оросительной сети в Хорезме в течение многих тысячелетий в том виде, как эту историю обрисовывают нам результаты, полученные работами археологов в Средней Азии: медленную эволюцию от использования Амударьинских разливов для охоты и рыболовства во времена неолита к примитивному земледелию и скотоводству на естественных протоках Амударьи во времена бронзы и, наконец, к искусственно-орошаемому земледелию в эпоху классового общества¹⁵⁰.

В июле 1956 г. каракалпакский этнографический отряд работал совместно с Каракалпакским научно-исследовательским институтом АН Узбекистана и при участии сотрудников нукусского и самаркандского музеев. Работы проводились на территории Кегейлийского, Чимбайского и Караузьякского районов. Отрядом были совершены археологические экспедиции в крепость Хайван-кала (VIII в.) в Кегейлийском районе и на возвышенность Кушканатау, где была открыта крепость Куюк-кала (VI–VIII вв.) с расположенным близ нее оссуарным могильником.

Работы этнографического отряда в тот период сосредоточились на сборе материалов по земельно-водной общине каракалпаков XIX – начала XX вв., начатой двумя годами ранее. Публикуя результаты полевых работ, проведенных в 1956 году Т.А. Жданко отмечает: «Наряду с этим изучался семейно-бытовой уклад, с применением подворно-посемейного анкетного обследования в отдельных аулах и записей обычаев и обрядов, связанных с бытом каракалпакской

¹⁴⁷ Курбанова З.И. Женщины-богатырши каракалпакских сказаний // Тамаддун нури. 2015. № 2. С. 12-14.

¹⁴⁸ Жданко Т.А. Каракалпакская эпическая поэма «Кырк кыз», как историко-этнографический источник // КСИЭ. М., 1958. Вып. XXX. С. 110-120.

¹⁴⁹ Морозова А.С. К вопросу о происхождении сюжета каракалпакской поэмы «Кырк кыз» // ТНИ Таджикской ССР. ТСХХ. Сталинабад, 1960. С. 133-137; ее же: Следы древних форм семьи у каракалпаков // Труды ТашГУ. Т.V. Вып. 172. Археология Средней Азии. Ташкент, 1960. С. 118-123.

¹⁵⁰ Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.

семьи и реликтами древних верований. Значительное место в плане полевых исследований в связи с подготовкой историко-этнографического атласа Средней Азии занимала материальная культура – изучение жилищ, ремесел, народного костюма, прикладного искусства. Работавшие в составе отряда сотрудники Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института Академии наук Узбекистана занимались, главным образом, сбором устного исторического фольклора. Работники нукусского и самаркандского музеев присоединились к отряду с целью приобретения для музеев коллекций каракалпакской утвари, одежды и предметов народного прикладного искусства»¹⁵¹.

Данные, полученные в результате опросов, показали устойчивость экзотами, повсеместное сохранение архаичной номенклатуры родства, широкое бытование обычая «избегания» – запрета женщинам называть по имени мужа и родственников по его линии. Было зафиксировано несколько случаев левирата с характерной для него разницей в возрасте супругов, когда вдова, после смерти мужа ставшая женой его младшего брата, оказывалась значительно старше последнего. Выявлены случаи усыновления – так называемого *етекке салган* (букв. положенный в подол). В одном из таких случаев отцу, не имеющему сыновей, дочь передала на воспитание своего сына-первенца. В другом, ребенок был передан братом другому брату, не имевшему детей. Ребенок по этому обычаю причисляется к роду усыновившего и называет его отцом¹⁵².

Собран значительный материал по жилищу Муйнакского района, который отличался своеобразным типом камышовой архитектуры. Все – фундамент, стены, двускатные крыши домов – делаются из камыша. Каркас стен делают из дерева, а все заполнение – из высоких, плотных, хорошо пригоняемых друг к другу камышовых снопов; затем стены обмазывают внутри и снаружи глиной и белят.

На основе собранного материала участники отряда опровергают необоснованные свидетельства некоторых авторов XIX в., утверждавших, что ремесло у каракалпаков находится на низком уровне развития, и отмечают давность бытования многих ремесел. Об этом свидетельствуют не только собранные предметы ремесла, отличающиеся своеобразием и природным вкусом, но и сообщения информаторов. Так, приводится рассказ одного из кузнецов, сообщившего, что этим ремеслом занимались 18 поколений его предков. Приведены сведения по деревообделочному ремеслу и их мастерам; также собраны материалы по убранству жилища, одежде, традиционной вышивке, реликты древних верований, связанные с культурами различных животных¹⁵³.

151 Жданко Т.А. Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 году // Материалы Хорезмской Экспедиции (далее МХЭ). Вып. I. М., 1959. С.190.

152 Жданко Т.А. Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 году // МХЭ. Вып. I. М., 1959. С.197-198.

153 Жданко Т.А. Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 году. С.190-208.

Обобщением сведений по этнографии каракалпаков явились «Очерки общей этнографии», где помимо данных о численности населения Каракалпакии, даны исторические сведения о каракалпакском народе, его общественном строе, подвергнуты анализу основные занятия, описана материальная культура.

В работе также рассмотрены семейный и общественный быт, обряды, верования, народные праздники, состояние здравоохранения Каракалпакии, народного образования и науки, литературы и искусства, деятельность народных сказителей и певцов, печать, театр, изобразительное искусство XX в.¹⁵⁴

В 1957 г. Каракалпакским этнографическим отрядом ХАЭЭ были проведены повторные исследования в Кегейлийском, Муйнакском, Кунградском районах. Велось составление схематической карты расселения родоплеменных групп и системы их водопользования в XIX – начале XX вв. В результате этих исследований были обнаружены новые материалы, показавшие смежность расселения некоторых родоплеменных групп (*кенегес* и *мангыт*), сопровождавшуюся в некоторых случаях совместной хозяйственной деятельностью¹⁵⁵.

Аналізу подверглись брачно-семейные отношения между *кенегес* и *мангыт*. Преобладание браков между ними, как отмечает Т.А. Жданко, еще раз подтверждает традиционную историческую близость и дает возможность высказать предположение о причинах близости: видимо, основой «парного» объединения *кенегес* – *мангыт* являются реликты обычая предпочтительных браков между ними¹⁵⁶.

Ведущим моментом во всех исследованиях Т.А. Жданко являлась проблема этногенеза, в изучении которого она считает необходимым применение комплексного подхода. Критический анализ опубликованной литературы по данной проблеме дан в ее статье «Проблемы этногенеза каракалпаков». Соглашаясь с мнением П.П. Иванова, Т.А. Жданко отмечает методологическую неправомерность попыток решения вопроса о происхождении каракалпаков на основании только формального сходства семантики этнонимов. Чрезмерная упрощенность толкования этого вопроса сказывается также в стремлении связать каракалпаков лишь с одним из средневековых народов в спорах о том, кто именно был предком – *печенеги*, *половцы* или *ногаи*. При этом авторы не всегда учитывали, что одни и те же этнографические группы нередко входили в различные, сменяющие друг друга на протяжении истории политические объединения степных племен – родоплеменные союзы, феодальные «орды», «ханства» и т.д.¹⁵⁷.

Весомым вкладом Т.А. Жданко в этнографическое изучение каракалпаков стала подготовка программы по написанию историко-этнографического атласа

¹⁵⁴ Жданко Т.А. Очерки общей этнографии // Народы Средней Азии и Казахстана. Т.1. Народы мира. М., 1950. С. 157-274.

¹⁵⁵ Жданко Т.А. Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1957 году //МХЭ. Вып.4. М., 1960. С. 147.

¹⁵⁶ Жданко Т.А. Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1957 году. С. 155.

¹⁵⁷ Жданко Т.А. Проблема этногенеза каракалпаков // КСИЭ. Вып. XXXVI. М., 1961. С. 3-11.

Средней Азии и Казахстана. В работе она подводит итоги деятельности Каракалпакского этнографического отряда в 1945–1959, 1966, 1969, 1974 гг., уделив особое внимание деятельности отряда в последние годы¹⁵⁸.

Полевые материалы, собранные отрядом, дополняют этнографический облик каракалпаков. Помимо перечисленных выше проблем изучались легендарная генеалогия, народные предания, народные знания. Исследованию проблемы происхождения каракалпаков и генезису их своеобразного скотоводческо-земледельческого этнографического облика послужили материалы, реконструирующие их хозяйственный уклад, традиционную материальную и духовную культуру¹⁵⁹.

Изучая традиционные типы хозяйства каракалпаков, Т.А. Жданко в своих научных трудах доказывает ошибочность преувеличения отсталости экономического и культурного развития племен северной степной периферии Хорезмского оазиса, прославившихся своей древней и высокой цивилизацией. Жившие в прилегающих к оазису степях, дельтах и на приморье земледельцы-скотоводы и рыболовы обладали многовековыми хозяйственно-культурными традициями и опытом освоения пустынных земель. В позднефеодальную эпоху они имели свои особенности в образе жизни. На основе полевых этнографических материалов Т.А. Жданко выявляет различие хозяйственных традиций у двух основных подразделений каракалпаков арысов *конырат* и *он торт уру*¹⁶⁰.

Нужно отметить, что Т.А. Жданко стала одним из первых ученых, отвергавших идею деления народов Средней Азии и Казахстана, в том числе каракалпаков, лишь на «чистых» кочевников и земледельцев. Она констатирует, что новейшие исследования все более выявляют значительный удельный вес и историческую роль населения, сочетавшего в своем хозяйстве в разных соотношениях земледелие и скотоводство, элементы кочевой и оседлой культуры. Не всегда и далеко не обязательно скотоводы степей и пустынь и земледельцы соседних географических областей были этнически различным населением – на протяжении всей истории в составе одной и той же, преимущественно кочевой народности или племенного объединения, какая то часть его была полукочевой и даже оседлой, а в составе оседлых народов очень часто имелись и полукочевые группы. Это положение распространяется в равной мере как на древнее население Средней Азии и Казахстана (скифы и саки, сарматы, древние тюрки

158 Жданко Т.А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в историко-этнографическом атласе // Хозяйственные и культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М. С. 6-12.

159 Жданко Т.А. Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1980. С. 21-41.

160 Жданко Т.А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуоседлых скотоводов – земледельцев – рыболовов дельтовых областей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 148-153.

и т. д.), так и на средневековое (огузы, печенеги, кипчаки), а также и на современные народы¹⁶¹.

Каждый участник Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции вел научные изыскания по определенной проблеме этнографии народов Южного Приаралья.

Б.В. Андрианов занимался изучением этнической территории каракалпаков. Изучив архивные, литературные и полевые материалы, он публикует статью «Ак-джагыз», посвященную поискам местности, упоминаемой в хивинских хрониках под названием «Ак якыш». По мнению Андрианова, урочище Ак-джагыз, расположенное в Тахтакупырском районе, возникло в результате переселения Сырдарьинских каракалпаков в низовья Амударьи. Это передвижение в Хорезм было заключительным этапом в истории переселения каракалпакского народа — оно было возвращением в страну, с которой современные исследователи связывают историю древнейших предков каракалпаков. Б.В. Андрианов анализирует типы хозяйства, образ жизни местного населения, административное устройство, поселения, ирригационную систему. Им составлена карта каракалпакских владений в середине XVIII в., поселений в восточном бассейне дельты Амударьи (начало XIX в.), план местности Ак-джагыз, где располагалась крепость Айдос-кала¹⁶² (Рис. 9).

В 1958 году Б.В. Андрианов публикует работу «Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII–XIX вв.)». В ней он сформулировал принцип, согласно которому, в формировании народа основным маркером являются этнические границы. На основе принципов совместного переселения и расселения, одноименных этнонимов каракалпаков и узбеков (*канжигали, ашамайлы, багали, канглы, кият*) он приходит к мнению о единстве этногенеза, этнического состава и традиционной бытовой культуры этих народов, возникших на основе территориального единства и сходных типов хозяйства¹⁶³.

Монография этого же исследователя «Древние оросительные системы Приаралья» посвящена истории ирригации и земледелия южного Приаралья. Работа представляет собой обобщенный труд и является одним из важных источников по изучению истории культуры народов южного Приаралья, в том числе каракалпаков¹⁶⁴. В работе проведена классификация форм земледелия и основных типов развития ирригационной системы и земледелия. Говоря о народах южного Приаралья, отмечено, что обитатели земледельческих оазисов — узбеки, таджики, туркмены, каракалпаки и другие — унаследовали от своих предков богатейший

161 Жданко Т.А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы) // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 274-281.

162 Андрианов Б.В. Ак -джагыз (к истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовье Амударьи) // ТХАЭЭ. Т.I. М., 1952. С. 572.

163 Андрианов Б.В. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII-XIX вв.) // ТХАЭЭ, Т.III. М., 1958. С. 45-52.

164 Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

опыт неорошаемого и орошаемого земледелия, строительства мощных оросительных систем, головных, распределительных и водоподъемных сооружений, разнообразные способы орошения полей и т.п. Земледельцы выработали целый ряд методов восстановления плодородия почв и агротехнических приемов по улучшению их физических и химических свойств: мелиорацию пескованием, разрушение такырной корочки, удобрение илстыми наносами оросительных вод и др. Ученый показал, как на развитие орошаемого земледелия влияют местные географические условия и водные ресурсы¹⁶⁵.

Б.В. Андрианов внес значительный вклад в разработку метода картографирования этнических и культурных явлений. Говоря о значении этого метода, он отмечает, что с одной стороны, это попытка решить проблемы учета и организации обширнейшей информации, с другой, выявить в многообразии явлений обобщающие закономерности. Отмечая важность картографирования в специальных этнографических исследованиях, он акцентирует внимание на том, что особенности этнической географии Средней Азии и Казахстана не ограничиваются наличием смешанных в национальном отношении районов. Этническая история среднеазиатских народов богата многочисленными переселениями и передвижениями больших групп населения, смещениями различных племен и народностей. Основные народности этого района сложились около тысячи лет назад. В процессе этногенеза многие народы древности и раннего средневековья вошли в состав крупных народов – узбеков, таджиков, туркмен, казахов, киргизов и каракалпаков. До начала XX в. они сохранили известную культурную обособленность и прежние этнические названия, образуя многочисленные родоплеменные, этнографические группы¹⁶⁶.

Одной из последних работ Б.В. Андрианова стала статья, посвященная народным традициям природопользования, суть которой сводится к тому, что немаловажной причиной экологических кризисов стало забвение знаний и народного сельскохозяйственного опыта, которые представляли важнейшую часть всей системы культуры¹⁶⁷.

В планы работы отряда входило изучение духовной культуры. В 1949 г. Ю.В. Кнорозов опубликовал новаторскую для своего времени статью «Мазар Шамун-Наби», в которую вошли данные, собранные автором во время полевых работ и отражающие историю духовной культуры местного населения. Автор принял попытку интерпретировать легенду об одном из святых с учетом всего комплекса данных по его культуре. Были проанализированы культовые сооруже-

165 Андрианов Б.В. К вопросу о классификации форм орошаемого земледелия в Средней Азии // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. С. 9-15.

166 Андрианов Б.В. Вопросы картографирования этнических и культурных явлений в историко-этнографическом атласе народов Средней Азии и Казахстана // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С. 63-67.

167 Андрианов Б.В. Народные традиции природопользования и экологические кризисы // Прирараль в древности и средневековье. М., 1998. С.60-73.

ния комплекса Миздахкан, расположенного на холме недалеко от Ходжейли, в центральной части которого возвышается курганообразный бугор Джумарт-Кассаб, а также народные легенды, связанные с комплексом. Из нескольких вариантов легенд о сооружении мавзолея Шамун-наби Ю.В. Кнорозов считает наиболее реалистичной версию постройки мавзолея человеком, который, желая избавиться от падежа скота, в течение семи лет семикратно обводил скот вокруг могилы святого. Этому мазару поклонялась немалая часть местного населения. Особенно часто обращались к святому бесплодные женщины. Ритуал паломничества включал в себя обходы вокруг мазара и скатывание под руководством порхана по каменистому склону бугра Джумарт-Кассаб. Имеются свидетельства, что прежде бугор использовали для предотвращения падежа скота, вокруг него прогоняли скот¹⁶⁸.

Джумарт-Кассаб – еще один почитаемый объект комплекса. Существует легенда, что под бугром скрыт подземный мавзолей, еще более красивый, чем Мазлумхан-Сулу, в котором похоронен некий благочестивый мясник Джумарт, бесплатно раздававший беднякам мясо. В одной из своих последних работ Ю.В. Кнорозов дает подробное описание зикра, связанного с культовым сооружением Мазлумхан-Сулу, расположенным недалеко от Джумарт-Кассаб¹⁶⁹.

На основе анализа легенд, мифов и письменных источников Ю.В. Кнорозов приходит к выводу, что до построения мазара Шамун-наби на кладбище уже имелось почитаемое святилище Джумарт-Кассаб, функции которого перешли на вновь построенный мавзолей¹⁷⁰.

Интерпретируя название мазара Шамун-наби, Ю.В. Кнорозов связывает его с библейским рассказом о Самсоне – об этом свидетельствует само имя святого. Интерпретируя название Джумарт-Кассаб, ученый пишет, что в зороастрийской космогонии Гайомард – предок всех людей, сотворенный Ахура-маздой. По Авесте Гайа Маретан – предок народов «арья», и являвшийся также покровителем орошения, первый праведник, последовавший установлениям Ахура-мазды¹⁷¹. Таким образом, в работе Ю. Кнорозова была установлена связь верований современного населения оазиса с зороастрийской традицией.

Н.П. Лобачева сосредоточила свои интересы на изучении вопросов, как материальной, так и духовной культуры, в частности, одежды и семейно-бытовой обрядности. Свои научные исследования она начала еще в студенческие годы, в 1945–1947 гг. (Рис. 10).

168 Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун наби (некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // СЭ. 1949. №2. С. 88.

169 Кнорозов Ю.В. Шаманский зикр в подземелье Мазлумхан сулу // ЭО. 1994. № 6. С. 91-96.

170 Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун наби (некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса). С. 90.

171 Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун наби (некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса). С. 97.

Большая часть работ Н.П. Лобачевой посвящена традиционной одежде. В своих исследованиях она обращается к изучению одежды конца XIX – начала XX вв., в связи с тем, что этот период стал для среднеазиатско-казахстанского региона временем больших политических и социально-экономических перемен, косвенно отразившихся и на традиционной одежде. Это время включения Средней Азии и Казахстана в сферу экономического и политического влияния России, что расширило возможности торговых связей. Приток фабричных товаров из России в этот период сказывался на ассортименте тканей, применявшихся для одежды, на цветовом решении костюма, на характере отделки и даже на покрое.

Н.П. Лобачева отмечает, что в формировании костюма народов региона большую роль играли сложные этнические процессы, протекавшие на его территории и оказавшие определенное влияние на общее развитие культуры.

Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана начала XX в. имеет много общих черт, но не лишена при этом индивидуальных особенностей. Анализируя такие элементы *женского* костюма, как *көк көйлек*, *қызыл киймешек*, *ақ киймешек*, *қызыл жегде*, *ақ жегде*, Н.П. Лобачева приходит к выводу о том, что изучение развития покроя, смены тканей и их цветовой гаммы, сменявших друг друга технических приемов вышивки, вытеснения вышивки отделкой из тканей и т.п. актуально для изучения истории одежды народов всего среднеазиатско-казахстанского региона в плане разрешения этнических проблем регионального масштаба, выявления широких этнокультурных связей¹⁷².

Специальная работа Н.П. Лобачевой посвящена каракалпакским головным накидкам. В ней анализируются покроя, орнамент, приводятся аналогии с соседними народами. Судя по приведенным данным, *жегде* у каракалпаков имел прототип в наплечной одежде под тем же наименованием. Дается подробное описание *жегде*, половозрастные различия, связанные с ее ношением. *Жипек жегде* из кустарной местной полушелковой ткани бордово-красного цвета в белую полосу или из лощеной *алаша* в узкую бордово-синюю полосу являлись принадлежностью костюма молодых женщин. Их могли носить и девушки. *Бике жегде* из белой в узкую красную полосу ткани входил в состав костюма женщин средних лет и пожилого возраста. Этот вид *жегде* был распространен, видимо не во всех районах расселения каракалпаков. *Шири жегде* так же носили женщины в возрасте 30–40 лет. *Ақ жегде* из белой дмотканины начинали носить с 40-летнего возраста. *Жегде* глубоких старух вышивкой обычно не покрывалось¹⁷³. Попыткой дополнения описания *ақ жегде* из фондов ГМИ РК им. И.В. Савицкого стала статья региональных этнографов¹⁷⁴.

172 Лобачева Н.П. Из истории каракалпакского женского костюма (к проблемам историко-этнографического ат-ласа Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1984. №4. С.27-28.

173 Лобачева Н.П. Каракалпакские головные накидки // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 169-181.

174 Курбанов З.И., Давлетияров М.М. Каракалпакский ак жегде // Вопросы истории и археологии

Необходимо отметить, что, несмотря на большое количество публикаций, посвященных традиционной одежде, народный костюм не был рассмотрен в полном комплексе. Многие виды детской одежды не были отражены ни в работах Н. Лобачевой, ни в более поздних публикациях других авторов. Остались незатронутыми вопросы типологизации всего комплекса традиционного костюма, обычаи и обряды, связанные с ношением разных элементов костюма, виды ритуальной одежды и многое другое.

В сфере интересов Н.П. Лобачевой также входил свадебный церемониал народов Средней Азии и Казахстана, в котором отмечается сходство обрядовых комплексов народов Средней Азии и Казахстана, в том числе каракалпаков¹⁷⁵.

Плодотворно работала в составе Каракалпакского этнографического отряда Л.С. Толстова. Всю свою жизнь она посвятила изучению этнографии каракалпаков, проживающих как на территории республики, так и за ее пределами. Ею опубликован ряд монографий и статей по данной тематике (Рис. 11).

Свои исследования она начинает с почти не изученной темы – этнической истории локальных групп каракалпаков, живущих за пределами своей республики, главным образом в Узбекистане и соседних с ним регионах. Изучение в 1953 и 1954 гг. ферганской группы каракалпаков привело к публикации монографии «Каракалпаки Ферганской долины (Историко-этнографический очерк)». В исследовании отмечено, что каракалпаки живут в Хорезмской, Ферганской, Наманганской, Андижанской, Бухарской, Самаркандской и Ташкентской областях Узбекистана, Ташаузской области Туркменистана и Западно-Казахстанской области Казахстана. Каракалпаки Ферганской долины являются одной из наиболее многочисленных групп, проживающих за пределами Хорезмского оазиса. Живут они во всех трех областях долины, Андижанской, Наманганской и Ферганской, расселяясь почти исключительно вдоль рек Сырдарьи и Карадарьи.

Нужно отметить, что данная проблема представляет большой интерес для историков, этнографов и антропологов, так как история каракалпакского народа не будет полной без глубокого знания исторических судеб представителей его малых групп.

В работе анализируются переселение каракалпаков в Ферганскую долину, общественные отношения, материальная и духовная культура, семейные отношения, а также изменения, произошедшие в годы советской власти. На основе этого анализа Л.С. Толстова приходит к выводу о том, что ферганские каракалпаки являются полноправной частью каракалпакского народа, который был разделен на «нижних» и «верхних», а в XVIII в., в результате бурных исторических событий, первые были переселены в Хорезмский оазис, а вторые – в Ферганскую долину. Проживая в узбекском окружении, каракалпаки Ферганы, безус-

западного Казахстана. 2013. № 2. С.34.

175 Лобачева Н.П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана. // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 298-333.

ловно, подвергались влиянию со стороны узбеков, восприняв многие особенности их языка и материальной культуры¹⁷⁶.

Результатом исследования жизни каракалпаков, живущих в Самаркандской и Бухарской областях, явилась монография «Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса». Данная работа представляет собой весомый вклад в изучение этнокультурных процессов, происходящих в среде малых национальных групп, в разное время оторвавшихся от основного массива своего этноса и обитающих в иноэтничном окружении на территории других государственных образований.

Следующая ее статья стала итогом этнографического изучения каракалпаков Самаркандской области на среднем Заравшане, в районе расселения этнографической группы «митан». В работе охвачены практически все сферы материальной и духовной культуры группы: вопросы национального самосознания и этнической принадлежности, родоплеменное деление, исторический фольклор, современное хозяйство, общественные отношения в прошлом, семейные отношения и др.¹⁷⁷.

Со второй половины 1970-х годов основной ее исследовательской темой становится этнокультурная связь народов Арало-Каспийского региона. Лада Сергеевна опубликовала ряд интересных работ об исследовании исторического фольклора и ономастики, как источника при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов Средней Азии¹⁷⁸.

В составе каракалпацкого этнографического отряда работали также аспиранты из Каракалпастана С.К. Камалов, Р.К. Косбергенов, У. Шалекенов, занимавшиеся различными проблемами этнографии каракалпаков. Собранные ими сведения были дополнены архивными материалами, и на их основе защищены кандидатские диссертации (Рис.12-13).

В исследованиях Р. Косбергенова¹⁷⁹ и С. Камалова¹⁸⁰ основное внимание отводится характеристике каракалпацкого хозяйства (земледелия, орошения, скотоводства, рыболовства, промыслов) как в период жизни каракалпаков на Сырдарье, так и во времена Хивинского ханства. Речь в них идет об общем характере хозяйства, об основных сельскохозяйственных культурах, орудиях и приемах земледелия, состоянии ирригационной сети и способах орошения,

176 Толстова Л.С. Каракалпаки Ферганской долины. (Историко-этнографический очерк). Нукус, 1959. С. 17.

177 Толстова Л.С. Этнографическая группа «митан» в составе узбеков Самаркандской области (к вопросу этно-генеза) // Вестник КК ФАН УзССР. 1966. №4. С. 54-59.

178 Толстова Л.С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов (на среднеазиатском материале) // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 6-22 и др.

179 Косбергенов Р. Положение каракалпацкого населения в Хивинском ханстве в конце XIX – начале XX вв. // ТХАЭЭ. Т. III. М. 1958. С. 207-268.

180 Камалов С.К. Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в. // ТХАЭЭ. Т. III. М., 1958. С. 133-206

составе стада и его содержании, орудиях и способах рыбной ловли, а также приводится целый ряд национальных хозяйственных терминов.

Интересные сведения, касающиеся хозяйства каракалпаков в прошлом и настоящем, а также их материальной культуры, содержатся в работе У. Шалекенова¹⁸¹, где в главе, посвященной хозяйственной жизни этого народа, достаточно подробно охарактеризовано традиционное земледелие каракалпаков Чимбайского района: сельскохозяйственные культуры – их соотношение в хозяйстве, способ возделывания каждой из них; используемые в хозяйстве земледельческие орудия; ирригационная сеть, в том числе способы регулирования воды, очистка ирригационной сети и водоподъемные сооружения; определенное внимание уделено скотоводству.

В 1970 году, в результате анализа археологических данных Р.Л. Садоковым готовится работа, посвященная музыкальной культуре Хорезма. В ней исследуются отдельные аспекты музыкальной культуры древнего Хорезма, памятникам изобразительного искусства, обнаруженным Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Археологические источники, использованные в работе, четырех типов: гончарный рельеф из Кой-Крылган кала, терракотовые статуэтки музыкантов (найлены в различных местах Правобережного и Левобережного Хорезма с IV-III вв. до н.э. по I в.н.э.), росписи дворца Топрак-кала (III в. н.э.) и, наконец, Анниковское серебряное блюдо, найденное в 1909 г. за пределами Хорезма. Большое место в этих памятниках занимают изображения музыкальных инструментов.

В монографии иллюстрируются древние и современные музыкальные инструменты, анализируется их происхождение и функции. «Музыкальные инструменты – это орудия, посредством которых проявляется соответствующее какому-либо этапу в развитии человеческого общества музыкальное мышление. С развитием общества и соответственно уровню духовной культуры эволюционируют и музыкальные инструменты», – пишет Садоков¹⁸².

В составе ХАЭЭ находились и антропологи, которые занимались исследованием антропологического типа каракалпаков. В 1930-е годы были проведены антропологические измерения около 300 амударьинских каракалпаков Чимбайского района. В результате этих исследований был сделан вывод о том, что чимбайцы при наличии монголоидной основы имеют примесь европеоидного типа, т.е. они являются носителями смешанного европеоидно-монголоидного типа¹⁸³.

Антрополог К.Р. Рысназаров, изучая в 1963 г. антропологический тип каракалпаков, исследовал семь этнических групп: узбеки без родовых делений, узбеки с родовыми делениями, туркмены, каракалпаки ходжа, казахи муйнакские, казахи южных и центральных районов и пять основных территориальных групп – Турткульского, Ходжейлийского, Кегейлийского, Чимбайского и Муйнакского райо-

¹⁸¹ Шалекенов У. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района // ТХАЭЭ. Т. III. М., 1958. С. 269-370.

¹⁸² Садоков Р.Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М. 1970. С. 70.

¹⁸³ Ярхо А.И. Антропологический тип каракалпаков // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С. 558-609.

нов. В выводах своей работы он подтвердил высказанное ранее мнение ученых о том, что каракалпаки относятся к смешанному европеоидно-монголоидному типу¹⁸⁴.

Таким образом нужно отметить, что Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской археологической экспедиции собраны богатые полевые, этнографические, фондовые и литературные материалы почти по всем ключевым вопросам этнографии народов Южного Приаралья, в том числе каракалпаков. Эти данные затрагивают проблемы этногенеза, этнического состава, типов хозяйства; жилище, одежду, пищу, ремесла, промыслы, сведения о семье, семейно-бытовой обрядности, религии, верованиях и т.д.

Узбекские этнографические отряды

Большой вклад в этнографические изыскания Хорезмской экспедиции внесли отряды, изучавшие узбеков Хорезмского оазиса. Задачи, стоявшие перед этими отрядами, определялись в соответствии с этнографическими особенностями двух больших групп, выделяющихся в составе узбекского населения Хорезма.

Узбеки низовой Амударьи, составляющие большую часть населения Хорезмской области Узбекистана, около трети населения Каракалпакстана и значительную часть жителей Северного Туркменистана, неоднородны по происхождению и этнографическому облику. В этнографической науке их принято было разделять на северных и южных.

Северные узбеки, называемые «дештикипчакскими», наиболее близки к каракалпакам и казахам. Они сохранили память о своей родоплеменной принадлежности и представляют собой потомков тюркоязычных кочевых и полукочевых племен, входивших в узбекский союз, образовавшийся в Приаралье и на Нижней Сырдарье.

Начальником североузбекского отряда была назначена Клавдия Леонтьевна Задыхина. Работы отряда проводились главным образом на территории Каракалпакстана в Кунградском, Ходжейлийском и Шуманайском районах, а также в Кипчакском районе (в 1952 г. этот район был объединен с Мангитским и вошел в состав Амударьинского района Каракалпакстана) в 1946, 1947, 1948 и 1952 гг.

В «Трудах» Хорезмской экспедиции были опубликованы составленные К.Л. Задыхиной в процессе опроса населения две детальные этнические карты – Кунградского и Кипчакского районов, на которых обозначены места расселения наиболее крупных и компактных племенных и родовых групп узбеков (главным образом *конгратов* и *кипчаков*), а также соседних с ними народов – казахов, каракалпаков, туркмен и др.¹⁸⁵

Сведения, записанные отрядом, содержали важную информацию о родах и племенах, предания о происхождении отдельных родов и о времени их прихода

184 Рысназаров Н.Р. Антропологический состав каракалпаков в связи с вопросами этногенеза каракалпакского народа // АҚД... канд. биолог. наук. Нукус, 1972.

185 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С. 339, 340.

в Хорезме. Эта информация сыграла важную роль в выяснении истории формирования узбекского населения Хорезма. Учитывая различные исторические источники, в том числе сообщения русских и среднеазиатских источников XVIII – XIX вв., К.Л. Задыхина выявила наиболее исторически значимые племенные группы узбеков Хорезма в XVI – начале XVII в.: *уйгур*, *найман* и *дурмен*, являвшиеся опорой хана Ильбарса. В последующие века главную роль играют *конграты*, *кипчаки*, *мангыты*, *канглы* и другие племена¹⁸⁶. Был обоснован и вывод о том, что одни из них, например *конграты*, частично обитали в Хорезме и до прихода в низовья Амударьи дештикипчацких узбеков, а другие, к примеру, *канглы*, *кипчаки*, и до монгольского завоевания¹⁸⁷.

Сопоставление родоплеменных этнонимов северных узбеков с этнонимами других народов Приаралья, сделанные К.Л. Задыхиной, проливали свет на некоторые особенности этногенеза. Значительное число этнонимов у северных узбеков воспроизводило названия средневековых племен и народов. При анализе этнонимов явственно выступили связи этногенеза северных узбеков Хорезма, прежде всего с каракалпаками и казахами, а также с ногайцами¹⁸⁸.

Еще один аспект изучения североузбекских родоплеменных этнонимов был связан с анализом родоплеменной структуры – характера ее разветвления на звенья и их соотношения, при котором наблюдается преобладание четного членения и попарные связи многих родов. К.Л. Задыхина проследила эту традицию и обнаружила у узбеков Хорезма «парность» многих родовых групп и отношений свойства между ними. Весьма вероятно, – пишет она, что с этой монгольской (или тюрко-монгольской) традицией, отмеченной в XI–XIII вв., было связано и разделение в XVII в. в Хорезме Абулгази – ханом узбеков на четыре тупэ – по два рода в каждом. Столь же архаична парная связь между кипчацкими родами *канглы* и *канжигалы*, до недавних пор сохранявших у хорезмских узбеков взаимоотношения «сватов». По мнению К.Л. Задыхиной, брачные отношения между ними «могут рассматриваться как фратриальные пережитки существовавшего когда-то обязательного брака между этими родами»¹⁸⁹.

Соглашаясь с Т.А. Жданко, которая выявила аналогичное членение и парные роды в родоплеменной структуре каракалпаков, К.Л. Задыхина полагает, что это можно объяснить перенесением на попарно объединяемые племена и роды некоторых древних фратриальных традиций. В собранных отрядом материалах говорится, что и *кияты*, и *конграты* издавна соблюдали обычаи взаимных браков, которые могут рассматриваться как фратриальные реликты существовавшего когда-то обязательного брака между этими родами¹⁹⁰.

186 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. С. 322-329; ее же: Культура и быт узбеков Кипчацкого района Каракалпакской АССР // ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958. С. 763-764.

187 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. С. 326.

188 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. С. 336, 242.

189 Задыхина К.Л. Культура и быт узбеков Кипчацкого района Каракалпакской АССР. С. 771.

190 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. С. 339.

Во время работы отряда было собрано большое количество преданий об истории племен и родов и их переселении, обогащенных деталями сведений об этнической истории узбеков.

Подытоживая исследования собранных отрядом преданий о переселении узбеков в Хорезм, К.Л. Задыхина пришла к важному выводу: переселение не было единовременной миграцией, вызванной лишь завоеваниями узбекских ханов Шейбани и Ильбарса; отдельные группы дештикипчацких племен приходили из степи как до начала XVI в., так и после. Заселив Хорезм, узбеки, согласно народным преданиям и воспоминаниям, продолжали поддерживать связь с Дешти-Кипчаком, откуда шел постоянный приток новых групп, присоединявшихся к ранее прибывшим сородичам. Истоки этих связей уходят в глубь веков — в этом убеждают итоги археологических раскопок, проведенных Хорезмской экспедицией в районах прежнего обитания степных племен. Было исследовано множество великолепных исторических памятников — эпохи бронзы, сакских племен джетыасарской культуры, огузских и др., свидетельствующие о связях древних и средневековых степных племен с земледельческими оазисами, в первую очередь с Хорезмом¹⁹¹.

Большое количество преданий и воспоминаний стариков дает возможность проследить процесс перехода к оседлости их предков — скотоводов, ставших жителями земледельческого оазиса. Происходила постепенная адаптация степняков к новым экологическим условиям и к окружающей этнической среде. У сартов они перенимали опыт оросительных работ, возделывания разнообразных сельскохозяйственных культур, начали строить оседлые жилища. Особенно наглядно исследовательница проследила процесс перехода к оседлости на материалах по бытованию у узбеков юрты в качестве традиционного жилища. Ко времени работы отряда у узбеков Хорезмской области юрта уже исчезла, но часто встречалась на севере, особенно в Кунградском районе. К.Л. Задыхина в 1952 году писала, что там «до настоящего времени почти в каждом хозяйстве имеется юрта, стоящая либо в открытом айване, либо на площадке перед домом, либо в саду, на огороде»¹⁹².

Большое место участники отряда уделяли изучению семьи, обычаев и обрядности северных узбеков. Был собран обширный материал по сохранявшемуся у северных узбеков древнему обычаю возрастного деления и недавно еще бытовавшей традиции мужских собраний «зиафат», их церемониал¹⁹³.

В научных статьях и отчетах К.Л. Задыхиной впервые представлена разносторонняя этнографическая характеристика этой крупной, не изученной ранее, своеобразной этнографической группы узбекского народа со всеми сохранившимися традициями и трансформациями, происшедшими в ее культуре и быту к 1940-м годам.

191 Итина М.А. От редактора // Кочевники на границах Хорезма // ТХАЭЭ. М. Т. XI. 1979. С. 5.

192 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. С. 353-359.

193 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. С. 391-397.

Ю.В. Кнорзов, будучи в 1947 г. студентом-практикантом, принимал участие в изучении религиозных представлений (Рис. 14). Им были сделаны ценные записи у нескольких порханов о местных формах камлания *ойна* (букв. игра), или зикр.

Собирались сведения по современному быту; в частности, специальные исследования по этой теме велись в Кунградском, Кипчакском и других районах.

Происхождение и этническая история южной группы нынешних узбеков Хорезма, называвшихся в прошлом сартами, были совершенно иными¹⁹⁴. Занимая центральные и южные районы Хорезмского оазиса, они являлись аборигенами, потомками древних хорезмийцев, создателей древнехорезмийской цивилизации. У них отсутствовало родоплеменное деление; исконно оседлые жители оазиса, они унаследовали от своих предков многовековой опыт орошаемого земледелия, традиции городской жизни, занятия ремеслами и торговлей.

Начальником южноузбекского отряда была Мария Васильевна Сазонова. Этот отряд работал в период 1946–1949 г. Основными районами его полевых исследований в Хорезмской области Узбекистана были Ханкинский, Хивинский, Хазараспский и Кошкуньский; в один из сезонов было проведено также обследование в Турткульском и Шабазском (ныне Берунийском) районах Каракалпакии, где преобладало узбекское население.

Одной из первоочередных задач отряда было выяснение современного расселения южных узбеков. В дополнение к общим данным переписи населения 1926 г. и последующих статистических обследований Хорезмской области, не учитывающих этнографические группы узбеков, отряд во время своих маршрутов собрал необходимый материал для подробной этнической карты этого региона. Так, на опубликованной ее части (карта Ханкинского района) обозначены узбеки без родоплеменного деления, узбеки, сохранившие в памяти это деление, а также казахи и «обузбеченные» потомки иранцев¹⁹⁵.

На протяжении 1946–1949 гг. Южноузбекским отрядом ХАЭЭ собирались полевые историко-этнографические материалы по ирригации и земледелию южных узбеков¹⁹⁶. Исследования в этой области были продолжены в 1971 г. Среднеазиатской экспедицией в связи с подготовкой Историко-этнографического атласа, один из разделов которого был разработан М.В. Сазоновой. Обобщением сведений о традиционном хозяйстве населения Хивинского ханства

¹⁹⁴ Б. Х. Кармышева отмечает, что в прошлом «сартами» называли обычно всех оседлых узбеков, не имеющих родоплеменного деления, но самоназванием этот этноним был лишь у узбеков Ташкентского оазиса, Ферганской долины и Хорезма. В Южном Узбекистане (бывшей Восточной Бухаре) у оседлых узбеков преобладало самоназвание «чагатай». См.: Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным) М., 1976. С. 67.

¹⁹⁵ Этнографическая карта Ханкинского района // ТХАЭЭ. Т. I. С. 248.

¹⁹⁶ Сазонова М.В. К этнографии узбеков южного Хорезма (Полевые исследования южноузбекского этнографического отряда ХАЭЭ в 1946-1948 гг.) // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С.253-260.

стала ее монография, одним из достоинств которой стало использование значительного количества источников по ирригации, накопленных в трудах ученых, существенно обогащенных этнографическими материалами, содержащими многовековой опыт земледелия на основе сохранившихся до наших дней хозяйственно-культурных традиций¹⁹⁷.

Со слов опытных земледельцев описаны особенности планировки полей для полива различных сельскохозяйственных культур, о чигирном орошении, имевшем особое значение в условиях Хорезмского оазиса. Изучались сами чигири, их использование, разновидности, сведения об обычаях водопользования, о существовавших недавно «джабды» – общинах водопользователей, объединявших родственников и соседей¹⁹⁸.

Членами отряда записаны ряд преданий о строительстве важнейших древних каналов ханства, о времени проведения и прежних названиях современных каналов, о технике устройства плотин и дамб, а также рассказы стариков о самой тяжелой для жителей повинности – ежегодной очистке магистральных каналов.

Интересны сведения о календарных праздниках и обрядах, в том числе о хорезмской форме празднования Навруза, зафиксированы Н.П. Лобачевой. По ее мнению, праздник огня Охир чоршомба (Последняя среда), широко распространенный в Средней Азии и Иране, в своей древней форме кроме «очистительной» функции имел и другую – он был призван стимулировать приход солнечного тепла после зимы, способствовать возрождению природы¹⁹⁹.

Гончарство, художественная набойка и ювелирное производство более, чем другие ремесла, дают возможность сопоставления современных изделий с археологическим материалом. По мнению М.В. Сазоновой, в изделиях гончарных артелей проявляется многовековая традиция устойчивого соотношения формы, отделки и, видимо, назначения каждого вида сосуда²⁰⁰.

Всесторонне изучалось жилище южных узбеков, особенно характерные для Хорезма *хаули*, сохранившие средневековый облик крепости с высокими глинобитными стенами, охватывающими все постройки усадьбы, с ложными бойницами на фасаде и башенками, а также с единственным входом в виде высоких ворот. Несколько старинных больших *хаули*, уже полуразрушенных и нежилых, изучались при участии местных старожилов, пояснивших назначение и названия многочисленных помещений, смысл их традиционной планировки²⁰¹.

Прерванные в 1949 г. работы Хорезмской экспедиции среди южных узбеков были возобновлены в 1950-е годы, когда был организован новый узбекский

197 Сазонова М.В. Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. Л. 1978. С. 9-77.

198 Сазонова М.В. К этнографии узбеков южного Хорезма. С. 259, рис. 3; ее же: Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. С. 12-25, 38.

199 Лобачева Н.П. Огни Сафара в Хорезме (о забытых праздниках) // ЭО. 1995. № 5. С.24-36.

200 Сазонова М.В. К этнографии узбеков южного Хорезма. С. 267-273.

201 Сазонова М.В. К этнографии узбеков южного Хорезма. С. 282-301, рис. 14-16.

этнографический отряд, начальником которого стал Глеб Павлович Снесарев (рис. 15).

Под руководством Г.П. Снесарева узбекский этнографический отряд работал в периоды с 1954–1959, 1961, 1966 и 1968 гг. Исследования велись преимущественно в Хорезмской области Узбекистана – городах и районах Хивы, Хазараспа, Ханки и частично в соседней Северной Туркмении (г. Куня-Ургенч) и Каракалпакии (Беруни), в местах расселения коренного населения Хорезма – узбеков-сартов.

Изыскания самого Г.П. Снесарева сосредоточились, главным образом, в области духовной культуры. Он задался целью выявить реликты древних форм религии, господствовавших на территории Средней Азии до ее завоевания арабами. Были проанализированы истоки и функции культовых сооружений и мазаров, расположенных на территории Каракалпакстана и Хорезмской области Узбекистана. Изучены Шамун-наби и Джумарт-Кассаб, находящиеся в Ходжейлийском районе, Султан Ваис баба в Берунийском районе Каракалпакстана и другие, куда совершали паломничество верующие из Ташаузской области Туркменистана, Хорезмской области Узбекистана, из Каракалпакстана и других мест.

По мнению Г.П. Снесарева, среди хорезмских святых наибольший интерес представляет образ покровителя мясников Джумарта, который по своей выразительности не уступает Амбар-она, Султану Хубби. Согласно легенде, Джумарт был человеком очень богатым и отличался необыкновенной щедростью. Мы видим это в расшифровке его имени: «джумарт» – щедрый, «кассаб» – мясник. В другой легенде Г.П. Снесарев усматривает связь с иранской мифологией. Легенда гласит, что Хушам шах был отцом Джамшида. «Вряд ли можно сомневаться, – пишет он, – что под этим слегка искаженным именем фигурирует один из культурных героев иранской мифологии, основатель пишдадидской династии Хушенг»²⁰².

Г.П. Снесарев успел зафиксировать и обобщить множество исчезающих сведений по демонологии, магии, культуре плодородия и т.п. Научное значение его работы выходит далеко за рамки этнографии Хорезма и Средней Азии в целом. В этой книге приведен в систему огромный полевой материал, подвергшийся глубокому и разностороннему историческому и сравнительно-этнографическому анализу. Ученый отметил реликты зороастризма, наиболее устойчиво сохранившиеся в погребальных обрядах, показал, что эта религия оставила глубокий след в народной жизни. Многие сюжеты, лишь затронутые в монографии, Снесарев развил в более поздних статьях²⁰³.

Итогом полевых исследований в области агиологии стала книга Г.П. Снесарева «Хорезмские легенды, как источник по истории религиозных культов Сред-

²⁰² Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 292-297.

²⁰³ Снесарев Г.П. По следам Анахиты // СЭ. 1971. № 4. С. 153-165; его же: Три хорезмские легенды в свете демо-нологических представлений // СЭ. 1973. № 1. С. 48-59.

ней Азии»²⁰⁴. Легендарные биографии святых, почитавшихся в Хорезме, сопоставлены здесь с историческими данными с целью выяснения времени и причин утверждения их культа в оазисе. Выявлено несколько категорий святых; облик древнейшего из них перекликается с образами иранской мифологии и эпоса, с зороастрийскими персонажами; более поздняя группа представлена библейско-кораническими персонажами и суфийскими святыми.

Религиозные воззрения населения, в частности паломничество, интересовали и Н.П. Лобачеву. В одной из последних работ она дает описание ритуала, связанного с паломничеством на комплекс Султан Вайс баба. Основной целью, поставленной в статье, явился показ синкретичности ислама, который, как отмечает этнограф, в народных формах не требует догматических истин и официальной принадлежности к этой религии. Важна вера в помощь святого²⁰⁵.

Туркменский этнографический отряд

Туркменский этнографический отряд, возглавляемый Галиной Петровной Васильевой, работал с небольшими перерывами 11 сезонов, начиная с 1948 по 1966 г. Исследование этнографии туркмен началось с самой северной, Ташаузской области Туркменистана, включающей значительную часть Хорезмского оазиса – его северо-западные окраины с орошаемыми землями, Сарыкамьшскую котловину и прилегающую к ним обширную северную часть пустыни Каракум.

Одной из первоочередных задач отряда было детальное изучение этнического состава населения, в том числе этнографических групп туркмен, устойчиво сохраняющих в памяти свою принадлежность к роду и племени. Собирались легенды и исторические предания туркменских родов, их генеалогии, сведения о переселениях и участии в исторических событиях, связанных с Хорезмом; уточнялось современное расселение. Эти материалы существенно обогатили этническую историю северных туркмен и стали источником для составления и публикации ряда этнических карт: историко-этнических, реконструирующих родоплеменное расселение туркмен в первой половине XX в. и карты современного размещения всех основных национальностей и национальных групп²⁰⁶.

В то же время во всех районах отряд собирал собственно этнографический материал, выявляя разные типы традиционного хозяйства, обычаи и семейные обряды, своеобразную и яркую материальную культуру – типы оседлого и полупоседлого жилища, юрты, одежду и украшения, формы народного прикладного искусства – ковроделия, вышивки, выделки узорных кошм и т.д. Этот материал

204 Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М. 1983. С. 3-4.

205 Лобачева Г.П. Этнографический экскурс из экспедиционного прошлого (Лечение бесплодия на мазаре Султан бобо в Хорезме. К характеристике народного ислама) // Полевые исследования института этнологии и антропологии РАН. М. 2004. С. 132

206 Васильева Г.П. Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области Туркменской ССР // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. ТИЭ. Т. XLVIII. М. Л. 1961. С. 24-25, карты 1-3.

позволяет охарактеризовать не только общий облик культуры и быта туркмен, но и некоторое своеобразие их главных родоплеменных групп – *иамудов, емрели, чоудуров, карадашлы, гокленов* и др.

Собранные за период работы отряда материалы широко публиковались в научных отчетах и статьях Г.П. Васильевой²⁰⁷, а по окончании экспедиционных работ были обобщены в монографию, посвященную современной жизни туркмен Хорезма. Это крупное историко-этнографическое исследование, где наряду с характеристикой происшедших преобразований в быту туркмен содержится обстоятельный исторический очерк, насыщенный сведениями об историко-культурных традициях²⁰⁸.

Важным фактором при изучении проблем этногенеза и культурно-исторических взаимосвязей является исследование такого важного источника, как декоративно-прикладное искусство. Помимо этого, Г.П. Васильева рассматривает родоплеменную структуру туркмен, этнонимы, предания, отдельные элементы материальной культуры²⁰⁹. Одним из приоритетных направлений в ее исследованиях становится изучение ювелирных украшений туркмен, выявление их своеобразия, а также связанных с ними верований и представлений²¹⁰.

Существенный вклад в этнографическое изучение туркмен Хорезма внесла Н.П. Лобачева. В течение нескольких лет она вела стационарное исследование группы туркмен родового деления *ата* в нескольких поселках колхоза им. М. Горького (ныне А. Дурдыева) Турткульского района Каракалпакии²¹¹. Работа проводилась в колхозе им. М. Горького, являющегося колхозом с многоотраслевым хозяйством. На основе полевых материалов она анализирует процесс оседания туркмен, рассматривает их жилище, приводит интересные сведения по истории данного колхоза. Особое внимание исследовательница обращает на взаимовлияние культур различных народов проживающих на территории колхоза, которое воспринимается туркменским населением, как их современная национальная культура. Так, например, в колхозе был распространен единый тип жилища для всех национальностей, живущих в нем, в рабочей обстановке все национальности

²⁰⁷ Васильева Г.П. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. // ТХАЭЭ. Т.1. М., 1952. С. 427-460; ее же. К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма // МХЭ. Вып.7. М., 1971. С. 138-164 и др.

²⁰⁸ Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969.

²⁰⁹ Васильева Г.П. Народное декоративно-прикладное искусство как источник для этногенеза (на примере туркмен) // IX международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973.; ее же: Этнические компоненты в составе туркмен по данным этнографии // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, 1977.

²¹⁰ Васильева Г.П. Головные и наконные украшения туркменок XIX – нач. XX вв. // Костюм народов Средней Азии. С. 174-205; ее же: Украшения-обереги туркмен // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. С. 173-183. и др.

²¹¹ Лобачева Н.П. Очерки культуры и быта колхозников - освоителей Кызылкумов (по материалам колхоза им. М.Горького Турткульского района Каракалпакской АССР) // Занятия и быт народов Средней Азии Л., 1971. Вып. III. С.3-35.

говорили на туркменском языке, который проник даже в быт других национальностей.

Все это позволило Н.П. Лобачевой утверждать, что современная национальная культура изучаемой группы туркмен, выработавшаяся постепенно под известным влиянием узбекской культуры, в свою очередь оказывает несомненное влияние на культуру узбеков, казахов и других народов, живущих в данном хозяйстве²¹².

В 1990 г. Г.П. Васильева вновь обращается к проблеме изучения декоративно-прикладного искусства²¹³. Анализ туркменского орнамента позволяет ей сделать вывод о том, что «в целом он наиболее близок к каракалпакскому; однако многие его мотивы связаны с таджикско-узбекскими, и эта общность своими истоками уходит в древний местный ираноязычный мир. Некоторые орнаментальные мотивы на *сарыкских* и *иомутских* кошмах близки между собой и обнаруживают большую общность с казахскими»²¹⁴.

Подводя итоги исследований, посвященных целому ряду проблем исторической этнографии населения Приаралья, проведенных этнографическими отрядами Хорезмской экспедиции в 1940–1960-е годы, необходимо отметить ценный вклад, внесенный ими в развитие центральноазиатской этнографии. Выводы, сделанные в трудах участников экспедиции не ограничивались региональной проблематикой, имели общетеоретическое значение. Большая часть уже изданных статей и монографий участников Хорезмской экспедиции нашли отражение в ряде капитальных исторических и этнографических изданий. Публикация материалов, накопленных отрядами за время работы ХАЭЭ, продолжалась и в последующие годы. Нельзя не отметить большую роль этих отрядов в пополнении этнографических кадров квалифицированными исследователями, знающими методику и осознающими значение полевых работ.

Одной из главных задач этнографов периода 1940–1960-х годов стала подготовка многотомной серии «Народы мира». Возглавил эту работу С.П. Толстов. Подготовка томов «Народы мира» сыграла важную роль в развитии этнографической науки в целом. Она заставила обратить внимание на «белые пятна», раздвинула рамки научных интересов. Создание серии способствовало укреплению связей между этнографами²¹⁵.

В целом исследования, проведенные за указанный период, формирование отрядов этнографов и их деятельность, способствовали сложению этнографической школы в Каракалпакстане.

212 Лобачева Н.П. Очерки культуры и быта колхозников - освоителей Кызылжумов. С. 3-35.

213 Васильева Г.П. Изделия женского народного декоративно-прикладного искусства туркмен (их роль в уста-новлении этнических связей) // ЭО. 1997. № 2. С. 76-84.

214 Васильева Г.П. Изделия женского народного декоративно-прикладного искусства туркмен (их роль в уста-новлении этнических связей). С. 83.

215 Народы мира: Этнографические очерки. М., 1954-1966.

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ КАРАКАЛПАКСТАНА

27 февраля 1957 г. Совет Министров Узбекистана вынес постановление о реорганизации Каракалпакского института экономики и культуры АН УзССР в Комплексный научно-исследовательский институт АН УзССР. Задачи нового института заключались в изучении каракалпакского языка, истории каракалпакской литературы и фольклора, истории дореволюционного и советского периодов Каракалпакстана, экономики и сельского хозяйства республики.

В этот период наряду с учеными института этнографии АН СССР, продолжавшими активно изучать этнографию каракалпаков, начинают делать свои первые исследовательские шаги аспиранты института истории, языка и литературы: А.Т. Бекмуратова, Х.Е. Есбергенов, А.У. Утемисов. Продолжали вести научно-исследовательскую работу У.Х. Шалекенов, Л.С. Толстова (Рис. 16-17).

В конце 1950-х годов научно-исследовательская работа по изучению проблем народного хозяйства и культуры достигла заметных успехов и вышла на новый уровень, что требовало организации более совершенной научной структуры. В результате чего было принято решение об открытии Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. Вопрос об открытии филиала был рассмотрен в ноябре 1958 г. на заседании Президиума АН УзССР. В июле следующего года Совет Министров УзССР принял постановление за № 534: «Учитывая расширение задач научных исследований по отраслям народного хозяйства и культуры Каракалпакстана, создать на базе Комплексного института АН УзССР Каракалпакский филиал АН УзССР»²¹⁶.

Организация Каракалпакского филиала АН УзССР явилась крупным событием в жизни республики. Он способствовал координации научных исследований в Каракалпакии и объединению творческих сил ученых, явился новым стимулом для более активного решения научно-исследовательских задач, стоявших перед учеными Каракалпакстана на новом этапе развития исторической науки, следовательно, и ее составной части этнографии. Создание филиала привело к более рациональной организации их деятельности. В результате стала возможной разработка ряда важных и актуальных проблем истории Каракалпакстана.

²¹⁶ Очерки истории ККАССР. Ташкент, 1964. С. 315.

Организация отдела этнографии, основные направления этнографической науки Каракалпакстана

Учитывая потребности Каракалпакской АССР в научных кадрах, Президиум АН СССР еще в довоенные годы дал поручение Каракалпакской комиссии подготовить специалистов для республики через аспирантуру²¹⁷. Огромную роль в этом деле сыграла Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. К работе экспедиции в послевоенные годы стали привлекаться студенты гуманитарных факультетов Каракалпакского педагогического института. Это дало возможность начать планомерную подготовку историков для научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений республики через аспирантуру. За период 1950–1960-х годов был подготовлен ряд специалистов в области истории, археологии, этнографии. Это дало возможность открыть в 1950 г. сектор истории в Каракалпакском институте экономики и культуры. Дальнейшая подготовка кадров осуществлялась силами Каракалпакского филиала АН УзССР, в частности созданным в 1959 году Институтом истории, языка и литературы им. Н. Давкараева (ныне ККНИИГН ККО АН РУз.). Институт стал в более широких масштабах заниматься вопросами истории, этнической истории, этнографии и археологии низовьев Амударьи.

В структуре института был организован отдел археологии и этнографии, который в свете постановлений бюро Каракалпакского обкома КП Узбекистана от 31 мая 1968 г. перестроил свою работу: с февраля 1969 года в связи с ростом научных кадров сектор археологии и этнографии был разделен на два самостоятельных: этнографии и археологии. В это время в секторе этнографии работали 7 научно-технических сотрудников; из них 1 доктор наук, 2 кандидата наук, 2 младших научных сотрудника художник и лаборант²¹⁸.

Большую роль в подготовке специалистов-этнографов для Каракалпакии сыграл Каракалпакский отряд ХАЭЭ, а также Т.А. Жданко, под научным руководством которой были подготовлены первые кадры региональных этнографов и историков: С.К. Камалов, Р.К. Косбергенов, У.Х. Шалекинов, А.Т. Бекмуратова, Х.Е. Есбергенов, Т. Атамуратов. Все они прошли обучение в аспирантуре Института этнографии АН СССР и получили профессиональные навыки подготовленного для полевых работ этнографа в Каракалпакском отряде Хорезмской экспедиции.

Одним из первых каракалпакских ученых, получивших степень кандидата наук, стал С.К. Камалов. Его диссертационная работа была посвящена положению каракалпаков в Хивинском ханстве до присоединения к России. Затем защищают кандидатские диссертации У.Х. Шалекинов на тему: «Быт и культура колхозного крестьянства Чимбайского района», Х. Есбергенов на тему: «К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов каракалпаков»

217 Камалов С.К. О документах Каракалпакской комиссии Академии наук СССР // Вестник ККФАН УзССР. 1975. № 4. С. 85-87.

218 Справка о работе секторов этнографии, археологии, истории дореволюционного и советского периодов ИЯИЛ ККФАН УзССР за 1968 год // Архив отдела этнографии.

(на материале погребальной обрядности). Одной из первых женщин, получивших степень кандидата наук по этнографии, становится в 1967 г. А.Т. Бекмуратова, которая сосредоточила свои исследования на изучении семейно-бытового уклада каракалпаков. Темой исследования Т. Атамуратова с последующей защитой диссертации становятся изучение традиций и преобразований в городском быту каракалпаков.

Подытоживая развитие исторической науки Каракалпастана, С. Камалов приводит некоторые данные по росту местных кадров ученых-историков. Он отмечает, что к 1967 г. число историков в республике составило более 40 человек, в том числе 3 доктора и 19 кандидатов наук, осуществлявших свою деятельность в трех секторах истории Каракалпацкого филиала АН УзССР, на двух кафедрах истории Каракалпацкого госпединститута и в историко-краеведческом музее²¹⁹.

Анализируя развитие этнографической науки Каракалпастана в 1960–1970-е годы, необходимо отметить, что этот период в научно-исследовательском плане был весьма плодотворным. Во время многолетних полевых работ этнографических экспедиций, организованных Каракалпацким филиалом Академии наук Узбекистана, были опрошены сотни информаторов, знатоков каракалпацких культурно-бытовых традиций, получены сведения от потомственных мастеров.

Объектом изучения У.Х. Шалекенова стали казахи низовьев Амударьи²²⁰. Исследованием было охвачено казахское население Чимбайского, Муйнакского, Кунградского, Ходжейлийского, Берунийского и Турткульского районов Каракалпастана. В процессе работы привлекался обширный историко-литературный и архивный материал (архивы Москвы, Ташкента, Алма-Аты, Нукуса и др.). Значительное место в работе уделено хозяйству: земледелию, ирригации, животноводству, рыболовству, домашним промыслам и материальной культуре: одежде и жилищу, одежде и пище казахов, причем материал дан в сравнительно-сопоставительном плане с хозяйством и материальной культурой соседних народов.

Вопросы аграрных отношений в Каракалпакии конца XIX – начала XX вв. стали объектом изучения К. Сарыбаева²²¹. В монографии хорошо иллюстрируется «борьба» населения Хорезмского оазиса за воду, создание оросительных каналов и ирригационных сооружений.

Хозяйство каракалпаков XVIII–XIX вв. нашли отражение в работе С.К. Камалова²²². Ученый отмечает зависимость сельскохозяйственных хозяйств от

²¹⁹ Камалов С.К. О развитии исторической науки в Советской Каракалпакии // ОНУ. 1967. № 11. С. 39-43.

²²⁰ Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966.

²²¹ Сарыбаев К. История орошения Каракалпастана (с конца XIX века до наших дней). Нукус, 1995.

²²² Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII - XIX вв. К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами. Ташкент, 1968.

режима Амударьи. Все водные магистрали имели несовершенные, легко разрушавшиеся головные сооружения, поэтому на состоянии оросительных систем отражались все колебания уровня вод Амударьи, характерные для ее неустойчивого режима. С оросительной сетью было связано расселение каракалпакских племен и родов. Главные магистральные каналы орошали земли крупных родоплеменных объединений. Так, водной магистралью Ешим-узак пользовались в XIX в. в основном племена *канырат*, а основная масса племен *он торт уру* пользовалась водной магистралью Кегейли²²³.

На наш взгляд, большой интерес в работе представляет описание народного аграрного календаря *жүз*, букв. «сто» (дней), который бытовал на протяжении многих десятилетий. Согласно аграрному календарю, сев начинался в первых числах мая, счет дням велся в обратном исчислении. Так, к примеру, рис начинали сеять с 85 по 70-й день по *жүз* (приблизительно от середины до конца мая), джугару с 60 по 40 день (с конца мая до 10 июня), просо с 50 по 40 день (с 20 числа и до конца июня)²²⁴.

Имеются в работе некоторые сведения о традиционной одежде каракалпаков. Помимо описания традиционного мужского и женского костюмов каракалпаков, в работе уделено внимание социальным различиям в одежде²²⁵.

Богатый материал по семейно-бытовому укладу обобщен в монографии А.Т. Бекмуратовой²²⁶. Согласно ее исследованию, в XIX – начале XX вв. наиболее распространенной формой семьи у каракалпаков была малая семья. Большая семья, включавшая в себя 2 варианта, встречалась значительно реже. В первом варианте вся семья жила в одном доме, вела общее хозяйство, имела общую собственность, совместно проводила семейно-бытовые обряды; во втором – семья имела общее хозяйство, но питалась раздельно, имела раздельные дома, орудия труда и т.д., объединяясь лишь для проведения внутрисемейных мероприятий, а также при проведении крупных работ, таких, как строительство дома, сбор урожая.

Характеризуя семейные отношения, автор отмечает, что помимо родственников по отцу существуют родственники по линии матери и по линии жены. Во многих семьях эти две последние группы родственников совпадали, так как каракалпаки по традиции предпочитали брать жен из одного и того же рода, и нередко бывало, что зять бывал сородичем матери своей жены, дочь после замужества уходила в тот же аул, откуда родом была ее мать. Однако традиционные отношения с родственниками матери *дайы* и родственниками жены *куда* соблюдались строго и сильно влияли на быт семьи и общественную жизнь²²⁷.

223 Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII - XIX вв. С. 86-91.

224 Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII - XIX вв. С. 97.

225 Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII - XIX вв. С. 145-147.

226 Бекмуратова А.Т. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1969. С. 18-20.

227 Бекмуратова А.Т. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1969. С. 18.

В другой работе А. Бекмуратовой впервые были подробно проанализированы вопросы родства у каракалпаков, терминология, связанная с ней²²⁸. Исследовательница уделила большое внимание взаимоотношениям между членами семьи, родственниками по линии матери и по браку. Ею проанализированы вопросы, посвященные семейно-бытовой обрядности. При изучении системы терминов родства и свойства каракалпаков, она акцентирует внимание на том, что большинство из них имеют групповое значение, охватывая широкий круг родственников по отцовской и материнской линиям. Например, если рассмотреть родственников по отцовской линии, то термин «ата» означает дед, «ага» – отец, «ажага» – старший брат, «ини» – младший брат. То же относится и к женским терминам: «ана», «ажана» называют старшую сестру отца и свою старшую сестру, «ана» называют старших родственниц со стороны мужа²²⁹.

В изучаемый период шла активная работа по подготовке Историко-этнографического Атласа Средней Азии и Казахстана. Шел сбор материалов, характеризующих традиционные приемы земледелия, орошения, скотоводства каракалпаков, а также проживающего на территории Каракалпастана казахского, узбекского, туркменского населения.

Сотрудники отдела этнографии включились в разработку каракалпакской части атласа. В первую очередь разрабатывались этнографические и географические карты и тематические выпуски по истории земледелия, ирригации и животноводства. Были изучены вопросы естественно-географических условий населения низовьев Амударьи в XIX – начала XX вв.: система земледелия и основные сельскохозяйственные культуры; сельскохозяйственные орудия, система орошения; животноводство и рыболовство. Результаты исследований были обобщены в монографии, посвященной характеристике хозяйства каракалпаков XIX – начала XX вв.²³⁰

В работе отмечается, что земледелие в Средней Азии с древнейших времен концентрировалось в оазисах, расположенных в предгорьях и долинах рек, где на основе искусственного орошения возделывались разнообразные земледельческие культуры²³¹. Основными формами земледелия были: нерегулярное – лиманное, каирное и регулярное-поливное. Если первые две формы были связаны с неустойчивым режимом вод реки и дельтовых протоков, то последняя всегда базировалась на сложной системе оросительных каналов и водоемов. Вследствие своей неустойчивости лиманное и каирное земледелие существовало как вспомогательная отрасль хозяйства для скотовода. Эта форма земледелия была распространена в затопляемых районах дельты и низовьях круп-

228 Бекмуратова А.Т. Терминология родства у каракалпаков // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 27-40.

229 Бекмуратова А.Т. Терминология родства у каракалпаков. С. 35-39.

230 Хозяйство Каракалпакии в XIX – нач. XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана). Ташкент, 1972. С. 8.

231 Хозяйство Каракалпакии в XIX – нач. XX вв. С.41.

ных магистральных протоков Амударьи и таких каналов как Куваньш-Джарма, Кегейли, Кият-жарган²³².

Каракалпакскому народу с давних пор было известно более 30 видов сельскохозяйственных культур. В XIX – нач. XX вв. наиболее распространенным из них были пшеница, ячмень, горох, джугара, *жасмық* (род мелкой чечевицы), просо, люцерна: из технических культур – хлопок *қауаша*, лен, кенаф; из масличных – кунжут, конопля; из бахчево-огородных – дыни, арбузы, тыква, морковь, лук, перец, и другие. Практиковалось два типа посевов: *ақ егис*, производившийся осенью (сентябрь, октябрь), озимая пшеница и *көк егис* букв. «зеленый посев», высеваемые в мае яровая пшеница *жазлық бийдай*, ячмень *арпа*, сорго *жууёри*, просо *тары*, маш *мәш*, кунжут *гунжи*, кендырь *кендир*, рис *гуриш*. Наиболее культивируемой была пшеница. Второе место после пшеницы по площади посевов занимала джугара. Очень широко были распространены посевы риса. В низовьях Амударьи имелись благоприятные условия для выращивания этой ценной зерновой культуры. Просо, благодаря своей неприхотливости, быстрому созреванию и высокой урожайности получило широкое распространение у населения низовьев Амударьи²³³.

К глубокой древности восходит хозяйственный опыт населения дельтовых районов Амударьи и Сырдарьи в области животноводства. Развитию у каракалпаков скотоводства способствовали специфические природные особенности дельтовой области. Невозможность совершать большие перекочевки и использовать, таким образом, запасы подножных кормов вынудила каракалпаков использовать в качестве основного корма скота камыш. Это же обстоятельство, по-видимому, повлияло и на состав стада, в котором, в противоположность казахскому кочевому хозяйству, преобладает крупный рогатый скот при крайне ограниченном количестве баранов и коз. Овцеводство доминировало в периферийных частях дельты, где преобладало кочевое население. Верблюдов разводили в степных районах дельты, особенно в западной части Кызылкумов и на Устюрте. В низовьях Амударьи разводились различные породы скота, заимствованные друг у друга каракалпаками, казахами и туркменами. Такое смешение породности скота – результат многовекового совместного проживания этих народов на сопредельных территориях.

Таким образом, особенности хозяйства Каракалпакстана свидетельствуют о его комплексном характере, сочетающем в себе земледелие со скотоводство и рыболовство. Земледелие здесь было основано на искусственном орошении, но обработка посевов велась примитивными сельскохозяйственными орудиями.

Наряду с участием в подготовке историко-этнографического атласа коллектив отдела этнографии в 1971–1999 гг. занимался разработкой плановых тем. В частности, в период с 1975–1980 гг. этнографы работали над темой

232 Хозяйство Каракалпакии в XIX – нач. XX вв. С. 46.

233 Хозяйство Каракалпакии в XIX – нач. XX вв. С. 54.

«Культурно-бытовые процессы в Каракалпакстане», в результате чего пришли к выводу, что на основе глубоких социально-экономических и культурных преобразований возникли новые традиции и обряды, изменившие взгляды, мораль народа²³⁴. В исследованиях этнографов этого периода намечился отход от изучения религиозных традиций.

Первая попытка систематизирования данных письменных источников приводится в «Этнографии каракалпаков»²³⁵. В сборнике освещены традиционные формы материальной культуры каракалпаков, их слагавшийся веками трудовой опыт, нашедший отражение в главных отраслях ремесла.

В разделе, посвященном поселениям и жилищам, отмечается, что у каракалпаков они образуются в процессе формирования типов хозяйства, культуры и приспособления к природно-климатическим условиям.

Поселения каракалпаков приспособлены к комплексному типу хозяйства. Удильбы различались по типам расселения, строительной технике, планировке жилищ и способам приготовления строительных материалов. Отличительной чертой поселений каракалпаков было расположение их в основном вдоль берегов рек, каналов, озер и моря. В связи с этим селения нередко были временными, их существование зависело от режима Амударьи, часто вынуждая жителей менять участки своих земельных угодий, пастбищ и покидать аулы.

Тем не менее, у каракалпаков в дельте, и тем более в районах с более устойчивым земледелием уже в XVIII–XIX вв. были и постоянные селения, образовавшиеся вокруг укреплений. Самыми крупными укреплениями были Чимбай, Кунград, Нукус²³⁶.

Основным типом поселения был аул, а главными видами жилья – стационарные *қакра*, *там* и переносное – юрта *қара үй*, которые продолжали существовать в северо-западных районах Каракалпакии вплоть до 1920-х годов. При этом стоит отметить, что наличие у каракалпаков переносного жилища в качестве одного из основных жилищ вовсе не свидетельствует о скотоводческо-кочевом типе их хозяйства.

Поселения каракалпаков делились на зимние *қыслау*, в которых наличествовали как стационарные, так и переносные жилища, и летне-весенние *жайлау*, состоявшие только из переносных жилищ. К переносным или временным постройкам относились: жилище рыбака *көшки*, пастушеский шалаш *ылашық*. В произведении Бердаха «*Ахмақ патша*» встречается упоминание жилища рыбаков под названием *қос*.

*Қосын тигип Сасық көлге
Қосылсалмай бөтен елге,*

²³⁴ Отчет отдела этнографии за 1975-1980 гг. «Культурно-бытовые процессы в Каракалпакстане».

Нукус, 1979. 430 с. // РФ ФБ ККО АН РУз. Р-110 К.

²³⁵ Этнография каракалпаков. С. 57-101.

²³⁶ Этнография каракалпаков. С. 18.

*Шыжым жибин байлап белге,
Бир балықшы мақан еткен*²³⁷.

Установив свой *қос* на Сасык коле
Не уживется в чужом краю,
Подпоясавшись тонкой веревкой,
Основался один рыбак.

Этот вопрос представляется нам весьма интересным и требует дальнейшей разработки.

Еще одним временным жилищем каракалпаков в XIX – начале XX вв. являлось *кеппе*. Этот тип жилища был присущ рыбакам приморских районов и представлял собой юртообразное сооружение, изготовленное из камыша, обмазанного глиной²³⁸.

Самым распространенным видом переносного жилища была юрта *қара үйі*. Она бытовала у каракалпаков более широко, чем у других соседних народов. В создании юрты сочеталось мастерство плотника, резчика по дереву, мастериц ковроделия, мастериц плетения циновок.

Каракалпакская юрта считается одной из наиболее богато украшенных изделиями народно-декоративного искусства, по сравнению с юртами других народов. Снаружи и внутри ее украшали узорными ткаными полосами, ковровыми дорожками.

В 1975 г. группой научного кино московского Института этнографии совместно с сотрудниками сектора этнографии Института истории, языка и литературы был снят фильм «Юрта каракалпаков»²³⁹, посвященный этому жилищу. В нем детально показаны сборка юрты: установка стен, обтяжка каркаса, подъем верхнего купола юрты *шаңарақ*, установка деревянных жердей *ууық*, их крепление с помощью тесьмы, опоясывание ковровой дорожкой *ақ басқур*, установка плетеной из камыша двери и пр.

Исследование истории тканей свидетельствует о наличии у каракалпаков древней устойчивой традиции женского домашнего ткачества. Наиболее распространенным видом сырья для ткачества у каракалпаков была шерсть. Однако в животноводстве каракалпаков преобладали крупный рогатый скот и лошади, а мелкого рогатого скота было сравнительно мало. Поэтому овечья шерсть шла в основном на хозяйственные нужды: изготовление войлока для покрытия юрты, орнаментированных полос для стягивания решетки юрты, декоративных ковровых изделий (ворсовых и безворсовых каршинов и алаша). На одежду же ове-

237 Бердақ. Таңламалы шығармалары. Нөкіс, 1956. С. 160.

238 Этнография каракалпаков. С. 26.

239 Этнография каракалпаков. С. 37-56.

чая шерсть тратилась лишь в незначительном количестве. Ее пряли на веретене *уршык*, а затем ткали на узконовойном станке *өрмек*²⁴⁰.

Т.Н. Томина, занимавшаяся изучением тканей, отмечала, что производство хлопчатобумажных тканей из местного сырья было доступнее. Она приводит данные о ткачестве из хлопка у зеравшанских каракалпаков в конце XIX в. и у хорезмских каракалпаков в конце XIX – начале XX вв. в районах с развитым поливным земледелием (Кунград, Кегейли), и об обработке покупного хлопка-сырца в районах с более экстенсивным, зерновым земледелием, где обработка земли и выращивание хлопчатника были по силам лишь наиболее зажиточным хозяйствам.

Исследовательница отмечает и еще одну особенность, отличающую каракалпаков от других народов – изготовление ткани *торқа*, вырабатывавшейся из волокна дикорастущего растения кендырь. Впервые упоминая о *торқа*, она описывает технологию изготовления этой ткани. Т.Н. Томина приводит данные и о развитии шелководства, в частности, о технике изготовления шелковых тканей²⁴¹.

Отдельная глава сборника посвящена традиционной одежде как одному из ярких этноотличительных признаков любого народа. В главе дана подробная информация о традиционных видах одежды, ювелирных украшениях, входящих в комплекс традиционного костюма, тканях, использованных при пошиве одежды.

К концу XIX в. у каракалпаков сложился комплекс как мужского, так и женского костюма. По сравнению с женским, мужской костюм был значительно проще и однороднее. Мужская одежда имела единый крой на всей территории расселения народа и имела общие черты с одеждой соседних народов. Занимавшаяся исследованием среднеазиатской одежды О.А. Сухарева отмечала, что вероятно когда-то в одежде различных по происхождению компонентов населения Средней Азии имелись значительные отличия, но на протяжении веков они успели сгладиться и образовать нечто цельное. Очень немногие виды одежды были распространены у отдельных групп или народов и отсутствовали у других²⁴².

В традиционном мужском костюме каракалпаков имелся ряд особенностей в цвете, манере ношения, в едва заметных деталях кроя некоторых видов одежды. Однако покрой, независимо от возраста, был одинаковым.

Комплекс традиционной мужской одежды включал в себя рубаху *көйлек*, штаны *ыштан*, камзол, халат *шпанан*, тюрбетейку *тақыя*, шапку *шөгирме*, сапоги *етик*, ичиги *мәси* и калоши *геуиш* местного производства. Общий вид каракал-

²⁴⁰ Этнография каракалпаков. С. 103-111.

²⁴¹ Томина Т.Н. Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 228-250.

²⁴² Сухарева О.А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. Москва, 1979, с. 97.

пакской мужской одежды характеризовался строгостью. Мужчины не носили яркой цветной одежды.

Традиционная женская одежда каракалпачек, в особенности праздничная, ярче всего отражала идеалы народа, являясь также настоящим произведением искусства. В противоположность строгой мужской одежде платье каракалпачек отличали яркость и обилие украшений. Излюбленным цветом одежды был красный. Это исключительное цветовое предпочтение сближает каракалпакский костюм с одеждой некоторых других групп тюркских народов – туркмен и азербайджанцев, женская одежда которых тоже преимущественно красного цвета²⁴³. Жительницы Самарканда также отдавали предпочтение красному. Характеризуя женский костюм Самарканда, О.А. Сухарева писала: «Расцветка платьев определялась некоторыми общепринятыми правилами. Молодым полагалось носить ткани с наличием красного или розового. Женщины средних лет, имевшие 4–5 детей, переходили к ношению платьев, в которых красный или розовый цвет сочетался с темно-голубым или синим, а для одежды женщин пожилых красный и розовый цвет не допускался даже в мелких узорах»²⁴⁴. Это замечание в равной степени относится и к каракалпакской традиционной одежде.

В состав костюма каракалпачек входили платье-рубаха и штаны, несколько видов верхней одежды типа халата *шапан*, камзол, *тон*, головная накидка *жегде*. Головные уборы были представлены различными платками, наматываемыми в виде тюрбана *бас ораў*, головного убора *кймешек*, тюрбетейками *тақья* с различными наименованиями. Обувь состояла из сапог *етик* и калош *геўши*. Обязательным элементом костюма были ювелирные украшения (Рис. 18).

Украшения в основном носили девушки и молодые женщины. Одним из наиболее ярко украшенных предметов костюма был *сәўкеле*, богато украшенный узорными металлическими бляхами и подвесками, цветными камнями и бусами, главным образом коралловыми. К наушникам прикрепляли две узорные серебряные бляхи с сердоликовыми и бирюзовыми вставками *қыран* и пришивали крупноячеистые сетки из бисера – зеленого, желтого и цвета гранатовых зерен. Три длинные связки бус, различных по размеру и материалу, спускавшиеся на грудь, завершали обрамление головы.

Еще одним старинным головным убором каракалпачек является *төбелик*, богато украшенный резным по металлу орнаментом со множеством выпуклых блях с вправленными в них цветными камнями. Исходя из фольклорных источников, данных археологии, этнографии, можно утверждать, что *сәўкеле* у каракалпаков бытует с древнейших времен. Т.А. Жданко предполагает, что генезис головного убора типа *сәўкеле* связан с боевыми шлемами женщин-воительниц сако-массагетских и сармато-аланских племен. Интерпретация термина *сәўкеле*

243 Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков. С. 118.

244 Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. С. 25.

подтверждает такое предположение. Например, М.С. Андреев толковал его как сочетание двух слов: «ша» – царь и «куло» – шапка²⁴⁵.

Каракалпакский *саўкеле* существенно отличается от головных уборов других народов. В работе И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой, даны описания и рисунки *саўкеле* казашек, которые дают нам возможность судить об их различии²⁴⁶.

Наиболее полное и детальное описание каракалпакского костюма конца XIX – начала XX в. дала Н.П. Лобачева. Она классифицировала основные этапы развития традиционного костюма каракалпачек²⁴⁷.

Один из разделов «Этнографии каракалпаков» посвящен традиционной пище. Национальная пища каракалпаков формировалась в тесной связи с преобладающим среди них хозяйственно-культурным типом. Характер пищи определялся хозяйственной деятельностью народа, природными и географическими условиями районов его расселения и этнокультурными традициями. В соответствии с этим, в традиционной пище каракалпаков сочетаются растительные (зерновые) и животные (мясомолочные) продукты²⁴⁸.

В настоящее время произошли значительные изменения в традиционной пище. Существовавшее ранее деление на три основных вида продукта – земледелия, животноводства, рыболовства – наблюдается уже не так отчетливо. Однако первенство, по-прежнему, остается за зерновыми продуктами, составляющими основу питания каракалпаков.

Самый главный продукт на каракалпакском столе – хлеб *нан*. Один из наиболее распространенных и любимых в народе видов национального хлеба *шөрөк нан*, представляет собой плоский, круглой формы хлеб. Его выпекают из пшеничной муки в традиционных печах тандыр.

Тесто для лепешек замешивают в больших мисках *самар табақ*; раньше закваской для теста служил кусочек дрожжевого теста от предыдущей выпечки, сейчас используют обычные фабричные дрожжи. Замешанное тесто накрывают и дают постоять несколько часов, чтобы подошло, затем разделяют на круглые шарики среднего размера *зуала*. Сочни раскатывают, сидя на полу, скалкой *оқлау* на традиционном низком круглом или четырехугольном столе *ас тақта*. На раскатанном тесте по кругу делают узорчатые наколки с помощью штампа *тикеш*, а затем лепешку укладывают на *рапиду* (специально сшитая круглая твердая подушка) и наклепывают на раскаленные внутренние стенки тандыра.

В последние десятилетия, особенно в городах готовый хлеб в виде национальных лепешек или буханок покупают на рынке. В городах открыты многочисленные цеха по изготовлению национальных лепешек разных сортов.

245 Морозова А.С. Каракалпакский женский шлемовидный головной убор «саукеле». С. 138.

246 Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 216-217.

247 Лобачева Н.П. Из истории каракалпакского женского костюма (к проблемам историко-этнографического ат-ласа Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1984. № 4. С. 14-28.

248 Этнография каракалпаков. С. 113.

Кроме лепешек, из пшеничной муки делают *гуртик* – тонко раскатанное тесто, нарезанное квадратиками и сваренное в мясном бульоне; из этой же муки готовят *шаж гуртик* или *май гуртик*.

Из пшеничной муки готовят ритуальное блюдо *баўырсақ*, представляющий собой раскатанные, нарезанные ромбиками и прожаренные в растительном масле кусочки дрожжевого теста. Мелкий шарообразный *баўырсақ* называется *ший баўырсақ*. Его готовят на любые мероприятия: свадьба, рождение детей, похороны, праздники. С *ший баўырсақ* у каракалпаков связан следующий обычай: когда невеста подходила к дому жениха, её свекровь бросала на молодую горстями *ший баўырсақ* и *джи́ду* (плод лоха обыкновенного). Этот обычай выражал пожелание хорошей жизни и многих детей новобрачным.

Из такого же теста делают *созбан* – большие жареные лепешки обычно из пресного теста, растянутые руками (название происходит от слова «созыў» – растягивать). Из такого же теста готовили *шелтек* – тонко раскатанные лепешки, прожаренные в масле²⁴⁹.

Особой популярностью издавна пользуется просо, которое каракалпаки называют пищей своих предков. Раньше сеяли несколько видов проса: *кызыл тары* – красное просо, *қара тары* – черное просо и *шегир тары*. Наиболее скороспелым был *қара тары* (посевал за 40 дней). После молотбы зерно подлежало многоступенчатой обработке. Его вяли, затем отваривали в воде, сушили на солнце и жарили в казане, постоянно помешивая палочкой *былгаўыш*, обмоченной с одного конца тряпкой. Жареное просо высыпали на палас *алаша* или *шийдек* (*ший* циновка из тонкого камыша), откуда брали частями, насыпая необходимое количество в ступу *кели*, и толкли, пока не получалось чистое пшено сок (*ақланган тары*).

Из пшена до сих пор готовят *тақан* – перемолотое пшено, заправленное сахаром; иногда едят жареное пшено с маслом *май сөк*, с молоком или кислым молоком. Жареное просо продают на рынке, оно является доступным для городского населения.

Другим видом зерновой культуры является *жуўери* – сорго. Основными блюдами из него являются традиционные *жуўери гуртик* – клецки в мясном бульоне. *Жуўери гуртик* – своеобразное блюдо, относящееся вероятно, к числу старинных видов пищи. Его употребляют и в составе более сложного блюда *туўрама* (букв. крошить): к мелко нарезанным *жуўери гуртик* добавляют мясо, вареная морковь, картофель и все это заправляют луковым соусом. Бульон к этим блюдам подается отдельно²⁵⁰.

Большое место в питании каракалпаков занимают и другие продукты земледелия, например, *мәш*, *лобия*. Из *мәш* (бобовое растение, разновидность чечевицы) приготавливали *мәшаба* – суп, в который раньше добавляли заправку из

249 Этнография каракалпаков. С. 117.

250 Этнография каракалпаков. С. 121.

пшеничной и джугарной муки. Из *мэша* с рисом варят *мэш палау* – плов из *мэш* без мяса; в качестве белковой составляющей в него добавляют *лобию* – фасоль. Еда из *мэш* считается питательной и сытной. Об этом свидетельствует народная поговорка: «*Мэшаба – мэш келтирер, Сықпан аштан өлтирер*» (Суп из *мэш* доставляет удовольствие, а клецки *сықпан* вызывают голод).

В 1970-е годы в традиционную кухню активно входят блюда других народов. Об этом мы можем судить со слов респондента: «Сейчас мы мясо, *гуртик*, плов, *аксаулақ*, блюда из картошки готовим. Реже готовим манты, пельмени, пирожки из мяса, моркови. Из джугары готовим кашу. Из проса делаем *сөк* и *тақан*. Готовим из капусты борщ»²⁵¹.

Большое место в пищевом рационе каракалпаков занимают традиционные бахчевые и садовые культуры – дыни, арбузы, тыквы, абрикосы, виноград, яблоки, груши, персики, айва и др. Дыни сушили и вялили, делая *қауын құрт*, *қауын қақ*. В настоящее время наиболее популярным способом заготовки дыни на зиму стало консервирование – из дыни варят варенье. Дыни хранили и в целом виде. Как отмечает наш респондент: «У моего отца был 1 га земли, на котором он выращивал необходимые овощи, бахчевые. Дыни, выращенные на своей бахче, мы ели до марта»²⁵².

Морковь, перец, лук каракалпаки употребляли в пищу с давних времен. Новые же виды овощей население воспринимало не сразу. Об этом свидетельствуют слова одного из опрошенных нами респондентов: «Картошка появилась где-то в 1940–1950-е годы. Ее продавали в магазинах, начиная с осени и до поздней зимы. Народ не покупал картошку, поэтому ее продавали в довесок к муке. Картошку употреблять наши люди не сразу научились»²⁵³.

Употребление молочных продуктов имело сезонный характер. Наиболее ценным до сих пор считается коровье молоко. Молочные продукты готовили обязательно из кипяченого молока – в сыром виде молоко не употребляли.

Кислое молоко готовили так: прокипятив, молоку дают слегка остыть в кастрюле или банке. В теплое молоко кладут ложку заранее кислого молока, накрывают посуду теплым одеялом и оставляли на 3–4 часа. Этот способ называется *қатық ұйытыу* – заквасить молоко. Для приготовления коровьего масла *сары май* собирали несколько дней *қатық*, затем для взбивания его переливали в деревянные маслобойки *губи* – узкие цилиндрические сосуды, бытующие у многих народов Средней Азии и Казахстана. Когда в *губи* появлялась сбитое масло, то в сосуде оставалась жидкость – пахтанье, называемое у каракалпаков, общепоркским термином *айран*. *Айран* считается напитком, хорошо утоляющим жажду, и часто используется в качестве заправки для жидких блюд. При добавлении в *айран* воды получался *шалан* – прохладительный напиток.

²⁵¹ Полевые записи от 28 сентября 1978. //Архив отдела этнографии.

²⁵² Полевая запись автора. 2018, № 22.

²⁵³ Полевая запись автора. 2018, № 35.

Из айрана делали творог и другие виды молочных продуктов. Для этого айран сливали в мешок из хлопчатобумажной ткани и подвешивали на несколько дней в темном прохладном месте. Из мешка стекала жидкость желтоватого цвета *сары суў*. Чтобы масса в мешке не испортилась, ее солили, а мешок регулярно протирали влажной тряпочкой. Когда жидкость стекала, в мешке оставался творог *сузбе*. Его употребляли как заправку для пищи, а также готовили впрок, перерабатывая в *торақ* и *құрт*. Для этого *сузбе* варили в котле на среднем огне до загустения, потом добавляли джугарную или пшеничную муку. После того как масса остывала, ее сушили на камышовой циновке, после чего месили в большом тазу с солью как тесто и помещали в кожаные мешки *тулып*. Творог, который хранили в *тулып*, называли *торақ*. Из него руками лепили продолговатые сырки *құрт*. *Құрт* и *торақ* – по составу один и тот же продукт, но *торақ* хранили единой массой, *құрт* в виде сырков разной величины предназначался для повседневного употребления²⁵⁴.

Приводя здесь сведения о традиционной пище, заметим, что упомянутые блюда составляют основу питания каракалпаков до сих пор. Однако необходимо отметить, что в последнее время рацион пополнили разнообразные блюда тех народностей, которые исторически проживают на данной территории. Современный стол каракалпаков обогатился различными видами салатов, супов, вторых блюд, сладостей, напитков – корейских, русских, европейских и других. Стало быть, можно говорить о том, что система питания каракалпаков изменилась под влиянием культуры других этносов, но при этом продолжает сохранять свои традиционные черты, присущие комплексному типу хозяйства со следами полуседлого образа жизни.

В работе А. Утемисова получила освещение такая немаловажная отрасль хозяйства каракалпаков, как рыболовство²⁵⁵. Оно являлось основным видом деятельности населения жителей таких местностей, как Терменбес, Мергенатау, Тасбескум, Акбеткей, Карабайлы, Аккала, Каражар, Кайберген, Жумалак, полуострова Муйнак. Давность занятия населения региона рыболовством подтверждается археологическими материалами VII–VIII вв., относящимися к кердерской культуре – Куюккала, Токкала и Хайванкала, где наряду с другими предметами были найдены кочедыки с изображениями рыб, предназначенные для плетения сетей, а также множество костей рыб и животных²⁵⁶. Исходя из этих данных, был сделан вывод о том, что жители окрестных городов вели комплексный тип хозяйства – рыболовство, скотоводство, земледелие²⁵⁷.

254 Этнография каракалпаков. С. 130.

255 Утемисов А. Каракалпақстан балықшылары. Нөкис, 1979

256 Манылов Ю. Костяные изделия VI–XI вв. в городище правобережной дельты Амударьи // Вестник КК ФАН УзССР. 1964. № 1. С. 57–58.

257 Гудкова А.В., Ягодин В.Н. Археологические исследования на городище Ток-кала // ОНУ. 1961. № 5. С. 57.

Описывая рыболовецкий инвентарь, А. Утемисов отмечает, для ловли рыбы использовали сети *аў*, жылым, удочки *қармақ*. В мелких водах ловили рыбу при помощи воронкообразно сплетенной из мелких прутьев тамариска *жынғыл* сетки *бастай*. Бытовал еще один способ рыбной ловли, с помощью *қаз* – заграждения, сплетенного из толстых прутьев *жынғыл* или камыша. С помощью остроги *шаньшиқы* ловили рыбу в реках и на морском побережье. Зимой на озерах рыбачили в прорубях, с помощью орудия, называемого *илме*. Это длинный железный прут с рукояткой и загнутым острым наконечником, который осторожно подводили под подплывающую рыбу и быстро подсекали ее под брюхо, вытаскивая затем на лед. Снасть *керши* представляла собой большую треугольную или круглую раму из длинных жердей, на которой укреплялась сделанная в виде сачка сетка. Такой сачок закрепляли близ берега на дне реки или протока. От *керши* протягивали веревку, которую держал лежащий на берегу рыбак²⁵⁸.

Блюдам, изготавливаемым рыбаками, посвящена отдельная глава. Наиболее распространенное традиционное блюдо каракалпаков из рыбы – уха с клецками из джугарной или просяной муки *қарма балық*. Любили рыбу и в жареном виде *балық куўырдақ*. Очень распространена была также уха *балық сорпа*. Свообразным рыбным блюдом у каракалпаков считались хлебцы из икры *уўылдырық нан*²⁵⁹.

Что касается культов, связанных с рыболовством, то сведений о конкретном покровителе нет. Одни респонденты считали, что у рыбаков покровителя не было, другие считали покровителем рыбаков Убби. В целом в культах, связанных с рыболовством и водной стихией, выявляются связи с хорезмской мифологией²⁶⁰.

Объектом изучения в 1981–1985 гг. стало сочетание традиций и инноваций в быту каракалпакской сельской семьи. Перемены, произошедшие в быту каракалпаков, особенно наглядно проявились в свадебной обрядности, которая дает возможность выявить довольно существенные отличия современной свадьбы от традиционной. Ученые отмечают значительное сокращение продолжительности свадьбы. Совершенно новыми стали формы развлечений на свадьбе²⁶¹.

В 1986–1990 гг. этнографами разрабатывалась проблема отражения этнических процессов в семейном быту народов Каракалпакстана²⁶². Основная задача исследования заключалась в выявлении закономерностей в исторических и современных процессах формирования и развития культуры в многонациональной среде. Было установлено, что исходным при этом является положение о

258 Утемисов А. Каракалпакстан балықшылары. С. 50.

259 Утемисов А. Каракалпакстан балықшылары. С. 54.

260 Этнография каракалпаков. С. 176–204.

261 Отчет отдела этнографии за 1981–1985 гг. «Новое и традиционное в быту сельской семьи каракалпаков». Нукус, 1985 // РФ ФБ ККО АН РУз. Р–110.

262 Отчет отдела этнографии за 1986–1990 гг. «Отражение этнических процессов в семейном быту народов Каракалпакстана». Нукус, 1990. 593 с. // РФ ФБ ККО АН РУз. Р–110.

подвижности, изменчивости культуры, в том числе ее этнического и этнографического слоя. Важен также тезис о преемственности в развитии этнической культуры. Следовательно, возможность проникновения в сущность культурного явления возрастает при условии восприятия этнокультурных процессов разных эпох как непрерывной цепи исторического развития с глубокой древности до современности. Эти же явления наблюдаются в формировании этногенеза и этнического состава народов Приаралья, в частности, каракалпаков²⁶³.

Резьба по дереву – один из самых древних видов народного художественного ремесла. Резьба была широко распространена в быту каракалпаков, убранстве юрты, ее декоративной отделке. Резьбой покрывали двери, обкладки очага, шкафчики, подставки, изредка кровати и другую утварь. И.В. Савицкий, описывая особенности резьбы у каракалпаков, отмечает, что ею украшали орудия труда, поверхность шкатулок для инструментов и ящичков для ножей, ступки для жевательного табака, рамы ткацкого станка и многое другое. Для резьбы чаще всего использовали иву *ақ тал*, древесина которой отличалась мягкостью и легкостью. По сведениям мастеров, иву высушивали в течение от года до 50 лет. Поверхность филенки, предназначавшейся под резьбу, обрабатывалась начисто только с лицевой стороны. При этом лицевую поверхность не доводили до идеальной гладкости, сохраняя фактуру самого дерева и легкие следы инструмента, оставшиеся после обработки поверхности²⁶⁴.

Анализ мастерства по деревообрабатывающему производству позволяет, несмотря на неполноту сведений, проследить специфику технических приемов и изделий каракалпакских мастеров. Сравнительный анализ трудовых навыков, техники, характера изделий, показывает сходные черты многих элементов хозяйственного опыта и культуры каракалпаков с хозяйственно-культурными традициями других народов Средней Азии и Казахстана.

Ткачество у каракалпаков считалось исключительно женским ремеслом. Ткали на станках *қозақ*, *өрмек* разнообразные изделия: материалы для женских платьев *бөз алаша*, *шатыраш*, шерстяные и полушерстяные ткани. Кошмы и ковры изготавливались также женщинами. Почти во всех районах, пишет С.К. Камалов, было распространено производство циновок *ший*, *бойра* и *шыпта*. *Ший* служили для покрытия снаружи стен юрты. *Бойра* представляла собой плетеную циновку из расщепленных стеблей тростника, *шыпта* выделывали из стеблей рогозы *жекен*²⁶⁵. Т.А. Жданко, изучая народное орнаментальное искусство каракалпаков, указывает, что каракалпакские ковровые изделия бывают как ворсовыми, так и безворсовыми, однако особенно распространен «комбинированный» тип изделий, в котором на фон безворсовой гладкой ткани наносится

263 Есбергенов Х.Е. Современные формы брака и семьи у каракалпаков // Вестник КК ФАН УзССР. 1983. №1. С. 60-65; его же: Вопросы этнической истории и традиционной культуры каракалпаков. 1989. С. 53-76.

264 Савицкий И.В. Резьба по дереву. Ташкент, 1968. С. 38-39.

265 Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII-XIX вв. С. 108.

ворсовый рельефный орнамент. Т.А. Жданко дает подробное описание техники изготовления ковровых изделий. Подробно описаны безворсовые (*дизбе, палас*) и ворсовые (каршин, есик кас) ковровые изделия, их назначение в быту, мотивы орнамента, цвета. Упомянув орнамент «шуйт нагыс», название которого указывает на его принадлежность к каракалпакскому роду шуйт, она предполагает, что орнамент каракалпакских каршинов мог быть в прошлом отличным у каждого племени, как это прослеживается у туркмен²⁶⁶.

Ковровыми изделиями пользуются при установке юрты. Для опоясывания юрты используется *қызыл баскур* – безворсовый узорный пояс из окрашенной в красный цвет черной хлопчатобумажной нити, или *ақ баскур* – длинный широкий пояс, на белой ковровой хлопчатобумажной основе которого выткан ворсовый орнамент с преобладанием красных и коричневых тонов. При креплении *уўық* используют *дизбе* – узкую орнаментированную тесьму, сотканную из хлопчатобумажных нитей с орнаментом из черной шерсти²⁶⁷.

Гончарное ремесло каракалпаков было не столь развито как у узбеков, однако в конце XIX – начале XX оно испытывало период своего подъема. Гончарное производство было сосредоточено в городах Ходжейли, Чимбай, Кунград и удовлетворяло, в основном, потребности земледельцев. Гончары *гүлалшы* изготавливали различные сосуды и иные предметы быта: *хум* для воды, *тас гүзе* – для хранения молока, *дигир* или *шыгыр гүзе* – для водоподъемных сооружений, *бадия табақ* с орнаментом и разнообразные *тас табақ* без орнамента – для пицци, маслобойки, кувшины – для омовения, светильники, *тубек* – для детской колыбели, *гүлал тандыр* и др.

На современном этапе большинство каракалпакских ремесел практически забыто. Это связано не только с забвением традиций в ремесленном производстве, но и со сложностью нахождения природных материалов, традиционно использовавшихся ремесленниками. Так, многие каракалпаки хотели бы сохранить в быту юрту в качестве удобного летнего жилища, но с оскудением вод Амударьи стало трудно заготавливать таловые жерди, чий для циновок.

При изучении семейной обрядности обязательно рассматривался классический для этнографии объект – свадебные и поминальные обряды, а также обряды, связанные с рождением и воспитанием детей. Некоторые вопросы семейных отношений рассмотрены в трудах А.С. Морозовой²⁶⁸, Т.А. Жданко²⁶⁹, С.К. Камалова²⁷⁰. Отдельные вопросы форм брака, а также новое и традиционное в брачных отношениях затрагиваются в работах Х.Е. Есбергенова²⁷¹.

²⁶⁶ Жданко Т.А. Каракалпаки. Народы средней Азии и Казахстана // Народы мира. Т. I. М., 1962. С. 390.

²⁶⁷ Жданко Т.А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. С. 106.

²⁶⁸ Морозова А.С. Следы древних форм семьи у каракалпаков. С. 118-123.

²⁶⁹ Жданко Т.А. Каракалпаки. Народы Средней Азии и Казахстана. С. 498.

²⁷⁰ Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII-XIX вв. С. 153-154.

²⁷¹ Есбергенов Х.Е. Современные формы брака и семьи у каракалпаков // Вестник КК ФАН УдССР. 1983. №1. С. 60-65.

Изучение семейно-бытовых обрядов показало, что особенно устойчиво традиция соблюдается при таких важных событиях семейной жизни, как рождение ребенка, свадьба, похороны. Обряды выполняли различные функции, в том числе воспитательные. В процессе трансформации общественной жизни обряды подвергаются изменениям. Поэтому историко-этнографическое изучение обрядов имеет теоретическое и практическое значение. В теоретическом аспекте можно получить сведения, которые необходимы для выяснения истории общественного строя, развития духовной жизни того или иного народа, его этногенеза, ибо все это в той или иной степени находит свое отражение в народных представлениях, обычаях и обрядах.

Использование данных фольклора в качестве источника для восстановления истории того или иного народа или для выяснения сведений о жизни удаленных территориально народов имеет давнюю традицию. Х. Есбергенов и Ж. Хошниязов, в работе, посвященной изучению фольклора в этнографическом аспекте, отмечают, что произведения устного народного творчества каракалпаков, в частности, «Шежире», представляют большой интерес, так как содержат богатейшие сведения по истории и этнографии каракалпакского народа. В них отразились обычаи, мировоззрение, быт, религиозные представления каракалпакского народа²⁷².

Анализ произведений фольклора свидетельствует о том, что одним из предполагаемых мест формирования этногенеза каракалпаков наряду с низовьями Сырдарьи следует считать и левобережье Амударьи. Приведем строки из «Шежире» Бердаха, созданного им по мотивам народных сказаний:

*Мәликтиң узлы Разы-ҳақ,
Яшлығында қойды гуллақ
Кийген екен қарақалпақ,
Шундың «қалпақ» болған екен²⁷³.*

Сын Малика Разы хак,
В детстве носил хохол,
Он носил черную шапку,
И был назван каракалпак.

Авторы исследования предположили, что каракалпаки являются потомками Малика. По эпиграфическим данным Северного Кавказа, относящимся к XIV в., Малик является потомком Коркута — героя огузского эпоса. Огузские племенами, принимали участие в этногенезе каракалпаков, жили в Мангышлаке и Балхане, что восточнее побережья Каспийского моря, и подчинялись государю Ургенча. В

272 Есбергенов Х., Хошниязов Ж. Этнографические мотивы в каракалпакском фольклоре. Ташкент, 1988. С. 14.

273 Бердақ. Шежире. Нөкис. 1993. С. 3-4.

«Родословной туркмен» А.Н. Кононова встречаются сведения о том, что Ургенч, Балхан и Мангышлак принадлежали золотоордынскому хану Жанибеку, правившему в 1342–1357 гг.²⁷⁴. Указанная территория частично совпадает с современной территорией расселения каракалпаков. В среде каракалпаков до сих пор сохранились предания о золотоордынском хане Жанибеке.

Изучая произведения фольклора, Х. Есбергенов обнаруживает, что экзогамность брака способствовала сохранению фольклорных сюжетов в обрядности. Так, он предполагает, что предание «Жийдели Байсын» и эпос «Қырық қыз» записаны среди этнической группы *коньрат*. А сказания о родине каракалпаков в Крыму, на Урале, берегах Волги, Туркестане и др., записаны в основном среди этнической группы *он торт уру*²⁷⁵.

В следующей своей работе, Х. Есбергенов, отмечает, что в произведениях устного народного творчества (легенды, сказки, стихи) зачастую отражены конкретные исторические события. В частности, в легендах, записанных Т.А. Жданко и У. Кусекеевым, упоминается о пребывании каракалпаков в местности Улы-тау, расположенной за пределами современных границ Республики Каракалпакстан. Это предание, как отмечает ученый, содержит в себе известную долю истины²⁷⁶.

Аналізу эпического наследия каракалпакского народа посвящены работы Л.С. Толстовой. В процессе его изучения ею были выяснены многочисленные данные об этногенезе, этнической истории и традиционной бытовой культуре народов Южного Приаралья с древнейших времен до сегодняшних дней. Ею было опубликовано несколько статей по этой тематике, а итог многолетних изысканий был подведен в монографии, охватывающей обширную территорию (западную часть средней Азии, Поволжье, Иран, Афганистан) и имеющая значительные временные рамки²⁷⁷. Книга отразила чрезвычайно широкую эрудицию автора и стала ценным вкладом в этногенетические исследования Каракалпакстана. Изучение богатейшего исторического фольклора с привлечением данных исторических источников, археологии, этнографии, антропологии, лингвистики и ономастики, позволило Л.С. Толстовой открыть немало новых свидетельств древности этнических и культурных контактов народов южного Приаралья – предков хорезмских узбеков, туркмен, некоторых групп каракалпаков – со странами Передней Азии и Закавказья, реконструировать ряд происходивших в отдаленные времена миграций. В работе поставлено множество

274 Есбергенов Х., Хошаниязов Ж. Этнографические мотивы в каракалпакском фольклоре. С. 15.

275 Есбергенов Х.Е. Каракалпаки в левобережной дельте Амударьи по данным исторического фольклора // Вестник КК ФАН УзССР. 1982. №2. С. 57-62.

276 Есбергенов Х.Е. Произведения фольклора и некоторые вопросы истории каракалпаков (XVI-XVIII вв.) // Вестник КК ФАН УзССР. 1981. №1. С. 64-68.

277 Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья (К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона). М., 1984. С. 142-200.

проблем, относящихся к другим хронологическим периодам истории народов Приаралья, и жанрам фольклора, которые требуют разрешения²⁷⁸.

Л.С. Толстова изучала и систематизировала литературные и фондовые источники по историко-этнографическим материалам для Атласа по земледелию и ирригации Каракалпакии²⁷⁹. Изучая этнонимы каракалпаков и связанные с ним произведения фольклора, исследовательница, выяснила различные компоненты этногенеза каракалпаков. Так, касаясь этнонима *мүйтен*, она писала: «Основной этноним названия «митан» ведет нас на Переднеазиатский Восток. Он связан с названием народа матиены, обитавшего в VI в. до н.э. – I в. н.э. в ряде мест Закавказья, а также в Приурмийском районе. О генетической связи античных матиенов с современными мюйтенами свидетельствует не только идентичность этнонимов, но и целый ряд других признаков. Этноним «матиены», признают некоторые историки, был связан с названием древневосточного государства Митанни»²⁸⁰.

Таким образом, изучение духовной культуры, в том числе фольклора, может служить в выяснении местности, где происходили этапы формирования этногенеза.

Научные разработки сотрудников отдела позволили дополнить исследования этнокультуры каракалпаков по базовым характеристикам, обосновать ряд положений о специфике этнокультурного развития Каракалпакистана. В частности, относительно того, что в исламе каракалпаков сохранились многие доисламские верования и обычаи. Об этом свидетельствуют данные культовых сооружений *обо*²⁸¹ и мазара Шамун-наби²⁸². Ученными установлено наличие в религиозных верованиях каракалпаков традиций зороастризма, христианства, буддизма, иудаизма, шаманства. В распространении же ислама определенную роль сыграли мечети и медресе.

Были продолжены исследования вопросов хозяйства, а также верований и обрядов, связанных со скотоводческими культурами. Собрана и подвергнута анализу литература по изучению жилища. Изучены ремесла и промыслы каракалпаков. Конкретными материалами были подтверждены выводы о том, что народные знания (земледельческий календарь, народная медицина, народная агрономия), бытующие с древнейших времен, также продолжали свое существование.

278 Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья.

279 Толстова Л.С. Историко-этнографические материалы для атласа по земледелию и ирригации в Каракалпакии // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С. 180-187.

280 Толстова Л.С. Этнографическая группа «митан» в составе узбеков Самаркандской области (к вопросу этногенеза). С. 54-59.

281 Есбергенов Х. «Обо» в Каракалпакии и их этнографические параллели // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 1984. С. 362-366.

282 Есбергенов Х., Ягодин В.Н. Некоторые итоги изучения мазара Шамун наби // Вестник КК ФАН УзССР. 1966. № 4. С. 48-53.

В последующие годы продолжались исследования по вопросам семьи, семейных отношений, изучению литературного наследия каракалпакского народа, образовательных процессов в учебных учреждениях.

Оценивая положительно достижения ученых, все же необходимо отметить, что, несмотря на широкий спектр исследовательских работ, некоторым вопросам, на наш взгляд, не было уделено должного внимания. Так, несмотря на имеющиеся многочисленные исследования об одежде, каракалпакский костюм как единый комплекс не был изучен в полной мере. Традиционная пища тоже не стала объектом специального изучения.

Не были вовлечены в сферу интересов ученых такие перспективные направления, как рассмотрение этнокультурных взаимодействий, изучение культуры и быта народов Каракалпакстана в контексте центральноазиатской цивилизации, исследование современных этнодемографических процессов.

Этнографические исследования современного Каракалпакстана

Большим событием в жизни республики стало преобразование в 1991 г. Каракалпакского филиала АН УзССР в Каракалпакское отделение АН Узбекистана. Руководителем отделения был избран академик АН Узбекистана С.К. Камалов.

В 1991 г. в состав отделения входили четыре научно-исследовательских института – Институт истории, языка и литературы, Комплексный институт естественных наук, Вычислительный центр и Ботанический сад. Уделялось большое внимание совершенствованию состава и структуры Каракалпакского отделения. Открытие в апреле 1994 г. постановлением № 18 К.015.30.21 Президиума ВАК Республики Узбекистан Специализированного Совета по защите кандидатских диссертаций способствовало росту числа высококвалифицированных научных кадров. За период с 1992 по 2002 гг. было подготовлено 7 специалистов-этнографов.

Основным, если не сказать главным, направлением этнографических исследований конца XX – начала XXI в. стало изучение этнографии современности. Здесь будет уместно обратиться к определению, данному Ю.В. Бромлеем понятию «этнография современности» и «современная этнография», где в первом случае возможно двоякое толкование «современности». Известно, что современные явления могут изучаться для реконструкции прошлого, и такого рода ретроспективная направленность исследований весьма часто встречается в этнографии. Однако наряду с этим этнографами ведутся также исследования, рассматривающие современность как живую, функционирующую действительность. Именно в последнем случае мы имеем дело с этнографическими исследованиями современности в прямом смысле этого слова²⁸³.

Данная проблема – изучение современности как живой, функционирующей действительности – заняла центральное место в научно-исследовательских

283 Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // СЭ. 1977. № 1. С.4.

работах. Значительных результатов достигло изучение формирования новой обрядности, роли обрядов в современном обществе. Внимание этнографов привлекают традиционные обряды, которые значительно сократились и изменились в соответствии с требованиями времени, а также сохранение некоторых элементов старинных обрядовых действий, утративших прежний смысл.

Города Каракалпакстана в историко-этнографическом аспекте стали изучаться недавно. При изучении городской культуры одной из приоритетных задач становится изучение национально-культурных и национально-социальных проблем. Такая задача обусловлена потребностями современности. В рамках проблемы внимание акцентируется на таких вопросах, как история формирования, складывания и динамики национального состава населения городов, а также другие аспекты этнодемографии. При исследовании этих проблем учитывается полиэтничность городов, проблемы этнотерриториального характера, а также классификация городов не только по фактам первоначального и последующего их назначения (торговые, промышленные, административные и т.д.), по социальному составу и т.д., но и с учетом этнодемографических и этнотерриториальных аспектов.

Современные этнокультурные процессы в городах Каракалпакстана стали объектом изучения в 1991–1993 гг. Города Каракалпакстана в начале XX в. стали средоточием этничности, особенно этот процесс усиливается со второй половины XX в. Очевидно, это связано с экологическим кризисом в Приаралье²⁸⁴. В результате исследования современных этнокультурных процессов учеными выявлено, что традиционность в разных сферах быта обнаруживает себя по-разному. Это особенно заметно в области материальной культуры: здесь традиционности меньше, чем в духовной культуре. Сведения, полученные этнографами о происхождении городов, этнических процессах, занятости горожан, общественной жизни населения, обычаях и обрядах, семье и домашнем быте горожан, свидетельствует об этнокультурных процессах, происходящих с древнейших времен до наших дней. В частности, история формирования городского населения ведет нас в недра первобытнообщинного строя к системе расселения, сложившегося в древнейших оседло-земледельческих обществах. Результатом исследования стала публикация статей освещающих историю поселений, крепостей, городищ, расположенных в левобережной дельте Амударьи²⁸⁵.

Статья Х. Есбергенова «Чильпык» посвящена анализу культового сооружения, расположенного на правом берегу Амударьи. Ранее этот памятник неоднократно подвергался исследованию. Так, С.П. Толстова высказывал мнение, что Чильпык представляет собой культовое сооружение, возможно дахму, где умершие предоставлялись действию атмосферы и птиц, после чего кости собирались

284 Отчет отдела этнографии за 1991-1993 гг. «Современные этнокультурные процессы в городах Каракалпакстана». Нукус, 1993. 861 с. // РФ ФБ ККО АН РУ. Р-110.

285 Есбергенов Х. Қоңырат (тарихый хэм мәдений естеликлер). Нөкис, 1993.

в оссуарии и переносились в места «постоянного погребения»²⁸⁶. Позднее это было археологически подтверждено Ю.П. Маньловым²⁸⁷. Х. Есбергенов же на основе своих полевых этнографических материалов выдвигает весьма спорный тезис о том, что он служил моленной зороастрийцев в конце I тысячелетия до н. э. – I в. н. э.²⁸⁸

Традиционные ремесла и промыслы каракалпаков стали объектом изучения А. Утемисова. Ремесло у каракалпаков передавалось из поколения в поколение и играло значительную роль в комплексном хозяйстве, обеспечивая сельскохозяйственными орудиями, водоподъемными сооружениями, средствами транспорта, одеждой, предметами хозяйственной утвари и т.д. У каракалпаков были свои ремесленники: кузнецы *темириши уста* или *шойынышы*, плотники *агаши уста*, седельники *ерши*, сапожники *етикиши*, шапочники *малақайшы*, шубники *тошышы*, ювелиры *зергер* и т.д. Ткачество, ковроделие, кошмоваляние было занятием женщин. Несмотря на развитие промышленности в начале XX в., ремесла и домашние промыслы продолжали существовать. Нужно отметить, что каракалпакские ремесленники работали всегда или почти всегда на заказ и не теряли связи с сельским хозяйством. Мастерам платили за их труд обычно натурой – зерном, скотом или сырьем, необходимым для их производства; деньгами расплачивались редко. В то же время в некоторых местностях сохранялась и более архаичная система оплаты труда ремесленников: мастер, считался членом аульной общины и за обслуживание жителей аула, община выделяла ему определенную долю урожая. При этом размеры оплаты его труда обычно устанавливал аксакал аула.

Описывая работу кузнецов, Утемисов отмечает, что кузнечное ремесло у каракалпаков существовало издавна. Кузнецы имели специально оборудованные инструментами кузницы *дукан*. У них существовали свои уставы *рисале* и веками выработанный режим труда, которого строго придерживались. Перед началом работы кузнец совершал установленный ритуал: молился богу и просил милости и удачи у святого – покровителя кузнечного дела Хазрети Даута. Профессия кузнеца у каракалпаков передавалась по наследству от отца к сыну или младшему брату, а иногда кузнец брал ученика из семей ближайших родственников. После завершения обучения ремеслу ученик устраивал у себя дома ритуальное угощение учителю. На этой церемонии приглашали муллу, других мастеров и стариков аула. После прочтения муллой молитвы учитель давал ученику благословение *патия* на самостоятельную работу в качестве мастера²⁸⁹. Сырье кузнецам обычно поставляли заказчики. Металл ввозился из России, занимая в русско-хивинской торговле середины XIX в. значительное место.

286 Толстов С.П. Древний Хорезм. М.-Л., 1948. С. 71-72.

287 Маньлов Ю.П. Новые данные о погребальном обряде Хорезма первых веков нашей эры //

Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981. С. 55.

288 Есбергенов Х. Чильпык // Вестник ККО АН РУ. 1999. № 2. С. 98-100.

289 Утемисов А. Каракалпаклардың өнер-кәсіптери. Нөкис, 1991.

Особенно большой спрос был на медь и железо, так как местные мастера сами производили почти все орудия производства традиционных типов и форм, например, сошники, кетмени, лопаты, топоры, серпы²⁹⁰.

В XIX – начале XX вв. у каракалпаков было развито ювелирное искусство. Изготавливали, главным образом, женские украшения (серьги, браслеты, кольца, нагрудные украшения и др.), мужские пояса, а также украшения для седел и конской сбруи и др. Изделия мастеров, работавших с золотом и серебром, пользовались большим спросом. В конце XIX – начале XX вв. почти в каждом крупном ауле имелся свой ювелир. Спрос населения на украшения был большой, поэтому заказчику приходилось иногда несколько месяцев ждать выполнения своего заказа. Отличия в изделиях *зергер* были незначительны – обычно разные мастера делали одинаковые украшения, не специализируясь на каком-либо одном виде. Учиться у мастера приходилось очень долго, иногда до 10 лет. Поэтому каракалпакские мастера, по возможности, стремились начинать обучение сложному ремеслу своего сына, либо сына близкого родственника с ранних лет²⁹¹.

Изучались этнографами особенности бытового уклада каракалпакской семьи, ее современные формы, состав, детность, взаимоотношения старшего и младшего поколений. В процессе обследования, проведенного при изучении семьи в Нукусе и Чимбае, было выявлено, что образ жизни, семейные традиции оказывают влияние и на процесс воспитания детей. В каракалпакской семье наблюдается прочная установка на ведущую и контролирующую роль старшего поколения в воспитательном процессе²⁹².

Что касается традиционной, обрядности детского цикла, в том числе магической, то, как показало исследование И.М. Садгян, наибольшая ее концентрация приходится на период младенчества, особенно сорокадневие *шилле*²⁹³.

Образ жизни каракалпакского народа, обусловленные им формы, методы и приемы трудового воспитания детей XIX – начала XX вв. стали объектом изучения Т.Х. Есбергеновой. Ею дана характеристика форм традиционного трудового воспитания, проведен ретроспективный анализ его эволюционного процесса. В народной педагогике находят отражение материальная и духовная культура народа, природно-географическая среда, семейный быт и др.²⁹⁴. Т. Есбергенова отмечает, что истоки воспитания подрастающего поколения, в том числе трудо-

290 Өтемисов А. Каракалпаклардын өнер-кәсіплери. С.15.

291 Өтемисов А. Каракалпаклардың өнер кәсіплери. 1991. С.27-28.

292 Садгян И.М. Некоторые вопросы воспитания детей в современной семье каракалпаков (по материалам этнографических экспедиций в городах Нукус и Чимбай ККАССР) // Узбекистан: страницы истории. Ташкент, 1991.

293 Садгян И.М. Уход за младенцем в каракалпакской семье // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988-1989 гг. Часть 2. Алма-Ата. 1990.

294 Есбергенова Т.Х. Об истоках традиционного трудового воспитания детей у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 3. С. 85-89.

вого, связаны с половозрастным делением общества, которое прослеживается с глубокой древности. Трудовое воспитание девочек, например, явилось прерогативой матери. Обучение девочек домашним промыслам у каракалпаков носило массовый характер и охватывало более широкий диапазон хозяйственной деятельности по сравнению с мальчиками. Привлечение девочек к труду начиналось тоже раньше, уже с шести-семилетнего возраста, в то время как мальчиков – с восьми-девяти лет²⁹⁵. Передача жизненного и практического опыта от старшего поколения младшему – одно из самых необходимых условий деятельности любых этнических общностей. В этом отношении народы отличаются друг от друга, видимо, только в частных вопросах, деталях, методах и средствах воспитания, которые обусловлены специфическими особенностями хозяйства, степенью развития тех или иных отраслей производства. А они, в свою очередь, естественно, зависят от социально-экономического, культурного и политического развития, природно-географической среды, исторического пути, пройденного народом, а также от образа жизни, обычаев и традиций, национального характера²⁹⁶.

Одним из ведущих направлений современных научных исследований остается разработка фундаментальных вопросов традиционной культуры каракалпакского народа. В рамках данной проблемы разрабатываются традиционное жилище каракалпаков во всем многообразии его проявлений: усадьбы и дворы, жилище, хозяйственные, бытовые, строительные и конструктивные особенности, архитектурный декор, внутренняя планировка и интерьер жилища. Исследуется генезис отдельных построек и сооружений.

Поселения и традиционное жилище каракалпаков XIX – начала XX веков в низовьях Амударьи рассматривались в работах Н.А. Глеубергеновой. Ею проанализированы истоки и эволюция традиционного жилища каракалпаков, произведена классификация типов поселений, дана характеристика стационарного и переносного жилищ, рассмотрены обычаи и обряды, связанные со строительством. Прежде чем начать стройку, отмечает Н. Глеубергенова, хозяин приглашает старейшину аула, и они советуют ему, в каком месте и в какое время возводить дом. Не менее важным является выбор строительных материалов, от которых зависит благополучие семьи. По поверьям каракалпаков, строительство дома лучше начинать в среду, четверг или субботу. Обряды и верования, связанные с выбором места, времени и строительного материала для будущего дома являются символическими акциями сохранения жизни, здоровья и благополучия людей, преследуя цель предотвратить обиталище семьи от проникновения в него реальных и воображаемых опасностей²⁹⁷. Рассматривая этнокультурные аспекты юрты каракалпаков, исследовательница отмечает, что это жилище, с

295 Есбергенова Т.Х. Традиционные формы трудового воспитания детей у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 4. С. 140-144.

296 Есбергенова Т.Х. Об истоках трудового воспитания детей у каракалпаков. С. 85.

297 Глеубергенова Н.А. Некоторые обряды и верования, связанные с юртой. С. 101-109.

одной стороны, сохраняет древние традиции, восходящие к ранним историческим эпохам, с другой – постоянно совершенствуется. Трансформация жилища определяется многими факторами: природно-географическими условиями, типами хозяйств, общественным строем, бытовыми и религиозными представлениями. Поэтому его исследование может пролить свет на вопросы этногенеза, этнической культуры, истории народов, их социальной жизни, культурно-бытовых связей на разных этапах исторического развития²⁹⁸. В процессе исследования Н.А. Тлеубергеновой была собрана и проанализирована вся существующая литература, а результатом стала защита кандидатской диссертации. К сожалению, автором мало освещены в работе архивные и полевые материалы; не было затронуто исследованием и внутреннее убранство жилища.

Традиционные верования каракалпаков на основе семейно-бытовой обрядности рассматривались Р.С. Камаловой. Ею выявлены истоки проявления культа животного и растительного мира, культа неживой природы, а также многочисленных образов демонов *пери*, *албасты*, *даў* и т.п. Проанализировав обширный материал по данному вопросу, автор приходит к выводу о том, что этногенез и этническая история, традиционная культура каракалпаков сложилась на территории Приаралья, выясняет древние формы общественного строя, верований, таких как анимизм, тотемизм. Вместе с тем в работе показана синкретичность ислама с перечисленными верованиями²⁹⁹.

В 1994–1996 гг. этнографы обратились к изучению и других народов, проживающих на территории Каракалпастана³⁰⁰. Широко стала разрабатываться тема традиционных форм хозяйства и материальной культуры (жилище, одежда, пища), слагавшемуся веками трудовому опыту, а также почти исчезнувшему циклу верований и обрядов, связанных с традиционными специфическими отраслями производственной деятельности казахов, туркмен, уральских казаков. В рамках этой широкой темы проводились исследования Е. Калбановой, посвященные уральским казакам. Формирование и развитие уральцев как отдельной дисперсной группы проходило на территории Каракалпастана, ныне находящейся в зоне экологического бедствия. Анализ традиционной культуры выявляет степень влияния экологических изменений на специфику традиционной культуры этносов. Рассмотрение ее в этноэкологическом аспекте помогает понять общие для всех народов пути выхода из сложившейся экологической обстановки. Исследовательницей был выяснен процесс формирования и специфика традиционной культуры этой дисперсной этнической группы. Традицион-

298 Тлеубергенова Н.А. Поверья каракалпаков, связанные со строительством жилища // Вестник ККО АН РУз. 1997. № 5. С. 129–130.

299 Камалова Р.С. Историко-этнографические аспекты обрядности. С. 95–96.

300 Отчет отдела этнографии за 1994–1996 гг. «Народы Каракалпастана». Нукус, 1996. 150 с. // РФ ФБ ККО АН РУ. Р–110.

ная культура уральцев рассматривается в контексте ее соприкосновения с культурами народов Каракалпакстана, чему посвящен ряд статей Е. Калбановой³⁰¹.

На изучении семейно-бытовых обрядов казахов низовья Амударьи сосредоточила свое внимание А.Е. Бижанова. Ею отмечено большое научное и практическое значение изучения семейно-бытовых обрядов. Семья, с одной стороны, являясь микроячейкой общества, прямо или косвенно отражает изменения, происходящие в данном обществе, а с другой – сама воздействует на развитие общества и на формирование личности человека, его ценностей, принципов, идеалов, его отношение к культурному наследию, к передаче трудовых навыков и духовных ценностей³⁰².

Изучая семейные обряды казахов, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка, она отмечает содержание в них многочисленных реликтов и верований, связанных с продуцированием, проявлявшиеся в почитании святых мест, посещении порханов, усыновлении детей и др.³⁰³

Плановой темой в 1997–1999 гг. стало изучение духовной культуры каракалпаков в XIX – начале XX вв. Исследователями выяснено, что у каракалпаков устойчиво сохраняются народные знания, религиозные представления, которые отражаются в художественном оформлении утвари, одежды, украшений, орнаментальных и музыкальных мотивах. Были выявлены формы и функции некоторых верований и обрядов, связанных с окружающей средой, в частности, животными. Изучены формы проявления бережного отношения людей к воде, земле, воздуху; определены некоторые формы традиционных обрядов, связанных с обеспечением урожайности, народной агрономией, ветеринарией и т.д. Изучение обрядового фольклора показало, что его исполнители *бахсы*, *жырау* строго придерживаются традиционного стиля, допуская незначительную импровизацию.

Анализ семейных отношений каракалпаков свидетельствует о сохранении различных форм брака и семьи. В них прослеживаются реликты матрилокальности брака, характерные для примитивного общества, которые проявлялись в установке специального жилища *отау* в доме невесты³⁰⁴.

Каракалпакскими исследователями также уделялось внимание изучению образовательного процесса в таких учебных учреждениях, как школа *мектеп* и духовная мусульманская школа *медресе*. Программа обучения включала два

301 Калбанова Е.Е. Традиционное жилище уральских казаков низовьев Амударьи // Вестник ККО АН РУз. 1998, № 2. С. 142-144; ее же: Процессы этнокультурного взаимодействия народов низовья Амударьи (истоки и развитие словарных заимствований) // Вестник ККОАН РУз. 1999. № 1. С. 45-46 и др.

302 Бижанова А.Е. Традиции и инновации в свадебной обрядности казахов низовья Амударьи // Вестник ККО АН РУз. 1998. № 4. С. 97-98.

303 Бижанова А.Е. Обычаи и обряды казахов низовьев Амударьи, связанные с жизнью матери и ребенка // Вестник ККО АН РУз. 2000. № 2. С. 53-55.

304 Отчет отдела этнографии за 1997-1999 гг. «Духовная культура каракалпаков в XIX- нач. XX вв.». Нукус, 1999. 283 с. // РФФБ ККО АН РУз. Р-110.

этапа: религиозный, когда обучали чтению коранических изданий (Хафтияк, Коран), и гуманитарный или литературный, когда обучали чтению произведений поэтов-мыслителей Востока. Особое место в процессе обучения в мектеп уделялось нравственному воспитанию детей. Например, перед тем, как отпустить детей домой, учитель требовал от учеников повторения основных норм поведения: обращаться к взрослым на «Вы», не играть в людных местах и т.п., учил, как вести себя в разных ситуациях. В произведениях Суфи Аллаяра изложены некоторые правила *адаба*. В одном из них говорится о том, что, например, при посещении больного нельзя сидеть у изголовья, а нужно сидеть у ног и говорить о скорейшем выздоровлении.

Программа обучения в *медресе* Каракалпакии была почти такой же, как и в Бухарских и Хивинских *медресе*. Особое внимание здесь уделялось книгам «Фикхи Каидан», «Мухтасар уль Бикая», «Мугайи», «Харакат» и др. По ним будущие муллы изучали мусульманское законоведение, арабскую грамматику, а также произведения таких мыслителей, как Ходжи Ахмед Яссавий, Шах Машраб, Хафиз³⁰⁵.

Некоторое представление о программе обучения в *медресе* мы можем получить по найденной в городе Чимбай мраморной плите, где запечатлены поучения, адресованные ученикам, изучавшим богословие. Из надписи следует, что *медресе* при мечети основал Бекполат из рода *уйгур*. Надпись поучает учеников *медресе* помнить имя дарителя, быть прилежным, слушать главу *медресе мударис*, чтобы получить свет знаний. Ученикам предписывается беречь и благоустраивать учебное помещение, чтобы в дальнейшем оно служило и другим, даются советы, как вести себя на уроке и многое другое³⁰⁶. Наряду с основными нормами ислама, заключенными в Коран и Хадисы, в *медресе* изучались произведения классиков Востока (Физули, Бедиль, Саади, Бакиргани, Махтумкули), арабский язык и арифметика.

В приобретенной Институтом истории, археологии и этнографии ККО АН РУз (ККНИИГН) книге «Ахлак дарслари», по-видимому, представлявшей собой учебное пособие для *мектеп* и *медресе*, имеются сведения о строении человека. Один из разделов посвящен культуре поведения и нравственности. Например, безнравственным считалось встречать посетителя или гостя, не вставая с места. Существование подобных книг свидетельствует о потребности всестороннего развития личности, привития высоких моральных и этических норм³⁰⁷.

В историографических работах М.А. Карлыбаева проанализированы некоторые исследования зарубежных ученых, не вовлеченных в научный оборот

305 Карлыбаев М.А. Медресе в Каракалпакии XIX – начала XX веков. Нукус, 2002. С. 29.

306 Есбергенов Х.Е., Новицкий И.О. Дидактика на мраморной плите из города Чимбая // Вестник ККО АН РУз. 1997. № 5. С. 125.

307 Камалов С.К., Есбергенов Х.Е., Карлыбаев М.А. Нравственное воспитание в мектебах низовьев Амударьи (XVIII-XIX вв.) // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 4. С. 135-140.

широким кругом отечественных специалистов³⁰⁸. В частности, приводится работа М.А. Czaplicka, содержащая сведения о тюркоязычных народах Центральной Азии. Так, автор приводит статистические данные по численности каракалпаков на 1897 и 1911 гг., упоминает их хозяйственную деятельность и др.³⁰⁹ Кроме того, в работе М. Карлыбаева рассмотрены работы таких авторов, как П. Голден, А. Франк, Н. Хуссейн.

В последующие годы в развитии этнографических знаний, как, впрочем, и всей исторической науки республики, наметился некоторый спад. Реорганизационные процессы в самом Институте, закрытие Специализированного Совета, сокращение количества научных сотрудников отрицательно сказались на проводимых научно-исследовательских работах. Перестал пополняться кадровый состав. С 2002 по 2019 г. не было защищено ни одной диссертации по этнографии.

В период с 2007–2011 гг. источниками и этнографами разрабатывается тема «Общество и ислам в современном Каракалпастане». В результате исследования дана оценка места и роли Ислама в культурно-историческом процессе и духовной жизни народов Каракалпастана. Кроме того, изучались вопросы трансформации религиозных представлений и обрядности у народа на современном этапе. Исследователи пришли к выводу, что в массовом сознании ислам сохранился в традиционных обычаях и культах больше как явление культуры и часть образа жизни. Культ святых стал своего рода ячейкой, где ислам сохранился по сей день как система религиозных ценностей. Культ святых, как отмечает М. Карлыбаев, на сегодняшний день приобретает большую актуальность, особый смысл в связи с тем, что ислам получает политическую окраску, когда против «народного» ислама выступает «чистый» ислам³¹⁰.

В 2012–2013 гг. этнографы приступили к исследованию традиционного костюма каракалпаков. Был выпущен фотоальбом «Каракалпацкий костюм». В нем впервые произведен анализ основных тенденций развития традиционного народного костюма в системе культуры XIX–XX вв.; системное описание элементов традиционного костюма как культурно-исторического феномена.

Образ женщины в представлениях каракалпаков стал объектом изучения в 2015–2017 гг. Целью исследования было поставлено выявление роли, отводившейся женщине в формировании внутреннего строя семьи, ее этикетных норм, в функционировании всего обрядового цикла (рождение ребенка, свадьба, похороны).

308 Карлыбаев М.А. Некоторые данные зарубежной историографии по истории каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2007. № 2. С. 62-65; 2008. № 2. С. 80-84.

309 Карлыбаев М. Некоторые данные зарубежной историографии по истории каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2007. № 2. С. 64.

310 Карлыбаев М.А. Роль зияратов в повседневной жизни каракалпаков // Мир ислама. Материалы международной исламоведческой научной конференции. 11-13 декабря. Москва. 2007. С. 126. 126-133

роны, различные праздники); изучение женских образов в верованиях и обрядах каракалпаков.

Традиционная одежда, которая является одним из важных этнокультурных элементов, составляющих основу традиционной национальной культуры, в которой нашли отражение духовность, образ жизни, уровень развития и этническая история каракалпакского народа, также остается одной из актуальных проблем современной этнологической науки. Развитие традиционного костюма тесно связано с этногенезом каракалпакского народа, переплетено с особенностями формирования культурного облика. Исследуются практические функции костюма, тесно связанные с природной средой и экономической организацией общества; производство одежды и обуви, ландшафтно-климатические условия, определяющие использование тех или иных материалов, крой, цветовые предпочтения. Изучаются семиотические функции костюма, которые отражают этносоциальное устройство общества, религиозно-магические представления, политическую организацию, художественно-эстетические воззрения и т.п.³¹¹

Каракалпакский костюм из собрания РЭМ изучался сотрудниками данного музея. В частности, отдельные элементы каракалпакского костюма из коллекции РЭМ рассматривались Е.Л. Кубель³¹² и Л.Ф. Поповой³¹³.

Приспособленность традиционного костюма к природно-климатическим условиям и требованиям социальной стратификации, а также рациональность его использования для осуществления жизненно-важных бытовых процессов освещены в работах Р. Баллиевой³¹⁴. В частности, она отмечает, что в Приаралье сырьем для одежды служила продукция животноводства и земледелия, а также дикорастущие растения. Основным поставщиком хлопчатобумажных тканей для изготовления одежды был Шураханский район. Здесь же было развито шелководство, чему способствовали благоприятные природные условия и оседлый образ жизни³¹⁵.

311 Курбанова З.И. Традиционные верования и представления каракалпаков, связанные с одеждой и украшениями // Вестник антропологии. № 3 (35) 2016, с. 63-72; ее же: Традиционная обувь каракалпаков (конец XIX-первая четверть XX вв.) // Вестник ККО АН РУз. Нукус, 2016, № 4, с. 132-135 и др.

312 Кубель Е.Л. Каракалпакская детская одежда в собрании Российского этнографического музея // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2014-2015 гг. Санкт-Петербург, 2015. С. 182-188; ее же: // Монеты в женском каракалпакском костюме и украшениях (конец XIX-первая четверть XX в. // Богатство и престиж в традиционной культуре. Материалы Тринадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург, 2014. С.251-255; ее же: Каракалпакский текстиль в собрании Российского этнографического музея // КУНСТКАМЕРА № 2 (4). 2019. С. 108-119.

313 Попова Л.Ф., Кубель Е.Л. Нагрудник в девичьем /женском костюме тюркских народов Средней Азии и Казахстана // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2014-2015 гг. Санкт-Петербург, 2015. С.204-210.

314 Баллиева Р. Этнокультурные особенности природопользования народов Приаралья (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

315 Баллиева Р. Каракалпакский этнос и традиционное природопользование // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2003, с. 39.

Каракалпакский женский головной убор *саўкеле* вновь привлекает внимание исследователей в силу открывшихся обстоятельств. Так, были обнаружены еще три экземпляра (ранее были известны 7 *саўкеле* – по 1 в КГМИ им. И.В. Савицкого, Музее истории и культуры РК (ранее Краеведческий музей), 4 в РЭМ, 1 в ГМВ) данного головного убора в частных коллекциях, которым дан развернутый искусствоведческий анализ³¹⁶. В статье проводится сравнительная характеристика этих артефактов, выявляются их параллели и различия.

Другим приоритетным направлением этнологических исследований в Каракалпакстане является изучение роли религии в повседневной жизни народов Каракалпакстана, анализ влияния религиозного фактора в этнологическом, источниковедческом и религиоведческом планах. Данная проблема рассматривает историю распространения ислама в низовьях Амударьи, отношение населения к другим религиям, вопросы толерантности, особенности культуры населения низовьев Амударьи (быт, образование, нравственно-правовая жизнь, архитектура, искусство, суфийские традиции и т.д.).

Особое место в современных исследованиях проблем религии занимает вопрос трансформации религиозного сознания населения и влияния процессов, происходящих в мусульманском мире, на данный регион.

Историко-этнографические аспекты истоков, форм и этапов эволюции доисламских и исламских религиозных представлений (тотемизм, промысловый культ, животные – духи-покровители), а также процесс взаимодействия разных культурных традиций в неоднородной этнической среде рассматривались С. Есбергеновой³¹⁷.

Культ предков у каракалпаков является одной из наиболее живучих традиций и продолжает сохраняться в наши дни у многих каракалпакских родов. Это явление представляет собой важную часть культуры, по своим масштабам выходящую за пределы конкретной религии или комплекса верований. Почитание духов предков основано на представлении о том, что после смерти дух человека продолжает существовать и способен оказывать влияние на живых. В современной духовной жизни каракалпакского народа культ предков сохраняется не только среди старшего поколения, но и у молодежи, активно участвующей в праздничных ритуалах. Однако в последние десятилетия происходит трансформация отдельных традиций и ритуалов, связанных с анимистическими представлениями, в частности с почитанием предков. Причиной таких трансформационных процессов, согласно собранным сведениям, являются глобализационные, урбанизационные процессы, а также изменения в социально-экономической жизни общества³¹⁸.

316 Богословская И.В. Десять каракалпакских саукеле // ЭО. 2014. № 4. С. 108-119.

317 Есбергенова С.Х. Бык в культовой практике каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 4-5. С. 64-68; ее же: Конь в верованиях и эпосах народов Приаралья // ОНУ. 2000. № 2. С. 40-44.

318 Турекеев К.Ж. Традиция почитания духов предков в современных представлениях каракалпаков // Вестник антропологии. 2019. № 4. С. 149-161.

Еще одно направление научных исследований связано с изучением современных этносоциальных и этнокультурных процессов в Республике Каракалпакстан. Особое внимание исследователей привлекают проблемы социальных институтов, которые регламентируют общественное поведение, регулируют взаимоотношение членов общества. Исследование рассматривает разновидности и формы социальных институтов в современном быту каракалпаков, выявляет их функции, классифицирует по мере их значимости, изучает нормы, по которым регулируются родовые взаимоотношения.

Так, результатом исследования явилось не только выявление степени сохранности родового деления каракалпаков, но и его значения в общественной жизни народа. Оно проявляется, как отмечает М. Давлетияров, в таких родовых традициях, как *мурындык ата*, экзогамия, взаимоотношения семейно-родственных групп, в отношениях с родственниками по материнской линии, в обычае избегания³¹⁹. Что касается такого института, как соседская община, то она регулирует взаимоотношения людей вне зависимости от их социального материального положения. Члены одной сельской общины пользуются равными правами и услугами³²⁰.

В поле зрения ученых попал традиционный этикет, изучение которого является одним из интересных вопросов этнологии. Изучение традиционного семейного этикета направлено на выявление закономерностей жизни семейного коллектива, факторов, способствующих сохранению уникальных национальных черт, помогает выяснить идеологическую нагрузку и глубинные корни отдельных правил поведения и общения, составить более полное представление о народе, его нравственно-эстетических воззрениях. Исследования этикета включают в себя этническую информацию, накопленный этический, эстетический и педагогический опыт народа, отражение природно-климатических и географических особенностей местности. Особое внимание уделяется обычаям приветствия при встрече и при совершении некоторых обрядовых действий. В обоих случаях этикет каракалпаков базируется на моральных установках и привычках традиционного общества, на толерантности и благожелательности, свойственных повседневной и церемониальной жизни народа. На первый план, как и у других народов Центральной Азии, выходят принципы половозрастной дифференциации и почитания старших: так, прежде всего должны приветствоваться старшие по возрасту или по социальному статусу³²¹.

Завершая анализ работ по этнографии каракалпаков последних десятилетий, хотелось бы остановиться на работе английских авторов Дэвида и Сью Ричардсон. Масштабная монография снабжена прекрасными иллюстрациями, охватившими все сферы жизнедеятельности народа, начиная с первой четверти XX в.

319 Давлетияров М.М. Традиционные социальные институты каракалпаков. С. 65.

320 Давлетияров М.М. Традиционные социальные институты каракалпаков. С. 125.

321 Утебаев М.Б. Повседневный и церемониальный этикет приветствия каракалпаков // Вестник антропологии, 2019. № 1. С. 88-104.

по современность. Не вдаваясь в подробный анализ всех вопросов, освещенных в работе, хотелось бы остановиться на затронутой ими проблеме этногенеза. Авторы приводят весьма интересные сведения в свете данных популяционной генетики, изучающей генофонд популяций и его изменение в пространстве и во времени. Подобные исследования основаны на свойстве молекулы ДНК периодически мутировать во время репликации самой себя, создавая вероятность того, что ДНК одного поколения может несколько отличаться от ДНК следующего поколения. Из поколения в поколение у отдельных однородных популяций складываются различные последовательности ДНК; это явление известно как генетический полиморфизм. Генетики ищут специфические генетические маркеры, частота которых широко варьирует в разных популяциях. Один из таких маркеров называется гаплотипом, который состоит из определенного шаблона полиморфизмов. Совокупность гаплотипов, объединенных необратимой мутацией, характерной для определенной популяции человека (тюрки, славяне и т.д.) составляет гаплогруппу. Определение гаплогрупп современного населения, сопоставление времени появления генетических маркеров ДНК с данными археологии и этнографии позволяет подойти к изучению этногенеза народов на новом методическом уровне.

Ричардсоны в сжатом виде приводят результаты сравнительных исследований с использованием ДНК каракалпаков³²². Вывод, к которому пришли исследователи ДНК заключается в очевидной генетической близости каракалпаков и узбеков. Каракалпаки близки к узбекам Хорезма, Самарканда, Сурхандарьи и Ферганы больше, чем к другим группам узбеков. Они отличаются от узбеков тем, что у них несколько выше частота генов, происходящих из восточноевропейских популяций, т.е. у каракалпаков большая примесь многолюдности. Как считают авторы исследования, это может быть результатом смешанных браков между каракалпаками и казахами за последние 400 лет³²³.

Сравнение каракалпаков *конират* с казахами Хорезмского оазиса показало генетическую разнородность мужчин и схожесть женщин. По мнению исследователей, объяснение этому факту кроется в экзогамном устройстве общества, где мужчины традиционно остаются на одной территории с рождения до смерти, поэтому их ДНК относительно изолированы и неизменны. Женщины же выбираются из других географических регионов или других этнических групп, поэтому женские ДНК становятся более унифицированными.

322 Spencer Wells, R., et al., 2001. The Eurasian Heartland: A continental perspective on Y-chromosome diversity // Proceedings of the National Academy of Science, vol. 98. pp. 10244-10249, 28 August; Comas et al. 2004. Admixture, migrations, and dispersals in Central Asia: evidence from maternal DNA lineages // European Journal of Human Genetics. 12, pp. 495-504; Raphaëlle Chaix et al, 2004. The Genetic or Mythical Ancestry of Descent Groups: Lessons from the Y Chromosome // American Journal of Human Genetics. 75, pp. 1113-1116; Raphaëlle Chaix et al, 2007. From Social to Genetic Structures in Central Asia // Current Biology 17, pp. 43-48; Heyer et al, 2009. Genetic diversity and the emergence of ethnic groups in Central Asia // BMC Genetics 2009, 10:49

323 Richardson David and Sue. Qaraqalpaqs of the Aral Delta. С. 34.

Сравнение каракалпаков *конират* и *он торт уру* с хорезмскими узбеками показало генетическую близость этих групп. По мнению авторов, эта близость настолько тесная, что дает видимость одного населения, которое сравнительно недавно распалось на три отдельные группы³²⁴.

Известно, что каракалпаки, до их переселения в дельту Амударьи, географически, политически и культурно были очень близки к казахам Младшего Жуза, что предполагало и их генетическую близость, но как показали результаты сравнения ДНК каракалпаков и казахов, последние имеют другую генетическую историю и генетически ближе монголам восточной Азии.

Следующие после узбеков генетически близкие группы к каракалпакам по мужской линии – это уйгуры, крымские татары и казанские татары. По наблюдениям исследователей, явно выделяется генетическая связь между каракалпаками и татарами Нижней Волги³²⁵. Подобные предположения выдвигались и ранее (см. Андрианов. С. 41, Задыхина. С. 48). Этот факт открывает перед этнографами и историками новые перспективы для исследований.

Весьма показательны результаты генетического сопоставления родоплеменных объединений каракалпаков, а также их сопоставления с родоплеменными объединениями казахов и туркмен. Исследованиями зафиксировано ограниченное родство между каракалпаками *арыса конгат* с казахами и туркменами, однако такого родства не зафиксировано между казахами и туркменами с одной стороны и каракалпаками *арыса он торт уру* и хорезмскими узбеками с другой. Также не обнаружено родственных связей между представителями крупных родовых объединений, родственные связи отмечаются только в мелких родовых подразделениях, восходящих к единому предку. В крупных родовых объединениях единого предка не зафиксировано. Это говорит о том, что племенные идеи происхождения и родства во многих случаях мифические.

Чрезвычайно важен вывод о том, что каракалпаки и хорезмские узбеки только сравнительно недавно разделились из одной популяции. Очевидно, что история каждой из этнических групп шла своим путем с момента их сложения в XV–XVI вв. На данный момент можно говорить, что обе группы консолидировались из одного и того же этнического конгломерата.

Таким образом, начиная с 1990-х годов региональные исследователи, наряду с изучением классических проблем этнографии, все чаще обращались к исследованию современности. На данном этапе развития этнографической мысли своевременно поставлены наиболее актуальные проблемы этнографии Каракалпакстана, требующие глубокого, всестороннего изучения и освещения.

324 Richardson David and Sue. Qaraqalpaqs of the Aral Delta. С. 34.

325 Richardson David and Sue. Qaraqalpaqs of the Aral Delta. С. 35.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ этапов становления и развития этнографической науки в Каракалпакстане позволяет утверждать, что этнографические исследования в регионе стали проводиться в первой четверти прошлого столетия. С установлением на территории Каракалпакстана нового строя, правительством стали предприниматься мероприятия по переустройству хозяйства, быта и культуры народа, всего уклада жизни, что требовало серьезного и всестороннего изучения расселения и численности народа, особенностей его социального строя.

1920–1940-е годы характеризуются тем, что этнографии стало уделяться большое внимание. В этот период наблюдается рост научных учреждений, расширяется научно-исследовательская и издательская работа, организуются экспедиции, разворачивается широкая подготовка научных кадров. Но, несмотря на столь бурную деятельность, этот период исследований носил, в основном, собирательный характер. Полученные материалы, частично, подверглись научному анализу, и были опубликованы. Однако увидевшие свет труды составили основу последующих фундаментальных исследований по изучению каракалпакского народа.

К концу 1940-х – началу 1950-х годов во многих автономных республиках, в том числе в Каракалпакстане, сформировались собственные исследователи-этнографы. Именно с этого времени можно говорить о складывании каракалпакской этнографической школы.

Размах этнографических исследований каракалпаков начинается с организации в 1945 г. в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции каракалпакского отряда под руководством Т.А. Жданко. Начиная с этого времени была проделана огромная работа по исследованию истории и этнографии каракалпаков. Эти исследования ценны не только как вклад в историографию каракалпаков, но и как образцовые научные труды, отличающиеся тщательно разработанной методикой собирания полевого материала и критическим анализом источников. Подводя итог многолетним исследованиям Каракалпакского отряда, необходимо подчеркнуть, что результатом изысканий были не только собранные по специально разработанной программе богатейшие сведения о культуре каракалпаков и их соседей. Отряд, как и Хорезмская экспедиция в

целом, явился хорошей школой для подготовки ученых, приобретавших в ходе полевых работ основательный профессиональный опыт и глубокие знания.

Важна роль отряда в подготовке специалистов-этнографов для Каракалпакстана. Академик АН Узбекистана С.К. Камалов, доктора исторических наук Р.К. Косбергенов и У.Х. Шалекенов, кандидаты исторических наук А.Т. Бекмуратова, Х.Е. Есбергенов, Т. Атамуратов прошли обучение в аспирантуре Института этнографии АН СССР и получили профессиональные навыки подготовленного для полевых работ этнографа в Каракалпакском отряде Хорезмской экспедиции.

Отличительной чертой этнографических исследований этого периода стало углубленное стационарное исследование каракалпакского народа.

Для 1945–1980 годов характерно углубленное и систематическое научное исследование культурных традиций и этнографических особенностей в области материальной и духовной культуры каракалпакского народа.

Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской археологической экспедиции собраны богатые полевые, этнографические, фондовые и литературные материалы почти по всем основным вопросам этнографии народов Южного Приаралья. Большая часть материалов, собранных отрядом, хранится в архивах Института этнологии и антропологии Российской Академии наук. Приобретение и изучение этих материалов – одна из основных задач этнографов Каракалпакстана.

Этнографическое изучение каракалпакского народа с 1990-х годов по нынешнее время отличается тем, на первый план выдвигается изучение современных процессов.

Несмотря на широкий спектр исследовательских работ, все же некоторым проблемам не было уделено должного внимания. Хотя традиционная культура являлась объектом изучения на протяжении долгих лет, некоторые ее аспекты все же остались малоизученными. Мало разработанными в отечественной этнографии остались теоретические проблемы. Так, нуждается в проработке разработанная еще советскими учеными концепция хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и историко-культурных областей (ИКО), которая имеет большое значение для понимания общих закономерностей развития культуры в целом, а также складывания ее специфических черт у отдельных народов и в рамках крупных регионов. В первом случае имеются в виду определенные комплексы хозяйства и культуры. Каждый из них одновременно характерен для нескольких народов подчас самых различных частей ойкумены. Хотя эти комплексы складываются самостоятельно у разных народов, они оказываются однотипными в силу сходного социально-экономического уровня развития этих народов и похожих природных условий. Под историко-этнографическими областями подразумеваются отдельные части ойкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития и длительных связей складываются сходные культурно-бытовые особенности. Отметим, что проблема ХКТ и ИКО

имеет существенное значение для этнографии и необходима при исследовании проблем этнической истории, истории возникновения и развития хозяйства и материальной культуры, исторических и культурных связей между народами

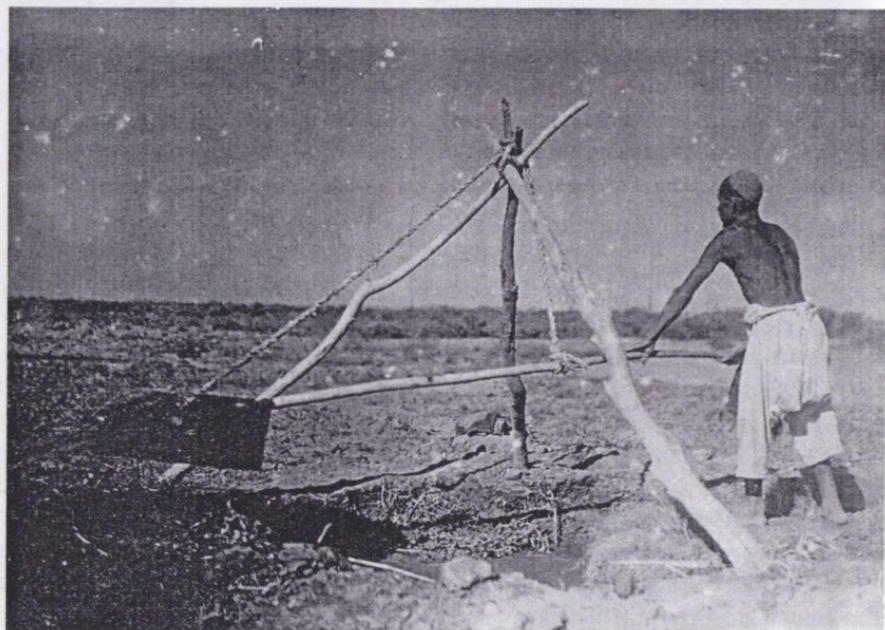
Слабо изученным остался вопрос о древнейших этапах этногенеза каракалпаков. Разрешение этого вопроса мало продвинулось и в настоящее время.

Мультидисциплинарность стала одной из характерных черт современных гуманитарных наук. Историческая наука, в силу многомерности и сложности предмета изучения, традиционно тяготела к мультидисциплинарному подходу. Сейчас наблюдается интенсификация данного процесса. Потребности в новом прочтении уже известных фактов, запросы научного общества и влияние новомодных направлений, проникших или сложившихся в этнологической науке, толкают ученых к поиску нетрадиционных подходов.

С конца XX – первых десятилетий XXI в. в Узбекистане идет процесс формирования национальной этнографической/этнологической школы. Во многом он обусловлен появлением на международной арене независимого государства – Республики Узбекистан. Задачи государственного строительства определили круг важнейших проблем узбекистанской науки. Это установление закономерностей формирования этнической и национальной идентичности жителей молодой страны; определение роли и значения этнических традиций в становлении современной культуры; выявление этнокультурных особенностей регионов и популяризация этнокультурного наследия для туристической деятельности; ряд других проблем, которые изучаются отечественными этнографами на современном этапе.

Рис. 1. Общий вид базара. Чимбайский район. 1928 г. МАЭ РАН № 3795-35.

*Рис. 2. Поливка поля при помощи «Серпе».
Район г. Кунграда. Первая четверть XX в. МАЭ РАН № 1381-66.*

Рис. 3. Подготовка материала для циновки. Чимбайский район. Первая треть XX в. МАЭ РАН № 4076-424.

Рис. 4. Витье веревок. Чимбайский район. Первая треть XX в. МАЭ № 4076-314.

Рис. 5. Точильщик. Первая треть XX в. МАЭ № 4076-440.

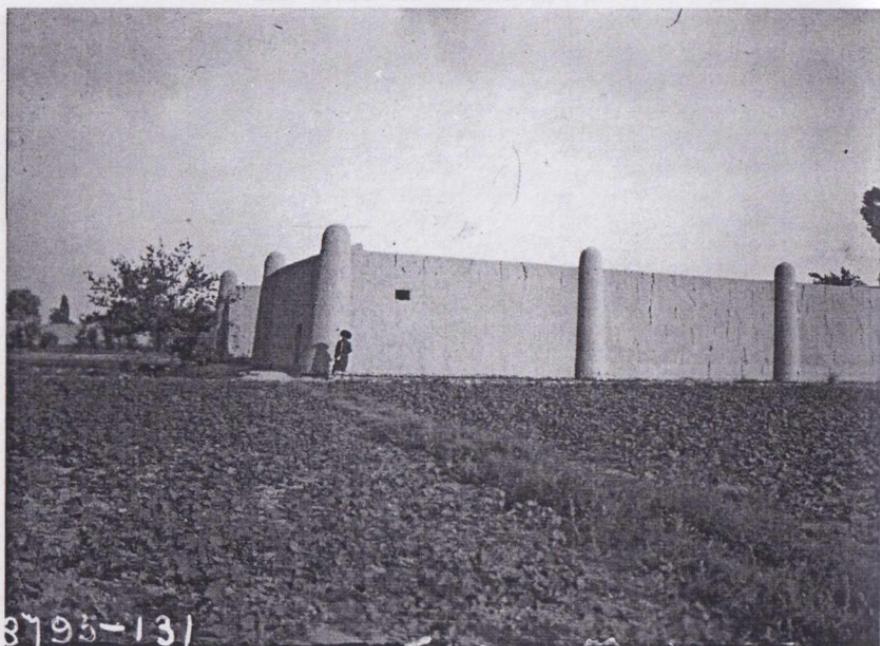

Рис. 6. Вид на усадьбу. Чимбайский район. 1928. МАЭ № 3795-131.

Рис. 7. Р. Ш. Джарылгасинова и щенок.
1950 г. Топрак-кала. Архив ИЭА РАН,
архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.

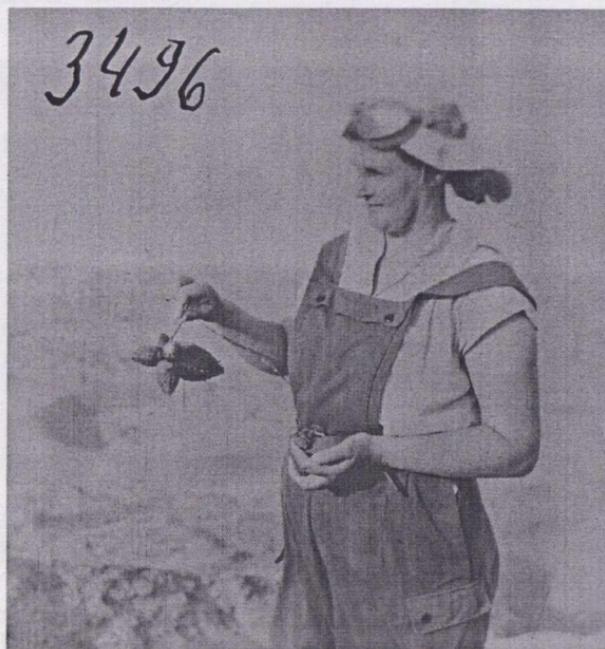

Рис. 8. Т.А. Жданко. 1952
г. Архив ИЭА РАН, архив
ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.

Рис. 9. Б.В. Андрианов. 1950 г. Топрак-кала. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.

Рис. 10. Н.П. Лобачева. 1957 г. Кой-крьлган-кала. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.

Рис. 11. С.П. Толстов с дочерью Ладой. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.

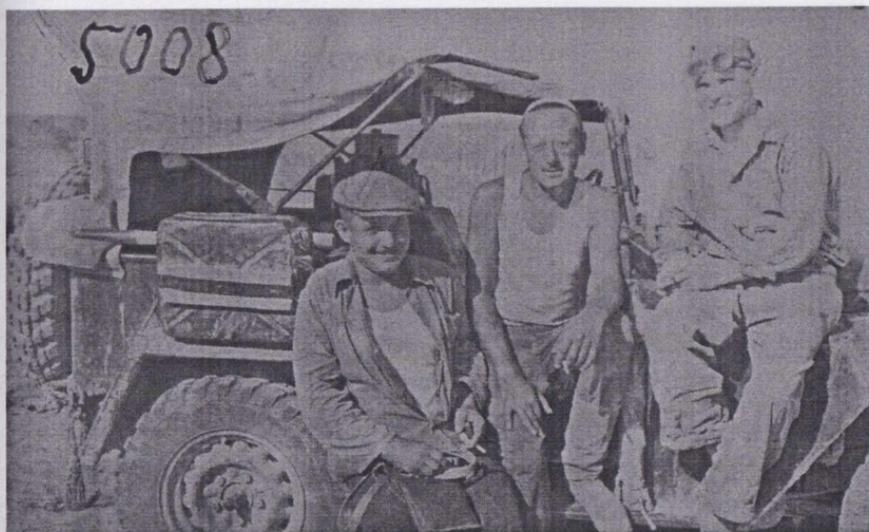
Рис. 12. С. Камалов и Р. Косбергенов. Личный архив С.К. Камалова.

Рис. 13. У. Шалекенов. 1957 г. Кунградский район. Архив отдела этнографии.

Рис. 14. Ю. В. Кнорозов избранные труды. Санкт-Петербург, 2018.

*Рис. 15. Завхоз Пальчевский, Г.П. Снесарев и шофер А. Сергеев. 1953 г.
Кой крылган кала. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.*

*Рис. 16. Х.Есбергенов с
Т.А. Жданко. 1950-е годы.
Личный архив Х. Есбергенова.*

Рис. 17. А. Бекмуратова. 1960-е годы. Кунград.
Машанкол. Личный архив А. Бекмуратовой.

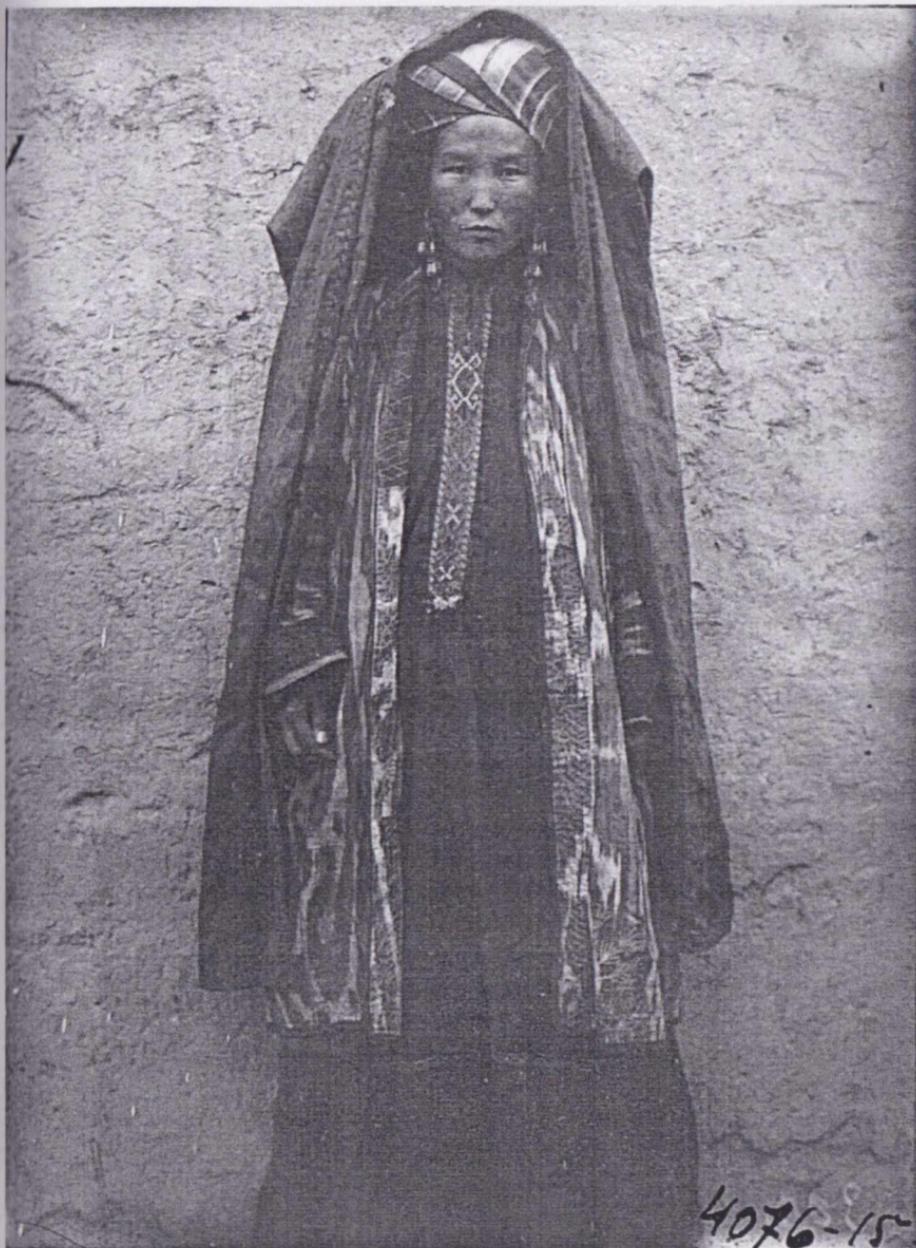

Рис. 18. Молодая женщина в традиционном выходном костюме. МАЭ № 4076-157.

Список иллюстраций:

- Рис. 1. Общий вид базара. Чимбайский район. 1928 г. МАЭ № 3795-35.
- Рис. 2. Поливка поля при помощи «Серпе». Район г. Кунграда. Первая четверть XX в. МАЭ № 1381-66.
- Рис.3. Подготовка материала для циновки. Чимбайский район. Первая треть XX в. МАЭ № 4076-424.
- Рис.4. Витье веревок. Чимбайский район. Первая треть XX в. МАЭ № 4076-314.
- Рис. 5. Точильщиц. Первая треть XX в. МАЭ № 4076-440.
- Рис.6. Вид на усадьбу. Чимбайский район. 1928. МАЭ № 3795-131.
- Рис.7.Р. Ш. Джарылгасинова и щенок. 1950 г. Топрак кала. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.
- Рис.8. Т.А. Жданко. 1952 г. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.
- Рис.9.Б.В. Андрианов. 1950 г. Топрак кала. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.
- Рис.10.Н.П. Лобачева. 1957 г. Кой крылган кала. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.
- Рис.11. С.П. Толстов с дочерью Ладой. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.
- Рис.12.С. Камалов и Р. Косбергенов. Личный архив С.К. Камалова.
- Рис. 13.У. Шалекенов. 1957 г. Кунградский район. Архив отдела этнографии.
- Рис.14.Ю.В. Кнорозов избранные труды. Санкт-Петербург, 2018.
- Рис.15.Завхоз Пальчевский, Г.П. Снесарев и шофер А. Сергеев. 1953 г. Кой крылган кала. Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8.
- Рис.16. Х.Есбергенов с Т.А. Жданко. 1950-е годы. Личный архив Х. Есбергенова.
- Рис.17. А. Бекмуратова. 1960-е годы. Кунград. Машанкол. Личный архив А. Бекмуратовой
- Рис.18. Молодая женщина в традиционном выходном костюме. МАЭ № 4076-157.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- Айымбетов Қ.* Халк даналығы. Өткен күнлерден елеслер. Нөкис: Қарақалпақстан, 1988. 491 с.
- Ахмедов Б.* Ўзбек улуси. Тошкент: Мерос, 1992. 149 с.
- Әжинияз* (Таңламалы шығармалары). Нөкис: Қарақалпақстан. 1994. 116 с.
- Бердақ.* Таңламалы шығармалары. Нөкис: Қарақалпақ мамлекетлик баспасы, 1956. 278 с.
- Бердақ.* Шежире. Нөкис: Қарақалпақстан. 1993. 36 с.
- Есбергенов Х.Е.* Қарақалпақлардың гейпара дәстүрлері хақында. Нөкис: Қарақалпақстан, 1964. 105 с.
- Есбергенов Х.Е.* Қоңырат. Тарихый хәм мәдений естеликлер. Нөкис: Билим, 1993. 104 с.
- Қарақалпақ фольклоры.* Қырқ кыз. Нөкис: Қарақалпақстан, 1980. Т. VI. 462 с.
- Қарақалпақ фольклоры.* Алпамыс. Нөкис: Қарақалпақстан, 1981. Т. VII. 218 с.
- Қарақалпақ фольклоры.* Қоблан. Нөкис: Қарақалпақстан, 1981. Т. VIII. 276 с.
- Өтемисов А.* Қарақалпақлардың өнер-кәсіплери. Нөкис: Қарақалпақстан, 1991. 104 с.
- Өтемисов А.* Қарақалпақстан балықшылары. Нөкис: Қарақалпақстан, 1979. 66 с.
- Хожанияз улы Ғайратдин, Жумабай улы Оңғарбай.* Қарақалпақстандағы мухаддес орынлар. Нөкис, 1994. 69с.
- Агаджанов С.* Огузские племена IX–XIII вв. (историко-этнографический очерк) // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. X. С. 179–193.
- Агеева Е.А., Данилко Е.С.* Казаки-уральцы-этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2016. № 249. С. 3–27.
- Алиева З.Ж.* К вопросу классификации женских ювелирных украшений каракалпаков // Санъатшунос. 1998. С. 44–50.
- Алиева З.Ж.* Ритуальные ювелирные украшения каракалпаков XIX – начала XX в. (в комплексе народного женского костюма) // SANAT. 2003. № 2. С. 12–15.
- Алламуратов А.* Каракалпақская народная вышивка. Нукус: Каракалпақстан, 1977. 77 с.

Андрианов Б.В. Ак-Джагыз (к истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовье Амударьи) // ТХАЭЭ. Т. I. М.: АН СССР, 1952. С. 567–584.

Андрианов Б.В. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII–XIX вв.) // ТХАЭЭ. Т. III. М.: АН СССР, 1958. С. 7–132.

Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. 253 с.

Андрианов Б.В. К вопросу о классификации форм орошаемого земледелия в Средней Азии // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1973. С. 9–15.

Андрианов Б.В. Вопросы картографирования этнических и культурных явлений в историко-этнографическом атласе народов Средней Азии и Казахстана // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С. 63–67.

Андрианов Б.В. Народные традиции природопользования и экологические кризисы // Приаралье в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 1998. С. 60–73.

Аржанцева И.А. Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск, 2016. 237 с.

Баллиева Р. Этнокультурные особенности природопользования народов Приаралья (конец XIX – начало XX века). М.: Компания Спутник, 2003. 78 с.

Басилов В.И., Есбергенов Х.Е. Экология и проблемы этнографии // Вестник КК ФАН УзССР. 1991. № 4. С. 153–154.

Баскаков Н.А. Каракалпакский язык (материалы по диалектологии). М.: Изд-во АН СССР, 1951. 410 с.

Бекмуратова А.Т. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус: Каракалпакстан, 1969. 117 с.

Бекмуратова А.Т. Терминология родства у каракалпаков // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978. С. 27–40.

Бижанова А.Е. Традиции и инновации в свадебной обрядности казахов низовья Амударьи // Вестник ККО АН РУз. 1998. № 4. С. 97–98.

Бижанова А.Е. Образцы народных обрядов песен казахов низовьев реки Амударьи (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории Казахстана. Алматы. 2000. С. 59–69.

Бломквист Е.Э. Этнографическая работа среди «уральцев» // КСИЭ. 1947. № 3. С. 49–54.

Богословская И.В. Десять каракалпакских саукеле // ЭО. 2014. № 4. С. 108–119.

Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // СЭ. 1977. № 1. С. 3–18.

Васильева Г.П. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. // ТХАЭЭ. Т. 1. М.: АН СССР, 1952. С. 427–460.

Васильева Г.П. Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области Туркменской ССР // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. ТИЭ. Т. XLVIII. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 24–25, карты 1–3.

Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в северном Туркменистане. М.: Наука, 1969. 391 с.

Васильева Г.П. К этнографии туркмен восточных районов Левобережного Хорезма // МХЭ. Вып. 7. М.: Наука, 1971. С. 138–164.

Васильева Г.П. Народное декоративно-прикладное искусство как источник для этногенеза (на примере туркмен) // IX международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973. 19 с.

Васильева Г.П. Этнические компоненты в составе туркмен по данным этнографии // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, 1977. С. 95–108.

Васильева Г.П. Головные и наконные украшения туркменок XIX – нач. XX вв. // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 174–205.

Васильева Г.П. Украшения-обереги туркмен. // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакстан, 1989. С. 173–183.

Васильева Г.П. Изделия женского народного декоративно-прикладного искусства туркмен (их роль в установлении этнических связей) // ЭО. 1997. № 2. С. 76–84.

Гнеденко А.А. Ближайшие задачи Каракалпакского научно-исследовательского института // Каракалпакия. Труды первой конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР. Т. II. Л.: АН СССР, 1934. С. 222–229.

Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент: Наука, 1964. 152 с.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: ФАН, 1957. 314 с.

Давлетияров М. Традиционные социальные институты каракалпаков. Нукус: Илим, 2019. 164 с.

Данилевский Г.И. Описание Хивинского ханства // РГО. кн. V. СПб, 1851. С. 62–159.

Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. М.: Наука, 1967. 539 с.

Досумов Я.М. Перспективы развития науки в Каракалпакстане // Вестник ККФАН УзССР. 1961. № 1. С. 3–5.

Есбергенов Х.Е. К вопросу о борьбе с пережитками устаревших обычаев и обрядов // СЭ. 1963. № 5. С. 32–45.

Есбергенов Х.Е. О близости пережитков доисламских верований в обычаях каракалпаков и башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. С. 232–238.

Есбергенов Х.Е. О времени и месте учебы Кунхожи // Вестник ККФАН УзССР. 1977. № 3. С. 84–86.

Есбергенов Х.Е. Произведения фольклора и некоторые вопросы истории кара-калпаков (XVI–XVIII вв.) // Вестник ККФАН УзССР. 1981. № 1. С. 64–68.

Есбергенов Х.Е. Каракалпаки в Левобережной дельте Амударьи (по данным исторического фольклора) // Вестник ККФАН УзССР. 1982. № 2. С. 57–62.

Есбергенов Х.Е. Современные формы брака и семьи у каракалпаков // Вестник ККФАН УзССР. 1983. № 1. С. 60–65.

Есбергенов Х.Е. «Обо» в Каракалпакии и их этнографические параллели // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент: ФАН, 1984. С. 362–366.

Есбергенов Х.Е. Вопросы этнической истории и традиционной культуры каракалпаков // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакстан, 1989. С. 53–76.

Есбергенов Х.Е. Кумай в антропоморфном облике (этнические аспекты духовного наследия предков) // Вестник ККО АН РУз. 1997. № 3. С. 117–122.

Есбергенов Х.Е. Кумай в зооморфном облике // Вестник ККО АН РУз. 1997. № 1–2. С. 124–127.

Есбергенов Х.Е. Вопросы этногенеза каракалпаков в их ономастике // Вестник ККО АН РУз. 1998. № 1–2. С. 137–141.

Есбергенов Х.Е. Чильпык // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 2. С. 98–100.

Есбергенов Х.Е. Саукеле // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 2. С. 100–102.

Есбергенов Х.Е. Генезис некоторых сюжетов каракалпакской версии эпоса «Алпамыс» // Вестник ККО АН РУз. 2000. № 3. С. 76–78.

Есбергенов Х.Е., Атамуратов Т. Традиции и их преобразования в городском быту каракалпаков. Нукус: Каракалпакстан, 1975. 212 с.

Есбергенов Х.Е., Хошниязов Ж. Этнографические мотивы в каракалпакском фольклоре. Ташкент: ФАН, 1988. 156 с.

Есбергенов Х.Е., Ягодин В.Н. Некоторые итоги изучения мазара Шамун-наби // Вестник ККФАН УзССР. 1966. № 4. С. 48–53.

Есбергенова Т.Х. Об истоках трудового воспитания детей у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 3. С. 85–89.

Есбергенова Т.Х. Традиционные формы трудового воспитания детей у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 4. С. 140–144.

Есбергенова Т.Х. Этнокультурные аспекты детской игры у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1998. № 4. С. 99–101.

Есбергенова С.Х. Бык в культовой практике каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 4–5. С. 64–68.

Есбергенова С.Х. Конь в верованиях и эпосах народов Приаралья // ОНУ. 2000. № 2. С. 40–44.

Жданко Т.А. Этнографическая разведка в Чимбайском районе Каракалпакской АССР // КСИЭ. М., 1947. Вып. 2. С. 5–16.

Жданко Т.А. Родоплеменная структура и расселение каракалпаков низовьев Амударьи в XIX – нач. XX вв. // КСИЭ. М., 1949. Вып. 6. С. 58–63.

Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков // ТИЭ. Т. IX. М.; Л.: АН СССР, 1950. 170 с.

Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // ТХАЭЭ. Т. I. М.: АН СССР, 1952. С. 461–566.

Жданко Т.А. Аульная община у каракалпаков // Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 104–105.

Жданко Т.А. Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков // СЭ. 1955. № 4. С. 56–69.

Жданко Т.А. Каракалпакская эпическая поэма «Кырк-кыз» как историко-этно-графический источник // КСИЭ. Вып. XXX. М. 1958. С. 110–120.

Жданко Т.А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков // Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. ТХАЭЭ. Т. III. М.: АН СССР, 1958. С. 373–410.

Жданко Т.А. Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 году // МХЭ. Вып. 1. М.: Наука, 1959. С. 190–208.

Жданко Т.А. Очерки общей этнографии // Народы Средней Азии и Казахстана. Народы мира. Т. I. М.: АН СССР, 1960. С. 157–274.

Жданко Т.А. Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1957 году // МХЭ. Вып. 4. М., 1960. С. 146–170.

Жданко Т.А. Каракалпаки // Народы Средней Азии и Казахстана. М.: АН СССР, 1962. Т. 1. С. 408–528.

Жданко Т.А. Проблемы этногенеза каракалпаков // КСИЭ. Вып. XXXVI. М.: АН СССР, 1962. С. 3–11.

Жданко Т.А. Хорезм и степи Приаралья в IX–X вв. Степные племена Приаралья в XI–XVI вв. // Очерки истории ККАССР. Т. I. Ташкент: Наука, 1964. С. 79–125.

Жданко Т.А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы) // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 274–281.

Жданко Т.А. Каракалпаки. Ташкент: ФАН, 1971. 119 с.

Жданко Т.А. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 169–171.

Жданко Т.А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в историко-этнографическом атласе // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 6–12.

Жданко Т.А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуоседлых скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 148–153.

Жданко Т.А. Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1980. С. 21–41.

Жданко Т.А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // ЭО. 1997. № 1. С. 70–85.

Жданко Т.А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // ЭО. 1997. № 2. С. 15–33.

Жданко Т.А. Сведения о каракалпаках в России XVIII в. // Приаралье в древности и средневековье. М.: РАН, 1998. С. 261–275.

Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи // ТХАЭЭ. Т. I. М.: АН СССР, 1952. С. 319–426.

Задыхина К.Л. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР. ТХАЭЭ. Т. II. М.: АН СССР, 1958. С. 761–808.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 204–227.

Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков // ТИВ АН СССР. Т. VII. М.; Л., 1935. С. 9–89.

Иванов П.П. Материалы по истории каракалпаков // ТИВ Академии наук СССР. Т. VII. М.; Л.: АН СССР, 1935. 229 с.

Иванов П.П. Каракалпаки // СЭ. 1940. Вып. IV. С. 23–54.

Итина М.А. От редактора // Кочевники на границах Хорезма // ТХАЭЭ. Т. XI. М.: АН СССР, 1979. С. 5.

Калбанова Е.Е. Традиционное жилище уральских казаков низовьев Амударьи // Вестник ККО АН РУз. 1998. № 2. С. 142–144.

Камалов С.К. Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в. // ТХАЭЭ. Т. III. М.: АН СССР, 1958. С. 133–206.

Камалов С.К. О развитии исторической науки в Советской Каракалпакии // ОНУ. 1967. № 11. С. 39–43.

Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII – нач. XIX вв. (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент: ФАН, 1968. 327 с.

Камалов С.К. Штабу советской науки – 25 лет // Вестник ККФАН УзССР. 1974. № 3. С. 44–50.

Камалов С.К. Хорезмская экспедиция и развитие исторической науки в Каракалпакии // Вестник ККФАН. 1978. № 2. С. 57–61.

Камалов С.К. «Шежире» Бердаха, как источник по истории каракалпакского народа // Вестник ККОАНРУз. 2008. № 2. С. 71–76.

Камалов С.К. «Шежире» Бердаха, как источник по истории каракалпакского народа // Вестник ККОАНРУз. 2008. № 3. С. 68–71.

Камалов С.К., Есбергенов Х.Е., Карлыбаев М.А. Нравственное воспитание в мектебах низовьев Амударьи (XVIII- XIX вв.) // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 4. С. 135–140.

Камалова Р.С. Традиционные верования каракалпаков, связанные с рождением ребенка в XIX – нач. XX в. (к этнокультурным процессам) // Вестник ККО АН РУз. 1993. № 2. С. 100–104.

Камалова Р.С. Социально-нравственные аспекты в традиционной свадьбе каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1996. № 2. С. 89–94.

Камалова Р.С. Историко-этнографические аспекты обрядности каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1998. № 4. С. 95–96.

Карлыбаев М.А. Медресе в Каракалпакии XIX – начала XX веков. Нукус: Билим, 2002. 84 с.

Карлыбаев М.А. Некоторые данные зарубежной историографии по истории каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2007. № 2. С. 62–65.

Карлыбаев М.А. Роль зияратов в повседневной жизни каракалпаков // Мир ислама. Материалы международной исламоведческой научной конференции. 11-13 декабря. Москва. 2007. С. 126–133.

Карлыбаев М.А. Некоторые данные зарубежной историографии по истории каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2008. № 2. С. 80–85.

Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным) М.: Наука, 1976. 323 с.

Каульбарс А.В. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям // Записки императорского Русского географического общества, 1881. 630 с.

Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби (некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // СЭ. 1979. С. 86–97.

Кнорозов Ю.В. Шаманский зикр в подземелье Мазлумхан сулу // ЭО. 1994. № 6. С. 91–96.

Косбергенов Р. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве // ТХАЭЭ. Т. III. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. М.: АН СССР, 1958. С. 207–268.

Косбергенов Р. Присоединение Каракалпакии к России. Нукус: Каракалпакстан, 1972. 445 с.

Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. 240 с.

Кубель Е.Л. Каракалпакский костюм в контексте этнокультурных процессов XX – начала XXI в. (на примере безрукавки). Феномен социализации в этниче-

ско культуре // Материалы одиннадцатых Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2012. С. 436–441.

Кубель Е.Л. Монеты в женском каракалпакском костюме и украшениях (конец XIX-первая четверть XX в. // Богатство и престиж в традиционной культуре. Материалы Тринадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2014. С. 251–255.

Кубель Е.Л. Каракалпакская детская одежда в собрании Российского этнографического музея // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2014–2015 гг. СПб., 2015. С. 182–188.

Кубель Е.Л. Каракалпакский текстиль в собрании Российского этнографического музея // КУНСТКАМЕРА. № 2(4). 2019. С. 108–119.

Кун А.Л. Заметки о Хивинском ханстве // Туркестанские ведомости. 1873. № 46. 158 с.

Курбанова З.И. Фотоальбом А.Л. Мелкова как источник изучения этнографии каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2000. № 2. С. 52–53.

Курбанова З.И. Из истории этнографического изучения Каракалпакстана (Каракалпакский этнографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции) // Вестник ККО АН РУз. 2008. № 4. С. 36–41.

Курбанова З.И. Женщины-богатырши каракалпакских сказаний // Тамаддунури. 2015. № 2. С. 12–14.

Курбанова З.И. Традиционная обувь каракалпаков (конец XIX – первая четверть XX вв.) // Вестник ККО АН РУз. 2016. № 4. С. 132–135.

Курбанова З.И. Традиционные верования и представления каракалпаков, связанные с одеждой и украшениями // Вестник антропологии. 2016. № 3. С. 64–73.

Курбанова З.И., Давлетияров М.М. Каракалпакский ак жегде // Вопросы истории и археологии западного Казахстана. 2013. № 2. С. 33–36.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. Т. VII. М., 1971. 250 с.

Лобачева Н.П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накидки-халаты) // СЭ. 1965. № 6. С. 34–49.

Лобачева Н.П. Очерк культуры и быта колхозников-освоителей Кызылкумов (по материалам колхоза им. М. Горького Турткульского района Каракалпакстана) // Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник. Л.: Наука, 1971. Вып. III. С. 3–35.

Лобачева Н.П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 298–333.

Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стеновых росписей) // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 18–48.

Лобачева Н.П. Из истории каракалпакского женского костюма (К проблемам историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1984. № 4. С. 14–28.

Лобачева Н.П. К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 6–31.

Лобачева Н.П. Каракалпакские головные накладки // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 169–181.

Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 5–38.

Лобачева Н.П. Огни Сафара в Хорезме (о забытых праздниках) // ЭО. 1995. № 5. С. 24–36.

Лобачева Н.П. К истории среднеазиатского костюма: каракалпакский кимешек // Итоги полевых исследований ИЭА РАН. М., 2000. С. 54–71.

Лобачева Г.П. Этнографический экскурс из экспедиционного прошлого (Лечение бесплодия на мазаре Султан бобо в Хорезме. К характеристике народного ислама) // Полевые исследования ИЭА РАН. М., 2004. С. 128–132.

Лобачева Н.П. Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатско-Казахстанского региона (по материалам середины XX в.) // СЭС. Т. V. М., 2006. С. 47–94.

Малов С.Е. Заметки о каракалпакском языке. Нукус: Каракалпакия, 1966. 46 с.

Маньлов Ю.П. Новые данные о погребальном обряде Хорезма первых веков нашей эры // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981. С. 50–64.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1939. 612 с.

Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и зем-лепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области. Ташкент: 1915. Вып. I–II. 160 с.

Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Часть 2: Хорезм. Ташкент, 1926. 144 с.

Морозова А.С. К вопросу о происхождении сюжета каракалпакской поэмы «Кырк кыз» // Труды института истории Таджикской ССР. ТСХХ. Сталинабад, 1960. С. 133–137.

Морозова А.С. Следы древних форм семьи у каракалпаков // Труды ТашГУ. Т. V. Археология Средней Азии. 1960. С. 118–123.

Морозова А.С. Каракалпакский женский шлемовидный головной убор «сауке-ле» // Труды ТашГУ. Т. VI. Археология Средней Азии. Вып. 200. 1963. С. 134–138.

Попова Л.Ф., Кубель Е.Л. Нагрудник в девичьем /женском костюме тюркских народов Средней Азии и Казахстана // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2014–2015 гг. СПб., 2015. С. 204–210.

Прищепова В.А. Семен Архипович Белькин и социалистическое строительство в Каракалпакии // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 181–189.

Ремпель Л.И. К изучению каракалпакского народного искусства. Вступительная статья // Резьба по дереву. Савицкий И.В. Ташкент: Наука, 1986. С. 5–25.

Риза-Кули Мирза. Краткий очерк Аму-Дарьинского отдела. СПб., 1875. 43 с.
Россикова А.Е. По Аму-Дарье от Петро-Александровска до Нукуса // Русский вестник. СПб., 1902. С. 630–656.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1887.

С.Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // СЭ. 1994. № 1. С. 118–133.

Савицкий И.В. Резьба по дереву. Ташкент: Наука, 1986 С. 38-59.

Садьян И.М. Уход за младенцем в каракалпакской семье // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг. Часть 2. Алма-Ата. 1990.

Садьян И.М. Некоторые вопросы воспитания детей в современной семье каракалпаков (по материалам этнографических экспедиций в городах Нукус и Чимбай ККАССР) // Узбекистан: страницы истории. Ташкент, 1991.

Садоков Р.Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М.: Наука, 1980. 137 с.

Сазонова М.В. К этнографии узбеков южного Хорезма (Полевые исследования южноузбекского этнографического отряда ХАЭЭ в 1946-1948 гг.) // ТХАЭ. Т. I. М.: АН СССР, 1952. С.253–260.

Сазонова М.В. Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. Л., 1978. С. 9–77.

Сарыбаев К. История орошения Каракалпакстана (с конца XIX века до наших дней). Нукус: Каракалпакстан, 1995. 352 с.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.

Снесарев Г.П. По следам Анахиты // СЭ. 1971. № 4. С. 153–165.

Снесарев Г.П. Три хорезмские легенды в свете демонологических представлений // СЭ. 1973. № 1. С. 48–59.

Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 213 с.

Сухарева О.А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 77–102.

Глеубергенова Н.А. Этнокультурные аспекты юрты каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 1995. №2. С. 104–109.

Глеубергенова Н.А. Некоторые обряды и верования каракалпаков, связанные с юртой // Вестник ККО АН РУз. 1995. № 4. С. 101–109.

Глеубергенова Н.А. Поверья каракалпаков, связанные со строительством жилища // Вестник ККО АН РУз. 1997. № 5. С. 129–130.

Толстов С.П. К вопросу о происхождении каракалпакского народа // КСИЭ. Вып. II. М.; Л., 1947. С. 69–73.

Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. Сессия Комиссии по этногенезу и этнографии при Отделении истории и философии АН СССР по вопросам этногенеза Средней Азии, 27–29 августа 1942 г. Ташкент. Тезисы докладов // Советская этнография. Сборник статей. Вып. VI–VIII. М.; Л., 1947. С. 303–305.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948. 352 с.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945–1948) // ТХАЭЭ. 1952. Т. I. С. 7–46.

Толстов С.П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. 1937–1956 гг. // СЭ. 1957. № 4. С. 31–35.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 322 с.

Толстова Л.С. Каракалпаки Ферганской долины (историко-этнографический очерк). Нукус: ККГИЗ, 1959. 183 с.

Толстова Л.С. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – нач. XX вв. Нукус; Ташкент: Каракалпакское государственное издательство, 1963. 227 с.

Толстова Л.С. Уточнение вопросов этногенеза каракалпаков // Вестник КК ФАН УзССР. 1963. № 2. С. 55–66.

Толстова Л.С. Этнографическая группа «митан» в составе узбеков Самаркандской области (к вопросам этногенеза) // Вестник КК ФАН УзССР. 1966. № 4. С. 54–59.

Толстова Л.С. Отзвуки древневосточных мотивов в каракалпакском историческом фольклоре // Вестник КК ФАН УзССР. 1973. № 1. С. 46–49.

Толстова Л.С. Историко-этнографические материалы для Атласа по земледелию и ирригации в Каракалпакии // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 180–187.

Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья (к истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона). М.: Наука, 1984. 245 с.

Томина Т.Н. Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 228–250.

Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. 255 с.

Труды первой конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР. Т. I. Л.: АН СССР, 1934. 245 с.

Труды первой конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР. Т. II. Л.: АН СССР, 1934. 272 с.

Турекеев К. Традиция почитания духов предков в современных представлениях каракалпаков // Вестник антропологии. 2019. № 4. С. 149–161.

Утебаев М.Б. Правила поведения молодой невесты у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2010. № 3. С. 37–40.

Утебаев М.Б. Из изучения традиционного этикета гостеприимства у каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. 2011. № 3. С. 35–39.

Утемисов А., Мамбетуллаев М. Некоторые пережитки верований у каракалпаков, связанные с рыболовством // Вестник КК ФАН АН УзССР. 1973. № 4. С. 57–60.

Утемисов А., Мамбетуллаев М. Рыбная пища у каракалпаков // Вестник КК ФАН АН УзССР. 1973. № 3. С. 57–60.

Утепов К.Т. Великий Октябрь, становление и развитие исторической науки Каракалпакстана. Нукус: Каракалпакстан, 1988. 196 с.

Ходжаниязов Г.Х. Калмак-кала – центр каракалпаков (XVII–XIX вв.) // Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Археология Приаралья. Вып. VII. Ташкент: ФАН, 2008. С. 93–106.

Ходжаниязов Г.Х. Каракалпаки в Приаральском микрорайоне в XVI–XVII вв. // Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Археология Приаралья. Вып. VII. Ташкент: ФАН, 2008. С. 159–262.

Хозяйство Каракалпакии в XIX – начале XX в. (Материалы к историко-этнографическому анализу Средней Азии и Казахстана). Ташкент: ФАН, 1972. 132 с.

Шалекенов У.Х. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем // ТХАЭЭ. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. Т. III. М.: АН СССР, 1958. С. 209–370.

Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношений XVIII–XIX вв. Ташкент: ФАН, 1969. 344 с.

Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент: ФАН, 1974. 340 с.

Шульц Г.К. Каракалпаки дельты Амударьи // Этнограф-исследователь. 1928. № 2–3. С. 35–41.

Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 272 с.

Этнография каракалпаков. XIX – нач. XX вв. (материалы и исследования). Ташкент: ФАН, 1980. 203 с.

Ягодин В.Н. Об этническом определении кердерской культуры и ее роли в этногенезе каракалпаков // КК ФАН УзССР, 1971. №3. С. 69–74.

Ягодин В.Н. Кердерская Умай // Вестник ККО АН РУ. 1999. № 2. С. 88–94.

Ягодин В.Н. Приаральский микрорайон в VII – начале XIV вв. // Археология Приаралья. Вып. VII. Ташкент: ФАН, 2008. С.125–143.

Ярхо А.И. Антропологический тип каракалпаков // ТХАЭЭ. Т. I. М.: АН СССР, 1952. С. 585–609.

Comas et al. Admixture, migrations, and dispersals in Central Asia: evidence from maternal DNA lineages // European Journal of Human Genetics. 2004. 12. Pp. 495–504.

Heyer et al. Genetic diversity and the emergence of ethnic groups in Central Asia // BMC Genetics. 2009. 10:49.

Kalbanova E.E. Les Cosaques del Oural au Karakalpakstan // Karakalpaks et autres gens del Aral. 2002. Pp. 239–248.

Kurbanova Z.I. Les premiers etudes ethnographiques des Karakalpaks // Cahiers d'Asie Centrale. Karakalpaks et autres gens de L' Aral. Entre ravages et Desert. 2002. № 10. Pp. 217–226.

Raphaëlle Chaix et al. The Genetic or Mythical Ancestry of Descent Groups: Lessons from the Y Chromosome // American Journal of Human Genetics. 2004. 75. Pp. 1113–1116.

Raphaëlle Chaix et al. From Social to Genetic Structures in Central Asia // Current Biology. 2007. 17. Pp. 43–48.

Richardson David and Sue. Qaraqalpaqs of the Aral Delta. Munich; L.; NY: PRESTEL, 2012. 470.

Spencer Wells, R., et. al. The Eurasian Heartland: A continental perspective on Y-chromosome diversity // Proceedings of the National Academy of Science. 2001. Vol. 98. Pp. 10244–10249. 28 August.

Tlewbergenova N. A propos del habitations karakalpakes // Karakalpaks et autres gens del Aral. 2002. Pp. 227–238.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

- Архив Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан. Ф. 1. Оп. 4. Д. 76.
- Архив Жокаргы Кенес РК Ф. 1. Оп. 160. Д. 425.
- Архив Жокаргы Кенес РК Ф. 1. Оп. 161. Д. 484.
- Иванов П.П., Морозова А.С.* Каракалпаки // РФ ФБ ККО АН РУ. Ленинград-Ташкент, 1941–1944. Инв. № И-20. 68 с.
- Кусекеев У.* Этнография ККАССР. Турткуль, 1934 // РФ ФБ ККО АН РУ. Инв. № 932. 93 с. (на каракалпакском языке).
- Мелков А.Л.* Каракалпакская экспедиция Общества изучения Казахстана. 1928–1929 гг. Фотоальбом // РФ ФБ ККО АН РУ. Инв. № Р-270.
- Морозова А.С.* Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века (к во-просу этногенеза). Дисс... канд. ист. наук. Ташкент: 1954. // РФ ФБ АН РУз. Инв. № РД-247.
- Морозова А.С.* Материалы по этнографии ногайцев Северного Кавказа, 1946. 48 с. //Личная библиотека Есбергенова Х.Е.
- Полевая запись автора. 2018. № 22.
- Полевая запись автора. 2018. № 35.
- Полевые записи от 28 сентября 1978 // Архив отдела этнографии.
- Отчет отдела этнографии за 1975–1980 гг. «Культурно-бытовые процессы в Каракалпакстане». Нукус, 1979. 430 с. // РФ ФБ ККО АН РУ. Р-110 К.
- Отчет отдела этнографии за 1991–1993 гг. Современные этнокультурные процессы в городах Каракалпакстана. Нукус, 1993. 861 с. // РФ ФБ ККО АН РУ. Р-110.
- Отчет отдела этнографии за 1994–1996 гг. «Народы Каракалпакстана». Нукус, 1996. 150 с. // РФ ФБ ККО АН РУ. Р-110.
- Отчет отдела этнографии за 1986–1990 гг. «Отражение этнических процессов в семейном быту народов Каракалпакстана». Нукус, 1990. 593 с. // РФ ФБ ККОАН РУ. Р-110.
- Отчет отдела этнографии за 1981–1985 гг. «Новое и традиционное в быту сельской семьи каракалпаков». Нукус, 1985. // РФ ФБ ККОАН РУ. Р-110.
- Отчет отдела этнографии за 1997–1999 гг. «Духовная культура каракалпаков в XIX – нач. XX вв.». Нукус, 1999. 283 с. // РФ ФБ ККО АН РУ. Р-110.

Рысиназаров Н.Р. Антропологический состав каракалпаков в связи с вопросами этногенеза каракалпакского народа // АКД...канд. биолог. наук. Нукус, 1972. 28 с.

Соколов А.А. Основные этапы истории каракалпаков (по данным народных преданий каракалпаков и других памятников «живой старины»). Турткуль, 1934. 377 с. // РФ ФБ ККО АН РУ. Инв. № Р-23.

Справка о работе секторов этнографии, археологи, истории дореволюционного и советского периодов ИЯИЛ КК ФАН УзССР за 1968 год.

Центральный Государственный архив Республики Каракалпакстан. Ф. 12. Оп. 3. Д. 15; Д. 160; Д. 169; Д. 193.

Центральный Государственный архив Республики Каракалпакстан. Ф. 26. Оп. 1. Д. 31; Д. 292.

Список сокращений

АКД	- Автореферат кандидатской диссертации
АН СССР	- Академия наук СССР
ГМИ РК им. И.В. Савицкого	- Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого
ЗИРГО	- Записки императорского русского географического общества
ИКО	- Историко-культурная область
ИЭА	- Институт этнологии и антропологии
ИЯИЛ	- Институт языка и литературы
КК ОАН РУз.	- Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан
ККНИИ	- Каракалпакский комплексный научно-исследовательский институт
ККНИИГН	- Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
КК ФАН УзССР	- Каракалпакский филиал Академии наук Узбекской Советской Социалистической республики
КСИЭ	- Краткие сообщения института этнографии
МХЭ	- Материалы Хорезмской экспедиции
ОНУ	- Общественные науки в Узбекистане
РГО	- Российское географическое общество
РЭМ	- Российский этнографический музей
СНК ККАССР	- Совет народных комиссаров Каракалпакской Автономной советской социалистической республики
СЭ	- Советская этнография
ТашГУ	- Ташкентский государственный университет
ТИВ	- Труды института востоковедения
ТИЭ	- Труды института этнографии
ХАЭЭ	- Хорезмская археолого-этнографическая

- ХКТ
ЦГА РК
ЭО
- экспедиция
- Хозяйственно-культурный тип
- Центральный государственный архив
Республики Каракалпакстан
- Этнографическое обозрение

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Становление этнографической науки Каракалпакстана	15
Начало этнографического исследования каракалпакского народа	16
Вклад участников ХАЭЭ в этнографическое изучение народов Каракалпакстана	30
Каракалпакский этнографический отряд	32
Узбекские этнографические отряды	48
Туркменский этнографический отряд	54
Развитие этнографической науки Каракалпакстана	57
Организация отдела этнографии, основные направления этнографической науки Каракалпакстана	58
Этнографические исследования современного Каракалпакстана	77
Заключение	91
Список иллюстраций	104
Список использованной литературы	105
Использованные источники	118
Список сокращений	120

КУРБАНОВА З.И.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА
КАРАКАЛПАКСТАНА: ЭТАПЫ
СТАНОВЛЕНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ

(На обложке фотография из фотоальбома А.Л. Мелкова из Рукописного фонда фундаментальной библиотеки ККО АН РУз. 3-931. №67)